

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Эвальд Окас. РЫБАЧКА.

Леопольд Энносаар. ТАЛЛИН ЗИМНИЙ. Акватинта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1623)

36-й год издания

20 ИЮЛЯ 1958

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Путь в небо

Из жизни летчика-испытателя

С. АНОХИН,

Герой Советского Союза

НА ПЛАНЕРЕ

Планер делает небольшой разбег по склону горы и легко отрывается от земли. Восходящий воздушный поток поднимает его все выше и выше. Из пилотской кабины я вижу, как синяя черта горизонта будто отступает, открывая передо мной широкую панораму. Внизу, у моря, живописно раскинулся Коктебель, с правильными рядами белых домиков Высшей планерной школы Осоавиахима, дальше расстилается бурая, выжженная крымским солнцем долина, а справа — море, синее, безбрежное. Однако на эту красивую панораму я бросаю лишь мимолетный взгляд. Все мое внимание сосредоточено на пилотировании. Чтобы выполнить задание — не менее 15 минут парения и посадка точно возле «Т», — я должен летать вдоль гребня горы туда и обратно, не теряя высоты.

Парящий полет на прекрасном, послушном аппарате наполняет меня восторгом, и я чувствую себя почти властелином воздушной стихии. Но это блаженное состояние длится недолго. Сильный северный ветер, который благоприятствует парению, несет с собой белесые лохматые облака. Я не заметил, как оказался среди них. И земля и море исчезают из глаз, скрытые серой, непроглядной мутью. На козырьке кабины бисером оседают капельки влаги.

Крепче сжимаю ручку управления: ведь летать в облаках я еще не умею, и это для меня серьезное испытание. К счастью, оно скоро кончается. Я выскакиваю из облака, продолжаю парить положенное время, а затем сажусь точно у «Т». Ко мне подбегает инструктор Михаил Романов, крепко стискивает мою руку, поздравляет с окончанием школы, с присвоением звания инструктора.

С того памятного дня прошло более двадцати пяти лет. С планера я перешел на самолет, стал летчиком-испытателем. Теперь, пилотируя и тяжелые многодвигательные корабли и сверхзвуковые истребители, я по-прежнему увлекаюсь планеризмом и всегда с благодарностью вспоминаю школу Осоавиахима, которая привила мне первые летные навыки, научила хладнокровию и мужеству.

По себе знаю, что планеризм — это лучшая подготовка для летчика. Ведь современный самолет с мощными реактивными двигателями и совершенной аэронавигационной аппаратурой почти не зависит от ветра и погоды. Планерист же, борясь с воздушной стихией только своим искусством и хладнокровием, совершает перелеты в несколько сот километров, держится в воздухе десятки часов, поднимается в стратосферу. Планеристы выполняют и смелые экспериментальные полеты.

Таков был, например, полет Ивана Карташова перед грозовым фронтом. Грозовые тучи, несущие в себе электрические заряды огромной мощности, и воздушные вихри опасны и для больших реактивных самолетов, которые их всегда далеко обходят. А Карташов на хрупком планере, забуксированном на высоту самолетом, смело устремился навстречу опасности.

Искусно используя воздушные потоки, клубящиеся впереди тучи, планерист уверенно летал вдоль грозового фронта, мчась

Герой Советского Союза полковник С. Анохин.

Фото Е. Умнова.

вместе с ним со скоростью урагана. Маленький планер перед огромной темно-синей тучей, полыхающей ослепительными молниями, напоминал мотылька, порхающего возле огня. Один неверный маневр пилота, и планер мог оказаться в грозовом фронте, где его мгновенно разломало бы на куски.

Но Карташов был отличный планерист, опытный, хладнокровный. Наблюдая вблизи грозовые явления и изучая особенности полета в столь необычных условиях, он парил перед тучей до тех пор, пока она сама не рассеялась.

В Коктебеле, в Высшей планерной школе, где я остался работать инструктором, велась и испытательная работа. И однажды на мою долю выпал необычный полет. Следовало проверить в воздухе расчеты конструктора: какова максимально допустимая скорость для планера типа «Рот-фронт 1». С превышением этой максимально допустимой скорости могла последовать вибрация и разрушение аппарата.

День этих испытаний запомнился мне навсегда. Стояла чудесная крымская осень с ясными, но нежаркими днями. Ветер дул ровный, сильный. Он поднимался после полудня, стихал к вечеру и еще не нес с собой серых осенних туч. В такую погоду выполнить парящий полет — большое удовольствие.

Когда я пришел на аэродром, планер и самолет, который должен был забуксировать его на нужную высоту, уже стояли на старте. Все провожавшие меня в воздух слегка волновались, хотя и скрывали это. Я не боялся опасности и верил в себя, верил, что в случае необходимости сумею воспользоваться парашютом. Однако меня сковывало какое-то нервное напряжение, ожидание неизвестного.

— Еще не поздно,— говорит конструктор планера,— может, бросим всю эту затею?

— Все будет в порядке,— успокаиваю я его и надеваю парашют.

Миша Романов помогает мне. Потом по инструкторской привычке сам проверяет подгонку подвесной системы моего парашюта и дружески хлопает по плечу:

— Лети, брат Сережа! Ни пуха ни пера.

...Самолет, описывая широкие круги, поднимает мой планер все выше и выше. Вот уже стрелка альтиметра показывает 2 500 метров над точкой взлета. Высота достаточная. Отцепляюсь от буксирного троса. Самолет быстро проваливается вниз, уходит в сторону.

Остаюсь один в воздухе. Подо мной — привычная панорама восточного берега Крыма. Долина Узун-Сырта, море с белой полоской прибоя у берега, вдали домики Отуз и силуэты крымских гор, поднимающихся из-за черных скал Карадага.

Пора начинать испытания. Указатель скорости показывает 65 километров в час. Плавно отжимаю ручку управления от себя, планер опускает нос и начинает пикировать. Скорость быстро возрастает: 100, 120, 150, 200. Пока все нормально, никаких вибраций не наблюдаю. Все же бросаю взгляд на крылья. Нет, не заметно, чтобы они дрожали. Но вот свист встречного воздуха переходит в звенящий гул, напоминая звук туго натянутой гигантской струны. Скорость — 220 километров в час. Крылья планера начинают слегка дрожать...

Больше я ничего не успеваю зафиксировать. От стремительно нарастающей вибрации высокой частоты планер словно взрывается. С треском отрываются крылья, и страшная сила, оборвав крепящие ремни, выбрасывает меня в воздух. Мне удается сохранить спокойствие. Берусь за вытяжное кольцо парашюта, но думаю, что сразу открывать купол нельзя: зацепит обломками планера. Перебарываю желание мгновенно вытянуть кольцо, делаю задержку. И когда парашют открывается, прекращая мое стремительное падение, сердце переполняется радостью: «Спасен!» И море, и солнце, и земля кажутся мне чудесными, неповторимо прекрасными!

Я приземлился рядом с остатками развалившегося аппарата, отстегнул подвесную систему парашюта и собрал купол так, как требует инструкция. Потом присел на нагретый солнцем камень, вынул папиросу, закурил. Было очень приятно чувствовать, что наконец находишься на земле. Хоть испытательный полет и закончился вынужденным прыжком с парашютом, но он оставил незнакомое мне ранее ощущение творчества. В душе звучали какие-то особые струны!.. Именно тогда, сидя среди обломков своего планера, словно моряк, потерпевший кораблекрушение, я впервые подумал о профессии летчика-испытателя как о желанной, совершенно необходимой мне.

Через несколько дней после испытания планера «Рот-фронт 1» в школу пришла телеграмма. Мишу Романова и меня срочно вызывали в Москву. С грустью расставался я с товарищами, со школой, которая сделала меня авиатором. До сих пор Коктебель и крымское небо дороги мне, как отчий дом, как воспоминание о юности.

«Летающая черепаха»

Во время Отечественной войны я был призван в армию и направлен в часть, которая располагалась на подмосковном аэродроме, в зоне действия мощной противовоздушной обороны столицы. Здесь строго соблюдались правила маскировки. Ангары и служебные помещения были камуфлированы и стояли пятнистые, полосатые, будто изменившие свою форму и размеры. Для укрытия личного состава во время вражеских бомбежек возле стоянок самолетов и жилых зданий были вырыты глубокие щели и блиндажи.

В новой части было много знакомых планеристов, и среди них известные рекордсмены Павел Савцов, Виктор Ильченко, Григорий Малиновский, Всеволод и Михаил Романовы, Павел Еремеев, Виктор Выгонов.

Через некоторое время на наш аэродром привезли какой-то летательный аппарат, тщательно закрытый брезентом. Когда брезент сняли, многие удивились. Представьте себе танк, к которому приделаны крылья и хвостовое оперение. Сразу же разгорелись ожесточенные споры. Идея применения танка-планера многим казалась заманчивой.

— Вообразите,— говорили они,— что ночью самолет забуксирует этот аппарат к крупному тыловому аэродрому противника, который находится в районе действия наших партизан. Здесь водитель танка, он же планерист, отдаст буксирный трос, бесшумно спланирует на аэродром, сбросит крылья и хвостовое оперение и начнет давить гусеницами вражеские самолеты, а огнем пушки и пулемета уничтожать летный состав. Окончив операцию, летающий танк благополучно уйдет на соединение с партизанами, которых об этом заранее предупредят. Ведь охрана аэродромов не имеет противотанкового оружия, а автоматный и пулеметный огонь бронированной машине не страшен.

— Все это хорошо,— возражали им,— но танк, приделай к нему хоть четыре пары крыльев, не сможет лететь. Форма танка совершенно не аэродинамична. И если он даже оторвется от земли, то в воздухе не выполнит и простого разворота.

Но я не был склонен согласиться с этими доводами, ибо знал все расчеты конструктора. Испытывать в воздухе «летающий танк» предстояло мне.

...Раннее летнее утро. Солнце еще не взошло, но на нашем аэродроме уже кипит работа. Снуют бензозаправщики и автостартеры, гудят моторы: техники готовят машины к полетам. Я докуриваю папироску, по старой авиационной привычке тщательно затаптываю окурок и иду к «летающему танку». На его броне еще блестит роса, башня развернута назад, длинный ствол пушки смотрит вдаль, на синеющий за аэродромом лес. Необычайный аппарат готов к испытательному полету.

Уже несколько раз я поднимался в воздух на «летающем танке», делал короткие «подлеты»: на буксире самолета танк-планер отрывался от земли и затем, отцепившись от буксирного троса, производил посадку. С каждым разом «подлеты» становились все выше, «крылатый танк» все дольше оставался в воздухе. Хоть он и мог летать на буксире, но пилотажные его качества, разумеется, были ограничены. Парить этот танк-планер, конечно, был не в состоянии.

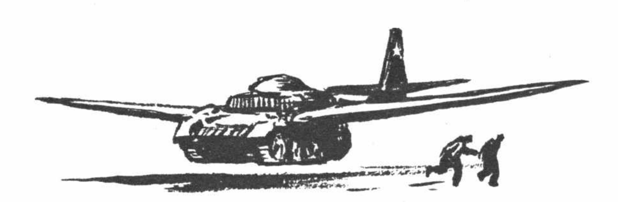
Сегодня мне предстоит более серьезная работа: выполнить первый испытательный полет. Все его детали уже уточнены с летчиком, старшим лейтенантом Павлом Еремеевым, буксирующим меня с начала испытаний. В шутку Еремеев называет меня не иначе, как капитан «летающей черепахи».

— Если в воздухе встретимся с фашистскими истребителями,— улыбаясь, говорил он,— то вся надежда на твою «летающую черепаху». С ее артиллерией и броней мы всю гитлеровскую авиацию разгромим.

И вот я открываю тяжелый люк, влезаю в танк...

Освоился я в нем не сразу. Уж очень все здесь отлично от хорошо знакомых кабин различных типов самолетов и планеров! Да и сам я, в шлеме танкиста, с надетым парашютом, перед узкой смотровой щелью, прикрытой бронестеклом, имел, вероятно, несколько странный вид.

Эта узкая смотровая щель доставляет наибольшие неудобства планеристу. Видно через нее очень немного. Правда, конструкторы установили специальное оптическое приспособление, увеличивающее обзор в стороны. Но

нужен солидный навык, чтобы, пользуясь им, не терять ориентировки.

Запускаю мотор танка, даю ему прогреться, включаю скорость и, лязгая гусеницами, подруливаю в хвост тяжелому четырехмоторному бомбардировщику, который будет меня буксировать.

Раздается команда — разрешение на взлет. В смотровую щель вижу облако пыли, поднятое винтами самолета, буксир натягивается, планер вздрагивает и трогается с места. Стремительный разбег, и мы отрываемся от земли. Полет начался.

Я внимательно слежу за поведением «летающего танка» в воздухе. Рулей он слушается хорошо, все идет нормально. Вдруг в наушниках раздается голос Павла Еремеева:

— Очень греются моторы. Тащу тебя к ближайшему аэродрому.

«Крылатый танк» был слишком тяжелым для самолета, и хорошо, что лететь нам пришлось недолго. Скоро подо мной оказался небольшой аэродром.

— Отцепляй трос,— говорит летчик.

Выполняю команду, иду на посадку. Мое появление на аэродроме было эффектно. Все находящиеся на старте быстро разбежались в стороны, приняв «летающую черепаху» за фашистский самолет неизвестной конструкции...

...Жизнь на нашем аэродроме шла стремительным темпом. Испытательная работа нарушалась сигналами воздушных тревог, боевыми вылетами в тыл врага. События наплывали друг на друга, то грозные, то трагичные, то невероятные, почти фантастические. Одно из таких фантастических событий мне особенно запомнилось.

Это произошло после того, как я кончил испытывать «летающую черепаху». Наступили первые зимние дни. Снег еще не покрыл землю, и она, прихваченная морозом, гулко отзывалась под сапо-

гом. Мы находились на старте, наблюдая, как взлетал четырехмоторный бомбардировщик, под фюзеляжем которого был подвешен грузовой автомобиль.

После короткого разбега самолет без труда оторвался от земли, и тогда я увидел на оси его левого колеса... человека! Он стоял без шапки, уцепившись за стойку. Встречный поток воздуха рвал на нем шинель, ее полы метались, словно крылья какой-то фантастической птицы. В первое мгновение я решил, что у меня галлюцинация. Но нет! Все, кто был на старте, онемев от удивления, смотрели в небо.

Посыльный со всех ног бросился на командный пункт, чтобы по радио предупредить летчика о неожиданном пассажире. Самолет скрылся из глаз, а мы стали выяснять, кто же этот смельчак. Оказалось, что в воздух поднялся инженер Лев Салько — молодой специалист, который проводил испытания, очень способный человек, любящий свое дело, но горячий, увлекающийся, быстрый на решения. Как его угораздило таким образом подняться в воздух, было непонятно.

Минут через пятнадцать самолет вернулся и сразу пошел на посадку. Летчик подводил машину к земле осторожно, чтобы приземлиться мягко, без толчков. Но старался он напрасно. Под самолетом, возле колеса, никого не было.

— На таком морозе и пяти минут не продержишься,— сказал кто-то. И, тяжело вздохнув, добавил: — А какой хороший был парень наш Лева!..

В это время самолет подрулил к старту, остановился, и из кабины автомобиля на землю вышел... Салько. Но в каком виде! Он едва держался на ногах, побледневшее лицо осунулось, глаза ввалились, низ шинели, обтрепанный ветром, свисал бахромой.

Что же произошло?

Когда самолет с подвешенным под фюзеляжем грузовым автомобилем должен был уже рулить на старт, Салько решил окончательно убедиться в прочности подвески. Моторы самолета работали, и инженер, прикрывая лицо от воздушных вихрей, встал на ось левого колеса.

Самолет порулил на старт, а инженер остался стоять на оси колеса. Стартер не заметил человека, дал команду летчику взлетать, и тот без остановки пошел в воздух. Когда Салько понял, что́ происходит, было уже поздно.

Оцепенев от страха, инженер смотрел на уходящую вниз землю. Ледяной ветер пронизывал до костей, руки коченели. Еще несколько минут, и... Но тут Салько вспомнил об автомобиле, подвешенном под фюзеляжем. Вот оно спасение! Прикинув расстояние, инженер решил перелезть в кабину автомашины. Это было очень трудно и рискованно. Но выбирать не приходилось. С каждой секундой силы убывали.

Когда Салько разжал руки, воздушный поток сорвал его с оси. Но инженер уже успел ухватиться за край кабины автомобиля и через секунду сидел на месте шофера. Салько перевел дух, вытер пот, выступивший на лбу.

Теперь спасен!

Но тут страх снова овладел им. Салько вспомнил, как, инструктируя летчика перед полетом, он говорил:

— Если автомашина в воздухе вызовет вибрацию самолета, сейчас же нажимай кнопку аварийного сброса. Не рискуй. Пусть автомобиль падает на землю, черт с ним!

И теперь, сидя в шоферской кабине, Салько ясно представил себе, как все это произойдет. Вот рука летчика тянется к кнопке аварийного сброса, и автомобиль, по законам физики, летит к земле по какой-то кривой, как падает бомба. Только, вероятно, будет кувыркаться в воздухе. А его, Леву Салько, или выбросит из кабины и он будет падать рядом с автомобилем, или не выбросит до самой земли. А там...

Картина собственной гибели стояла у инженера перед глазами, пока самолет не приземлился.

Мы все горячо поздравили товарища с чудесным спасением. Командир части тоже его поздравил, а потом арестовал на трое суток за нарушение инструкции по проведению испытаний.

На коротком тросе

Наша испытательная работа чередовалась с боевыми вылетами в тыл врага. Один из них стал для меня весьма памятным. Это произошло в апреле 1943 года на Белорусском фронте. Для выполнения задания я перелетел на десантном планере в Старую Торопу, расположенную километрах в шестидесяти от передовой. Чувствовалось приближение весны. Южный ветер дул порывами, рябил поверхность луж, нес с собой низкие серые тучи.

Я опасался, что из-за плохой погоды вылет не состоится, но после полудня ветер переменился. Стало солнечно, приморозило. Девушки-зенитчицы деловито захлопотали возле своих орудий, поднимающих к небу длинные стволы, выкрашенные для маскировки в белый цвет. Загудели моторы, и штурмовики, разбрызгивая лужи, промчались по взлетной дорожке. Над аэродромом они собрались, построились клином и ушли в сторону фронта. Боевая работа авиации началась.

Когда солнце село и в небе зажглись первые, еще неяркие звезды, мы стали готовиться к полету. Нам предстояло доставить группу десантников в небольшой городок Бегомль — центр партизанского района в глубоком тылу немецких войск. Командир десантной группы капитан Николаев привел своих людей. Как на подбор плечистые, рослые, вооруженные автоматами, кинжалами и ручными гранатами, они быстро, без суеты заняли места в кабине. Я сел за штурвал. Трос натянулся, планер дрогнул и двинулся с места.

В полете.
Фото Г. Макарова.

Скоро мы подошли к линии фронта. С высоты трех тысяч хорошо были видны вспышки артиллерийских залпов и неверный зеленоватый свет ракет. Фашисты нас заметили. От земли красными бусинками, словно стараясь догнать друг друга, понеслись в небо очереди зенитных снарядов. Багровые вспышки разрывов преградили нам путь. Чтобы избежать попадания, самолет-буксировщик стал маневрировать. Я повторял его движения. Мы благополучно вышли из-под обстрела, скрылись в темноте.

Ни в небе, ни на земле ни одного огонька, ни одной светящейся точки. Только впереди и чуть ниже я видел, как из выхлопных патрубков самолета-буксировщика выбивались голубые язычки пламени. Оно демаскировало нас. Его могли увидеть немецкие летчики ночных истребителей. Для них самолет с десантным планером на буксире представлял лакомую добычу.

В ночном полете над территорией, занятой противником, время тянется медленно. Я уже с нетерпением посматривал на часы, когда наконец увидел сигнал партизан — костры, выложенные конвертом. Нас ждали. Мы ответили, и внизу зажглись огни ночного старта. Я отцепился и пошел на посадку.

Планер, сделав короткий пробег, остановился. Я вышел из кабины и сразу попал в крепкие объятия партизан. Это были бойцы бригады имени Железняка. Ко мне подошел высокий бородатый партизан с боевыми орденами на груди.

— Товарищ инструктор, вы меня разве не узнаете? — спросил он.

Я не сразу узнал Костю Сидякина только потому, что его лицо изменила пышная борода. Перед войной Костя учился летать на планере, увлекался парашютным спортом. Мы обнялись.

— Хорошо, что прилетели именно вы,— говорил Костя,— нам здесь может помочь только опытный планерист.

Оказалось, что в отряде есть два тяжело раненных партизанских командира, которых нужно срочно доставить в госпиталь. Но на маленьком аэродроме, к тому же изрытом воронками от бомб, транспортный самолет не может приземлиться.

— А самолет, который вас буксировал, к нам сядет,—сказал Костя и выжидательно посмотрел на меня.— Если бы только вы согласились!

Я, конечно, сразу понял, что он просит вывезти раненых на планере. Но это было весьма сложно. Обычно десантные планеры оставляли партизанам, так как взлет на буксире с такой площадочки считается невозможным.

— Что ж,— ответил я,— пойдем посмотрим...

Осмотр не принес ничего утешительного. Было ясно, что взлет отсюда на буксире крайне рискован. Собственно, это понимал и Костя Сидякин, ведь он и сам был хорошим планеристом. С аэродрома мы прошли в командирскую палатку, и тут я увидел раненых. Они лежали рядом на

(Продолжение см. на 9-й стр.)

Проводы на Внуковском аэродроме. На снимке: товарищи К. Е. Ворошилов, А. Новотный и Н. С. Хрущев.

Фото А. Устинова.

КРЕПНЕТ ДРУЖБА

Советский народ с горячим чувством дружбы принимал Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, Президента Чехословацкой Республики Антонина Новотного, посетившего Советский Союз с официальным дружеским визитом по приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР.

12 июля в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание Н. С. Хрущевым, К. Е. Ворошиловым и А. Новотным Коммюнике о пребывании Антонина Новотного в СССР. Коммюнике подчеркивает, что визит Первого секретаря ЦК КПЧ, Президента Чехословацкой Республики в СССР и встречи советских и чехословацких руководителей будут содействовать дальнейшему братскому сплочению народов обеих стран.

14 июля Антонин Новотный и сопровождавшие его руководящие деятели Чехословакии отбыли на родину.

Совещание общественности на высшем уровне

А. АЛЕКСАНДРОВ

Внимание всего прогрессивного человечества приковано сейчас к Стокгольму. Здесь, в спортивном зале Эриксдалльхаллен, открылся Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество.

Еще задолго до открытия пленарных заседаний в кулуарах, на улицах, в отелях, кафе встречались, беседовали, горячо приветствовали друг друга на десятках языков делегаты, приехавшие в Стокгольм со всех концов земли.

— Чего вы ждете от конгресса? — с этим вопросом обратились мы к некоторым делегатам.

В коридоре школы Эриксдалсскулэн мы увидели незабываемую сцену: маленькая, хрупкая китаянка смеялась и прыгала от радости, крепко держа за руки финскую женщину.

— Мы встретились в Китае,— объяснила Кристина Порккала, представительница Организации сторонников мира Финляндии.— Встретились, подружились, а теперь увиделись снова в Стокгольме.

— В нашей делегации,— говорит Кристина Порккала,— около ста человек: рабочие, делегаты профессиональных союзов, представители пацифистской организации «Союз за мир», финской секции Международного союза женщин и другие.

Голос общественности мира звучит все громче и громче,— продолжает Порккала.— Народы требуют созыва совещания великих держав на высоком уровне. Мы надеемся, что на конгрессе будут намечены пути к тому, чтобы разоружение стало фактом. Финские делегаты приложат все свои силы для укрепления дружбы прибалтийских народов и всех других народов, больших и малых. Мы, финны, можем прямо сказать, что есть хороший пример такого сотрудничества,— это отношения добрососедской дружбы между СССР и Финляндией. Они служат наглядным примером того, насколько реальна и жизненна идея мирного сосуществования.

Бывший член правительства в штате Бупал и руководящий деятель партии Индийский национальный конгресс Шатур Нарам Мальния на наш вопрос ответил коротко и определенно:

— Наше общее дело — мир. Общественное мнение в моей стране выступает за мир, и это решающим образом отражается на политике нашего правительства и на позициях прессы. Индия послала в Стокгольм 70 своих представителей. Среди них много последователей Ганди, бывших министров, видных общественных деятелей. Мы все — за панча шила, за разоружение, за международное сотрудничество.

Член Всемирного Совета мира Эжени Коттон (Франция) приветливо встретила нас на пороге своего номера в отеле «Мальме».

Стокгольмский конгресс, сказала она, ставит перед собой благородную задачу — показать всем, кто сейчас бряцает оружием, что народы требуют от правительств приступить к переговорам, а не вести политику с позиций силы.

Мы знаем, как трудно достигнуть разрешения конфликтов. Но сторонники мира исходят из того, что не обязательно, чтобы все имели одинаковые точки зрения на все проблемы. Важно, что вокруг основного вопроса — защиты мира — могут объединиться все...

* * *

Утром 16 июля по широкому проспекту Рингвэген к светло-серому зданию Эриксдалльхаллен шли посланцы более семидесяти стран, участвующих в конгрессе.

Мимо нас в традиционных кимоно прошли японские делегаты. Об их приближении возвещали мерные удары гонга, который нес человек сурового вида, в черной одежде. На гонге надпись: «Хиросима не должна повториться».

Быстрым шагом двигалась группа взволнованных смуглых людей. Около них сразу собралась толпа. Это были арабские делегаты конгресса. В руках делегата Камела Биндари мы увидели листок бумаги — телеграмму, приветствующую свержение иракским народом власти агентов империализма. «Мы поддерживаем от всего сердца Иракскую республику,— говорилось в телеграмме,— и ее присоединение к принципам Бандунга о свободе и мире».

Чувствуется, как волнуют всех делегатов события в Ливане, как возмущает их военная интервенция, начатая Соединенными Штатами против этой страны. Арабским представителям дружески пожимают руки, выражают им свою горячую солидарность...

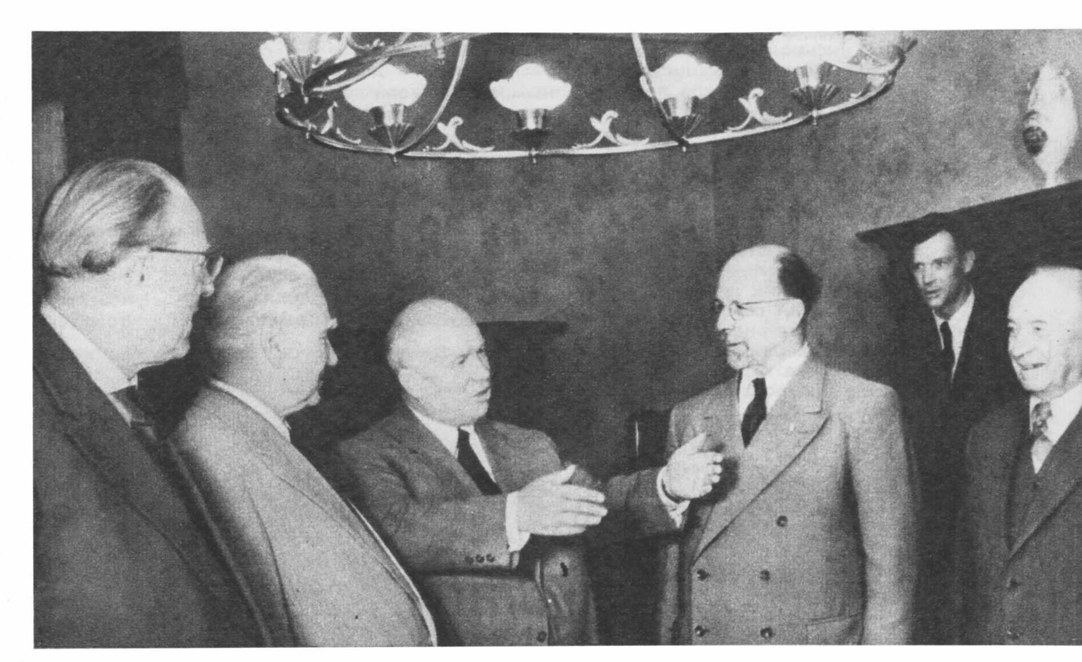
На конгресс приехало свыше 1 300 делегатов. Многие прямо с поездов, самолетов отправились в зал заседаний.

Ровно в 11 часов на трибуну конгресса поднялся шведский писатель Артур Лундквист. Он предоставил слово для приветствия священнику, депутату шведского рийкстага Бертилю Мугорд. В составе избранного президиума известные борцы за мир, представляющие 50 стран мира. Среди них г-жа Рамешвари Неру (Индия), Эжени Коттон (Франция), Феликс Иверсен (Финляндия), Го Мо-жо (Китай), И. Эренбург (СССР), Артур Лундквист (Швеция) и другие.

Конгресс собрался в дни, когда агрессивные действия некоторых западных держав снова ставят мир под серьезную угрозу. С тем большей энергией и решимостью будет делать конгресс свое благородное дело, в котором кровно заинтересовано все миролюбивое человечество.

Стокгольм. 16 июля.
По телефону.

СПЛОЧЕННОСТЬ И ЕДИНСТВО

Дружеская беседа в резиденции Президента Германской Демократической Республики товарища Вильгельма Пика. Слева направо: Отто Гротеволь, Вильгельм Пик, Н. С. Хрущев, Вальтер Ульбрихт, О. В. Куусинен.

Фото Центральбильд.

Делегаты и гости V съезда СЕПГ направляются на заседание.

В Германской Демократической Республике закончился V съезд Социалистической единой партии Германии. Съезд продемонстрировал непоколебимую сплоченность рядов партии, ее тесное единство с народом в борьбе за построение социализма в республике, за победу мира.

В работе съезда приняли участие делегации 46 братских коммунистических и рабочих партий, а также делегация Коммунистической партии Германии. Делегацию КПСС на съезде возглавлял Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

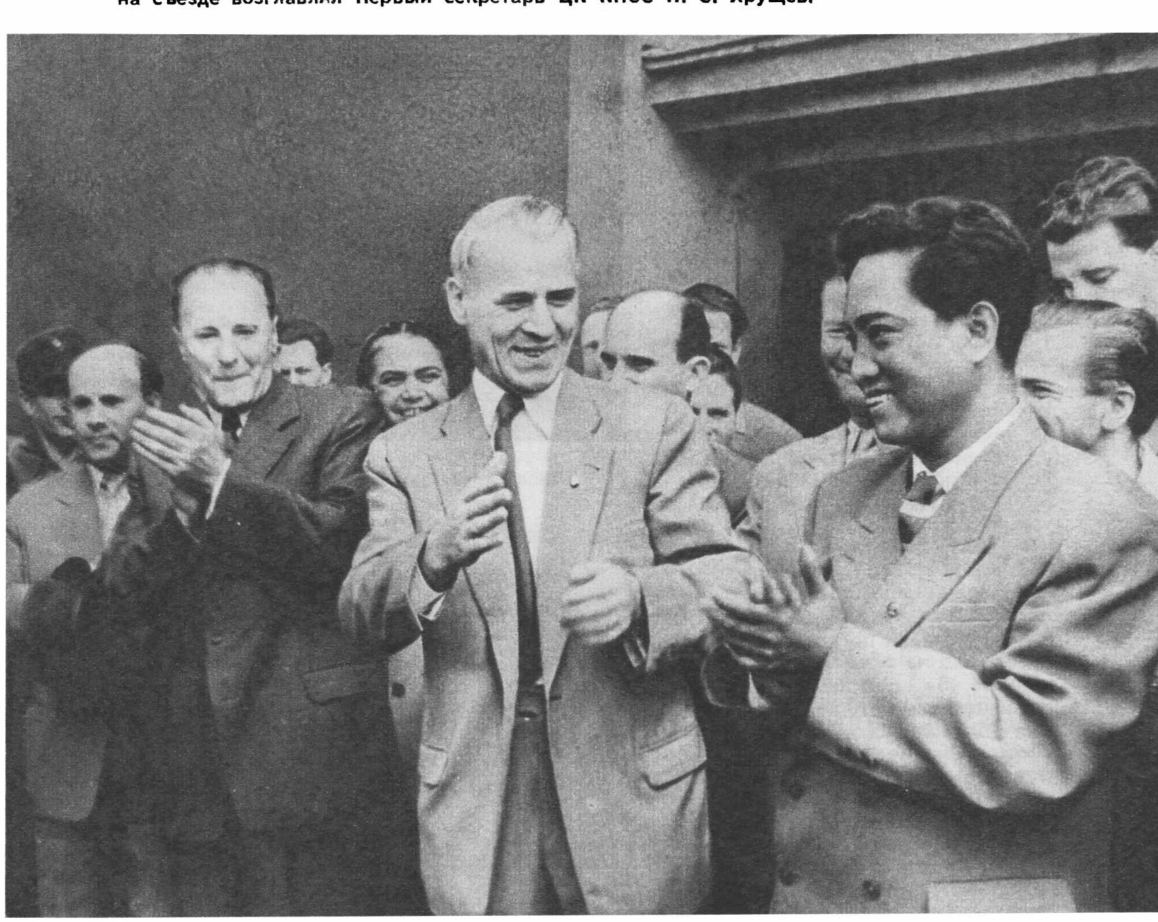
ПОДАРОК СТОКГОЛЬМСКОМУ КОНГРЕССУ

Третий советский искусственный спутник вращается вокруг земного шара. Этот сувенир сделали рабочие московского Государственного подшипникового завода в подарок делегатам Всемирного конгресса за разоружение и международное сотрудничество.

На снимке: В. А. Соболев, ведущий инженер производственного отдела подшипникового завода, у подарка Стокгольмскому Конгрессу, доставленного им в Советский Комитет защиты мира.

А. НОВИКОВ.

Иностранные гости, представители братских коммунистических и рабочих партий среди делегатов съезда. Справа налево: товарищи Айдит (Индонезия), член политбюро СЕПГ Вилли Штоф, Янош Кадар (Венгрия).

В № 18 журнала «Огонек» за 1957 год был напечатан очерк З. Шаталовой «Алло, Варшава! Вызывает поселок Цимлянский!». В нем было рассказано о судьбе героя книги польского писателя Игоря Неверли «Парень из Сальских степей» В. И. Дегтярева, которого автор тринадцать лет считал погибшим.

После напечатания очерка в адрес В. И. Дегтярева — в повести «русский доктор» назван Дергачевым — посыпались письма, в том числе от бывших узников фашистских лагерей и участников партизанской борьбы — русских, поляков, чехов,— изображенных писателем в повести под разными псевдонимами. Во время поездки В. И. Дегтярева в Польшу «русский доктор» встретился с другими героями повести «Парень из Сальских степей» и населением польских деревень, где происходили события, послужившие материалом для книги И. Неверли. В публикуемом очерке герои книги названы их подлинными именами.

РАСКРЫТЫЕ

З. ШАТАЛОВА

Первого мая 1957 года советские и польские радиослушатели, следившие за передачей с Красной площади, стали свидетелями необычайного разговора между Варшавой и Ростовом-на-Дону. На одном конце провода находился Владимир Ильич Дегтярев, на другом — жители Белостокского воеводства из села Туробины, пани Аделя Наровская, ее сын Янек и Юзеф Жулинский.

Трудно передать разговор друзей после более чем четырнадцатилетней разлуки, во время которой каждый из них считал другого погибшим... Что же связывало некогда этих людей?

Зимой 1942 года, совершив побег из лагеря, Дегтярев заблудился в лесу, заснул на снегу и отморозил ноги. Когда он добрался до хаты Юзефа Жулинского, стоявшей на краю села Туробины, у него уже началась гангрена. Взглянув на почерневшие ноги беглеца, хозяин без звука оставил его ночевать, хотя, как позднее он сам признавался, «страх в ту ночь тряс его хуже лихорадки». Назавтра, не видя для себя иного выхода, Дегтярев стал просить Жулинского довести его до ближайшей больницы и бросить возле нее: авось, в больнице найдется кто-нибудь из врачей, кто вопреки строжайшему запрету немцев рискнет оказать ему помощь.

Жулинский в ответ замахал руками. Ехать в больницу — значило вернуть русского в лагерь. Где-то неподалеку недавно был сброшен десант советских парашютистов, и немцы рыскали по всем дорогам. Чуть ли не на каждом доме висел приказ: «За помощь советским парашютистам, партизанам и прочим большевистским бандам — расстрел на месте». Обе ближайшие больницы заняты под немецкие лазареты... Не посоветоваться ли с пани Аделей Наровской?

Аделя Наровская — владелица усадьбы, находившейся в трехстах метрах от деревни,— пользовалась репутацией женщины работящей, смелой и гордой. Она никогда ни на что не жаловалась и, воспитывая троих детей одна, без мужа, самостоятельно управлялась со своим довольно обширным хозяйством. Соседи хорошо знали, что пани Аделя не раз давала кров советским людям, бежавшим из лагерей, помогала им пробираться на восток.

В годы первой мировой войны, еще совсем молодой девушкой, она вместе со своими родителями была эвакуирована в глубь России. С тех пор пани Аделя на всю жизнь сохранила воспоминание о радушии и гостеприимстве русских людей.

Когда Дегтярев попал в Туробины, у пани Адели скрывался бежавший из лагеря советский боец Николай Турков (в книге он выведен под именем Кичкайлло), которого ей удалось зарегистрировать в комендатуре как своего батрака. Рассчитывать на легализацию Дегтярева было невозможно: второй батрак вызвал бы подозрение.

— Вот здесь был наш лазарет,— говорит В. Дегтярев.

Писатель Игорь Неверли выступает на митинге в Майданеке.

Пани Аделя Наровская.

И все же пани Аделя отважилась приютить Дегтярева. Вместе со своим старшим сыном, Янеком, и Николаем Турковым она более двух месяцев ухаживала за Дегтяревым, неподвижно лежавшим после операции ног, которую он сам себе сделал. Позднее, когда Дегтярев и Турков сколотили партизанский отряд, пани Аделя предоставила свою усадьбу под штаб отряда.

Игорь Неверли, описавший пани Аделю под именем Хелены Гжеляковой, подробно рассказывает в своей книге о налете немцев на усадьбу и о побеге Дегтярева. С тех пор, то есть с осени 1942 года, Дегтярев ничего не знал о семье Наровских. Но вот весной 1957 года они нашли друг друга и вскоре встретились.

Стоял ясный осенний день, когда вся группа — Дегтярев с женой, Неверли, представители общественности Варшавы и Белостока — подъехала к Туробинам. Мы отправились туда после осмотра территории бывшего лагеря советских военнопленных под Острувом-Мазовецким, откуда в 1942 году бежал Дегтярев и где теперь осталось огромное кладбище. На нем похоронено в братских могилах более 90 тысяч советских солдат и офицеров.

Навстречу нам вышло все село. Только пани Аделя, онемевшая от волнения, стояла на пороге своего дома, не в силах пошевелиться, обеими руками держась за дверной косяк. С трудом узнала она в подбежавшем к ней плотном румяном мужчине «доктора Вову», прежде такого худого, стройного, выглядевшего почти юношей. И он также едва различил в стоявшей перед ним пожилой женщине черты прежней пани Адели.

С того памятного дня, как в усадьбу ворвались немцы, Наровской пришлось пережить много печального. Правда, ей удалось бежать от гестаповцев, но они сожгли дотла все ее хозяйство.

Теперь пани Аделя живет в домике одна: давно уже не стало дочки Регуси (в книге Неверли — Ися), Янек (батрак Петрек) с женой и детьми живет отдельно, младший сын, Антось (Вацек), служит в армии.

Наш приезд в Туробины совпал еще с одним волнующим для Адели Наровской событием: к этому дню было приурочено торжественное вручение ей правительственной награды. Узнав о подвигах этой замечательной женщины, польское правительство оказало ей материальную поддержку и наградило одним из самых высоких гражданских орденов — «Офицерским Крестом Возрождения Польши». Чествовать пани Аделю пришли не только жители Туробин, но и крестьяне соседних деревень.

Истинным праздником, взволновавшим от мала до велика все местное население, оказался приезд Дегтярева в деревню Костра-Литвы, того же Белостокского воеводства. В этой деревне в далекие теперь дни войны — той же осенью, после налета гестапо на Туробины,— Дегтяреву удалось устроиться сначала батраком, а затем врачом. Здесь же он снова был схвачен гестапо и отправлен в Ломжинскую тюрьму, откуда позднее попал в Майданек.

Услышав по радио о прибытии в воеводство доктора Дегтярева, некогда партизанившего в этих краях, население Костра-Литвы выслало в Белосток делегацию с наказом узнать: не тот ли это «доктор Вова», которого они знали?

В день нашего приезда жители Костра-Литвы потащили на

ПСЕВДОНИМЫ

общий стол все, что только нашлось в закромах. Нас потчевали и знаменитой домашней колбасой, и «садзоными» — шипящими в сале яйцами, и маринованными сливами, и какими-то особыми грушами, и «кшакувкой» — этакой крепкой, обжигающей внутренности водкой.

Но самым великолепным, самым неожиданным «угощением» оказалось содержимое маленького узелка, который положил на праздничный стол Томаш Средницкий. Это были хирургические инструменты «доктора Вовы», которые вместе с его записной книжкой и личными фотографиями Томаш Средницкий хранил все эти годы.

Многим старым друзьям довелось встретиться с Дегтяревым. Почти в каждом городе, куда приезжала наша маленькая делегация, находились люди, спешившие обнять дорогого гостя, вспомнить за мирным столом былое, почтить память товарищей, погибших в борьбе.

Во время нашего посещения Майданека туда прибыла целая группа бывших узников этого лагеря — Рысек Товальский, Адольф Климек, Ян Закшевский, Чеслав Гроховальский, Юзеф Каминский и другие — во главе с председателем Рады Народовой Люблинского воеводства Павлом Домбеком, некогда прославившимся среди узников Майданека своим дерзким побегом из лагеря. Все они специально собрались, чтобы увидеться с «русским доктором», пожать ему руку, поблагодарить за все, сделанное им в тяжкие годы их совместного пребывания в Майданеке.

На встрече с жителями города Познани в президиум неожиданно поднялся Чеслав Гашиньский, бывший узник Освенцима, горячо обнявший и расцеловавший «доктора Вову». В Лодзи, едва мы успели добраться до нее, нас разыскала бывшая связная партизанского отряда Дегтярева — Мария Лукасевич-Матвеенкова. «Я хочу видеть «доктора Вову»!— взволнованно объяснила она администратору гостиницы, которого подняла в шесть часов утра.— Я должна узнать, не тот ли это русский командир, «доктор Вова», которого гитлеровцы расстреляли в Ломжинской тюрьме в 1943 году!»

Представьте же себе встречу Дегтярева с этой женщиной, которой он и обязан своим спасением в Ломжинской тюрьме,— она об этом уже не знала, так как ее тоже арестовали. Но предупрежденный ею партизанский отряд успел совершить налет на лес, куда повезли на расстрел Дегтярева и его товарищей.

В этом же городе произошла встреча Дегтярева с доктором Генрихом Величанским — бывшим узником Майданека, а ныне адъюнктом медицины, видным общественным деятелем Лодзи.

Тем, кто читал «Парня из Сальских степей», это имя должно быть знакомо. В начале книги Игорь Неверли с благодарностью вспоминает о том, как доктор Величанский спас жизнь и автору и герою повести.

Величанский вырвал Неверли у смерти хитростью. Когда эсэсовский врач обходил тифозный барак, отбирая для уничтожения в газовой камере наиболее слабых, Величанский, видя, что Неверли едва стоит на ногах, вдруг неожиданно стал кричать на него, называя его бессовестным симулянтом и отъявленным лентяем. Делая вид, что бьет узника, он втолкнул писателя на нары и продолжал громко поносить его, прикрывая собой скрючившегося Неверли. Так продолжалось до тех пор, пока эсэсовец не проследовал дальше.

И с Дегтяревым дело было как в книге. Однажды, когда писатель Неверли лежал в тяжелом тифу, санитар задумал его обокрасть. Дегтярев, сосед Неверли по нарам, вступился за товарища и избил санитара. Тот с воплями бросился из барака, а больные в ужасе замерли: за такой бунт полагался расстрел на месте.

В барак ворвались эсэсовцы, чтобы расправиться с Дегтяревым. И тогда доктор Величанский вдруг закатил им несусветный скандал. Наскакивая на них, он яростно кричал, что не позволит тронуть «своего больного», и так отчаянно бранился, что оторопевшие от неожиданности эсэсовцы в конце концов удалились восвояси, оставив в покое и «бешеного русского» и его не менее бешеного защитника. Про этого маленького, худого доктора в лагере ходили слухи, что он вылечил дочь самого коменданта, и, пожалуй, не стоило ссориться с ним из-за такого пустяка, как жизнь какого-то русского...

В Люблине встретились бывшие узники Майданека. Справа налево стоят: Юзеф Каминский (педагог), Павел Домбек (председатель Рады Народовой Люблинского воеводства), Ян Закшевский (инженер-строитель), Владимир Дегтярев, Игорь Неверли, Мария Дегтярева, Чеслав Гроховальский, Тадеуш Патыньский (секретарь Люблинского союза борцов за свободу и демократию).

А эта встреча произошла в Лодзи. Бывшая связная партизанского отряда Мария Лукасевич-Матвеенкова (слева) пришла в гости к супругам Дегтяревым.

Личные вещи В. И. Дегтярева, сохраненные крестьянином Томашем Средницким из села Костра-Литва и врученные им «русскому доктору» через 15 лет.

Члены нашей делегации познакомились с доктором Величанским на большом собрании в Лодзи. Позднее нам приходилось не раз встречаться, но почему-то ярче всего Величанский запомнился мне таким, каким я увидела его впервые, на трибуне собрания. Величанский рассказывал тогда, как попал в Майданек; как он понял, что главная задача — это борьба за жизнь людей, потому что для их истребления и был создан этот лагерь; рассказывал, с каким трудом удалось подобрать ему среди медицинского персонала отважных и преданных людей, которые начали действовать сообща; как появились в лагере первые русские...

На следующий день у Величанского собрались друзья — бывшие узники Майданека. Там я услышала продолжение его истории. После того, как доктор был переведен из Майданека в Освенцим, а затем в штрафной концлагерь Флоссенбург, он очутился в Хессене. Здесь вместе с чешским врачом Скалендом он деятельно принялся за организацию тифозных блоков, так как в лагере вспыхнула тифозная эпидемия.

Однако фронт приближался к Хессену со все возрастающей быстротой, и вскоре лагерное начальство, перебив больных, погнало здоровых узников на юг. Тогда врачи решили бежать. Вместе с Величанским и Скалендом бежали еще двадцать два человека: восемь поляков, бельгиец, несколько советских и французских военнопленных.

Добравшись до Чехословакии, беглецы избрали своим командиром доктора Величанского и, разоружив первую же встретившуюся им группу немецких солдат, стали партизанить. Надо ли говорить, с каким ожесточением дрались с эсэсовцами их вчерашние узники! До конца войны они не сняли полосатых лагерных костюмов и с особым удовольствием сообщали своим пленникам-фашистам, кто они и откуда бежали. Когда в Праге вспыхнуло восстание, «отряд полосатых» поспешил на помощь чешским патриотам и сражался с фашистскими танками.

Семья доктора Величанского считала его погибшим: еще в начале 1943 года было получено официальное извещение о его смерти. Когда он неожиданно появился на пороге своего дома, худой, обросший, да еще с автоматом, пистолетами и гранатами поверх полосатого лагерного костюма, жена упала в обморок, и доктору пришлось основательно потрудиться, пока удалось привести ее в чувство. Так началась мирная послевоенная практика доктора Генриха Величанского...

☆ ☆ ☆

Ну, а остальные друзья Дегтярева, спросите вы, живы ли они? Трудно ответить на это одной фразой. Друзья «русского доктора», друзья «Парня из Сальских степей» — да ведь их целая армия! Потому, что это и лично знавшие его люди и множество польских и советских читателей, горячо полюбивших книгу Неверли, нашедших в ней пример подлинного братства двух наших народов.

Поэзия движения

В. ВИКТОРОВ

Фото А. Бочинина.

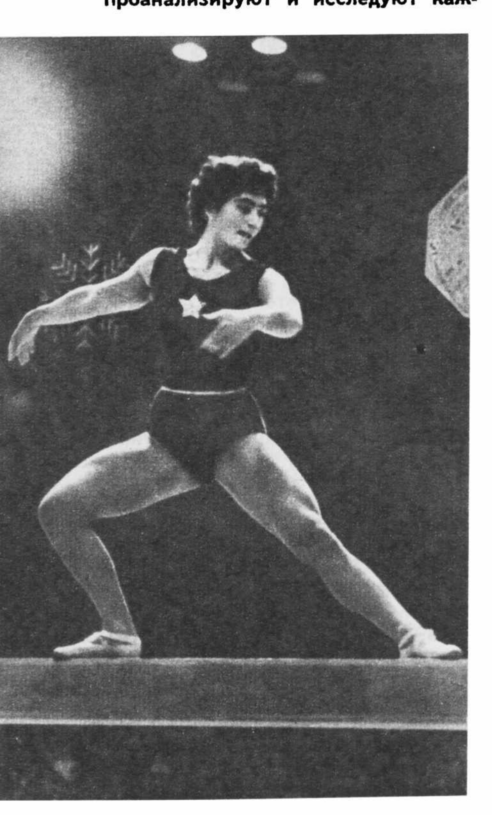
Б. Шахлин — абсолютный чемпион мира.

Пять дней во Дворце спорта в Лужниках потрясли гимнастический мир. Разъедутся по своим двадцати двум странам участники и свидетели событий, происходивших в Москве, изучат фильмы, проанализируют и исследуют каждое движение спортсменов специалисты, но еще долго будет вспоминаться XIV первенство мира по гимнастике как событие яркое и полновесное по подготовленности участников, по напряжению борьбы, по достигнутым результатам.

Те, кому удалось посмотреть выступления лучших гимнастов мира на помосте Дворца спорта, увидели, как близко соприкасается теперь гимнастика с искусством жеста, движения, ритма. Да, гимнастика все больше становится своеобразной поэзией движений и вместе с тем не перестает быть спортом.

За идеально проведенную комбинацию гимнаст может получить максимально высокую оценку — 10 баллов. Но на мировом чемпионате никому не удалось добиться такого результата. Ближе всех оказались к заветной цели чемпион в упражнениях на кольцах Альберт Азарян, получивший за исполнение произвольной комбинации 9,95 балла, и Борис Шахлин, чье искусство на брусьях было оценено в 9,9 балла, а также японские гимнасты Масао Такемото и Нобуюки Айхара, чьи вольные упражнения также получили по 9,9 балла.

Как и следовало ожидать, основная борьба за командное и личное первенство среди женщин развернулась между советскими и чехословацкими спортсменками, а среди мужчин — между гимнастами СССР и Японии. Стали ли сильнее главные соперники гимнастов Советского Союза? Бесспорно! Еще никогда так блестяще не выступала замечательная чехословацкая гимнастка Ева Босакова. Она разделила поровну с Ларисой Латыниной золотые медали по отдельным снарядам: Латынина получила первые места за брусья и опорные прыжки, а Босакова за вольные упражнения и упражнение на бревне (вместе с Т. Маниной). Но абсолютное первенство, несмотря на столь напряженную борьбу, осталось все же за Ларисой Латыниной, показавшей самое высокое мастерство.

Чемпионка мира Ева Босакова.

Завоевали советские гимнастки и командное первенство, оставив на втором месте спортсменок Чехословакии, а на третьем — Румынии.

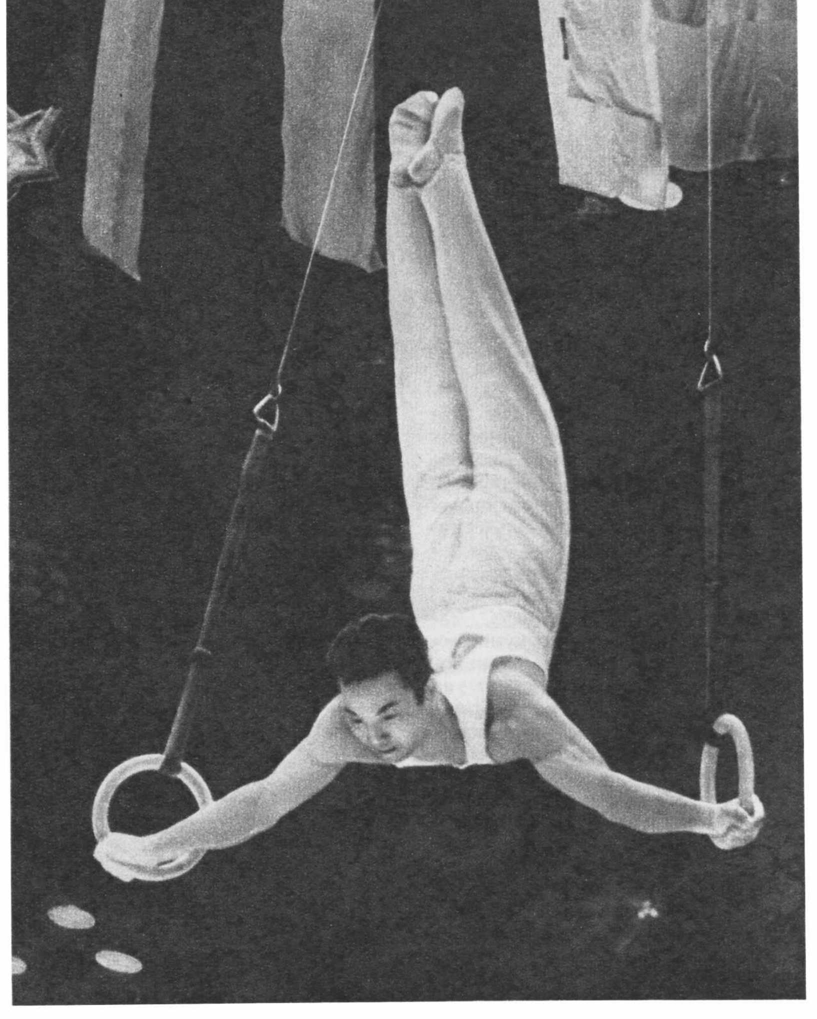
Еще более напряженно сложилась борьба за золотые медали среди мужчин. Неожиданностей тут не было. Давно известно, как стремительно прогрессируют гимнасты Японии. И все же, несмотря на свое виртуозное мастерство, они не смогли одержать ни командной, ни личной победы в многоборье.

Уже после исполнения обязательной программы — первой части соревнования — разрыв между двумя командами: советской и японской — достиг более чем трех баллов. На решающей стадии борьбы разрыв сохранился на том же уровне. Такаси Оно для победы надо было получить на последнем снаряде оценку, превышающую... 10 баллов, что, как мы знаем, невозможно. Он должен был довольствоваться вторым местом, выпустив на первое замечательного советского гимнаста Бориса Шахлина.

И все же японские гимнасты еще раз доказали, что являются законными претендентами на победу. Они покорили москвичей филигранной техникой, виртуозным исполнением вольных упражнений. Именно в этом виде японские спортсмены показали свое превосходство, а Масао Такемото, 38-летний спортсмен, «японский Чукарин», как по своему мастерству, так и по неувядаемой свежести, стал чемпионом мира. Это был единственный иностранный гимнаст, получивший золотую медаль; остальные пять завоевали представители советской команды (брусья, перекладина и конь — Б. Шахлин; кольца — А. Азарян и прыжки — Ю. Титов).

Как мы уже писали раньше, двукратный Олимпийский чемпион и чемпион мира Виктор Чукарин закончил свой спортивный путь и стал тренером, но в советской команде нашелся спортсмен, который смог сменить нашего прославленного многоборца. Этим спортсменом оказался Борис Шахлин. Ему первому в истории мировых чемпионатов удалось добиться такого выдающегося результата. Он набрал в многоборье 116,05 балла, завоевав абсолютное первенство, и получил три золотые медали на отдельных снарядах. Но есть еще один герой закончившихся соревнований. Это тренер Александр Семенович Мишаков, воспитавший Бориса Шахлина, Ларису Латынину, Юрия Титова. Он может по праву гордиться тем, что в Киев увезено восемь золотых медалей.

Таковы цифры, но ведь за ними стоит еще и высокое искусство!

Масао Такемото выступает на кольцах.

Абсолютная чемпионка мира Лариса Латынина дает автограф.

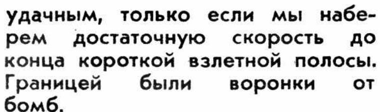
Мярт Бормейстер. ТАЛЛИН. ГОРОДСКАЯ СТЕНА.

По мастерским эстонских художников

Эвальд Окас. МОЛОДЫЕ.

Эльмар Китс. СТАРЫЕ МЕЛЬНИЦЫ НА ОСТРОВЕ САРЕМА.

Лепо Микко. БЕРЕГ ОСТРОВА САРЕМА.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

хвойных ветках, прикрытых сверху куском брезента.

— У одного прострелено легкое, у другого газовая гангрена,— шепотом сказал Костя.— Если завтра ночью не вывезти, умрут.

Раненые, видимо, знали о моем прилете. Их воспаленные глаза смотрели на меня с такой надеждой, что я решился и сказал Косте:

— Давай попробуем. Буду взлетать на коротком тросе.

Вместо обычного троса длиной в 120 метров я решил использовать короткий, десятиметровый.

По радио мы связались с командованием, получили разрешение. Я попросил прислать летчика старшину Желютова. Отличный пилот, он имел большой опыт буксировки планеров. До прибытия самолета я еще раз тщательно осмотрел аэродром, установил направление взлета и лег спать.

Самолет-буксировщик прибыл точно в назначенное время. Желютов зарулил на старт и, не выключая моторов, вышел из кабины. Не тратя времени, я сразу рассказал ему об условиях взлета, показал аэродром. Потом мы установили планер за самолетом, закрепили трос. Следовало спешить: могли появиться немецкие бомбардировщики — ведь с нашим прилетом партизаны себя несколько демаскировали.

Принесли раненых и бережно поместили в кабину. Я снял свой парашют, отдал его Косте Сидякину. Раненые должны были знать, что пилот не покинет их в критическую минуту, что он разделит их судьбу до конца. Потом, заняв свое место, я взялся за штурвал.

Картину этого ночного взлета я никогда не забуду. Прямо перед собой я видел хвостовое оперение самолета-буксировщика. В багровом свете стартовых костров его вращающиеся винты казались большими красноватыми дисками. Возле левого крыла планера стояли Костя Сидякин и несколько партизанских командиров с выражением напряженного ожидания на лицах. За ними темные фигуры бойцов, едва освещаемые кострами.

Желютов дал моторам полный газ, и я уже ни о чем не думал, кроме взлета. Он мог быть удачным, только если мы наберем достаточную скорость до конца короткой взлетной полосы. Границей были воронки от бомб.

Я напряженно следил за буксировщиком. Казалось, он двигался чересчур медленно. Мысленно я представлял себе расстояние, которое оставалось для разбега. Оно уменьшается быстрее, чем нарастает скорость.

Вот конец аэродрома. Желютов, а вместе с ним и я отрываем машины от земли. Вижу, как самолет на какую-то долю секунды зависает в воздухе, готовый рухнуть на землю, но потом, словно передумав, начинает набирать высоту. Взлет прошел благополучно. Я облегченно вздохнул, чувствуя, как из-под шлема по лицу катятся холодные капельки пота.

При ночном полете на коротком тросе пилотировать планер довольно сложно. Но перед войной, работая в Центральном аэроклубе, мне удалось накопить достаточный опыт подобных полетов. Я летал на коротком тросе в облаках и теперь чувствовал себя за штурвалом вполне уверенно. Но это еще не гарантировало спасения раненых партизан. Мне могли помешать истребители противника, зенитный огонь при переходе через линию фронта. Ведь самолет и планер, связанные столь близко, были неманевренны и потому легко уязвимы. Могли произойти и сотни других случайностей.

«А вдруг оборвется трос?» — подумал я.

Так случилось с нашим планеристом Анискиным, который вез партизанам взрывчатку. Анискин благополучно приземлился невдалеке от какой-то деревни. Пользуясь темнотой, он подошел незамеченным к крайней избе, узнал, что в деревне есть немцы. Тогда Анискин возвратился к своему планеру, взорвал его, а сам ушел к партизанам. Но ведь Анискин вез взрывчатку, а у меня на борту тяжелораненые...

К счастью, все обошлось благополучно. Немецких истребителей мы не встретили и линию фронта перешли незаметно. Затруднение возникло внезапно, когда мы были уже над своей территорией, приближаясь к Старой Торопе. Здесь нас никто не ждал. Ночного старта не выложили. Хорошо, ночь была лунная. Мы нашли аэродром и благополучно сели. Оказалось, что перед самым нашим прилетом аэродром бомбила немецкая авиация.

Раненых партизан из планера погрузили в санитарную машину и отвезли в госпиталь, прямо на операционный стол. Летчик Желютов и я за выполнение этого полета были награждены орденами.

Катастрофа

Победоносно закончилась Великая Отечественная война, и все мы на аэродроме были переполнены радостью, приветствуя долгожданный мир. И вот кто-то, я не помню сейчас, кто именно, сказал:

— А ведь для вас, летчиков-испытателей, война продолжается.

Он подразумевал войну со стихией, за прогресс авиации, за безопасность полетов. И в этой войне бывают раненые, бывают и невозместимые потери — человеческие жизни.

...17 мая 1945 года. Я закончил сложный испытательный полет, зарулил на стоянку и встретил здесь своего друга — летчика-испытателя Валентина Хапова, который прилетел из Берлина. Мы обнялись и только собрались отправиться в столовую вместе пообедать, как ко мне подошел инженер. Он передал приказание командования сделать еще один полет — проверить прочность серийного истребителя, присланного с завода.

Я взял парашют и сказал Хапову:

— Подожди меня в столовой. Минут через тридцать — сорок приду.

— Ладно,— ответил он.— У меня для тебя припасена бутылка хорошего вина, довоенного розлива.

...Стрелка альтиметра показывает 6 тысяч метров. Высота вполне достаточная для испытания. Собственно, это даже не испытание, а просто проверка ранее известного. Наши летчики на таких машинах успешно воевали. Однако в процессе эксплуатации возникли сомнения в прочности конструкции, и я сейчас повторю испытание, которому много раз в самых суровых условиях подвергался первый самолет этого типа.

Никаких осложнений не жду и спокойно перевожу машину в пикирование. Разогнав самолет до нужной скорости, плавно беру ручку управления на себя. Привычной тяжестью наливается тело, меня словно вдавливает в сиденье. Вдруг со страшным треском отрывается от фюзеляжа левая плоскость. На какой-то миг самолет словно застывает в воздухе, а потом в беспорядочном падении идет к земле.

При таких обстоятельствах выход только один — воспользоваться парашютом. Я протягиваю руку, чтобы открыть фонарь, но меня с силой бросает в сторону, ударяет левой стороной лица о стенку кабины. В глазах темнеет. Сознание туманится. Но это длится секунду, и я снова ясно воспринимаю происходящее. Фонаря на кабине уже нет. Самолет падает со свистом и воем, а меня безжалостно швыряет в кабине из стороны в сторону. Из-за этого я никак не могу выброситься. К счастью, самолет, как говорят у нас, переворачивается на спину, и я оказываюсь в воздухе.

Надо уйти от обломков, думаю. Делаю задержку в раскрытии парашюта, и самолет темной молнией проносится мимо. Тогда берусь за кольцо, но... кольца нет. Еще несколько раз пытаюсь найти спасительное кольцо, но напрасно!

Однако недаром я заслуженный мастер парашютного спорта. Не теряя времени, берусь за гибкий шланг. Внутри этого шланга проходит трос, соединяющий вытяжное кольцо с замком парашюта. Поднимаю руку вверх по шлангу, ощущаю в ладони металл вытяжного кольца. Выдергиваю его и слышу, как шуршит шелк парашюта, вырывающегося из ранца. Потом знакомый рывок, и вот стремительное падение сменяется плавным спуском.

Теперь следует осмотреться. Землю я вижу плохо, как-то необычно. Однако доискиваться причины некогда. Сильный ветер быстро несет меня над землей. Впереди виднеется небольшая деревушка. При таком ветре удар о землю обещает быть сильным. Я хочу развернуться лицом по ходу движения, но моя левая рука не действует. Она висит, как плеть, словно чужая. Я бессилен что-либо предпринять. Но все же счастье мне наконец улыбается. По ходу моего полета оказывается небольшой пруд. В него-то, спасаясь от неминуемых ушибов, я и плюхаюсь, распугивая лягушек.

Пруд неглубок. Вода едва доходит до груди. Я снимаю парашют, выхожу из воды и, обессилев, опускаюсь на землю.

«Теперь спасен»,— думаю. Вместе с этой мыслью приходит необоримая слабость. После огромного нервного и физического напряжения в борьбе за жизнь наступает реакция. От озноба лязгают зубы, мелкая дрожь бьет тело. Начинает сильно болеть левая рука. Я ее осторожно ощупываю и думаю, что тут без перелома не обошлось. Наконец догадываюсь, почему мне так плохо и неудобно смотреть: видит у меня только один правый глаз. Дотрагиваюсь рукой до левой половины лица, и меня охватывает ужас: как будто коснулся сырого мяса. Оно бесформенным куском выпирает из-под шлема.

«Нужен врач»,— думаю я и оглядываюсь. Вокруг лес, и никакой деревни. Озноб продолжается, в голове шумит.

Но деревня-то все-таки должна быть неподалеку... Я с трудом поднимаюсь на ноги. В это время из-за кустов выезжает бородатый колхозник верхом на лошади и останавливается возле меня.

— Слава богу, жив! — говорит он.— Я видел, как твой самолет разломался.— Потом внимательно смотрит на меня и почему-то пугается: — А ну, садись на лошадь. За леском зенитная батарея, там врач есть. Это недалеко — рукой подать.

Но ни сесть верхом на лошадь, ни ехать на ней я не могу: очень болит рука. Придерживая ее, иду по тропинке следом за колхозником. Дорога мне кажется бесконечной. Ушибленная голова словно раскалывается, в ушах стоит звон.

Но больше всего мучений доставляет рука. Каждый шаг отдается в ней острой болью.

Наконец мы приходим. На краю леса, под защитой деревьев, прячутся землянки, а дальше, на открытом месте, стоят пушки. Девушка-зенитчица смотрит на меня широко раскрытыми глазами и сокрушенно говорит:

— Молодца-то как искалечило!

Я иду в землянку позвонить на свой аэродром.

Возвращение

...Лежу на койке в светлой и уютной палате авиационного госпиталя. За окном голубеет весеннее небо. На его фоне голые ветви деревьев кажутся нарисованными тушью. Я смотрю на них, думаю о постигшем меня непоправимом несчастье.

Вспоминаю, как профессор Вишневский, закончив осмотр, сказал:

— У молодого человека сломана рука и сильно поврежден глаз. Рука — пустяки, срастется. А вот с глазом дело хуже: придется удалить.

И глаз мне удалили.

Я отворачиваюсь от окна и с горечью говорю себе:

— Видно, отлетался, брат Сережа.— Потом закрываю глаз, да, теперь свой единственный глаз.

На мой вопрос: «Буду ли летать?» — профессор откровенно ответил: «Едва ли с одним глазом летчик может при посадке правильно определять расстояние до земли. Он теряет так называемое глубинное зрение. Это, батенька мой, закон физики».

Картины прошлого одна за другой возникают у меня в памяти. Когда пишут о каком-либо авиаторе, то обычно говорят, что он с детства мечтал стать летчиком. У меня это действительно было так. Со школьной скамьи меня влекла авиация. Я мечтал летать. Профессия летчика казалась полной романтики и героизма, лучшей профессией на земле. И я много затратил упорства и труда, чтобы осуществить свою мечту.

В начале тридцатых годов, работая шофером на автобусе, я вечерами учился в Московской планерной школе, вместе с товарищами строил планер. А уж потом на нем поднимался в воздух, летал, прыгал с парашютом.

И я своего добился — стал заслуженным мастером планерного и парашютного спорта, сделался летчиком-испытателем. Я не разочаровался в юношеских мечтах. И сейчас для меня профессия летчика самая лучшая на земле. От одной мысли расстаться с нею больно щемит сердце. Неужели я никогда больше не сяду за штурвал нового самолета, не испытаю сложного чувства напряженности, ожидания опасности и огромной, всепоглощающей радости творчества?

А, собственно, почему я не смогу летать? Ведь были раньше одноглазые летчики. Американец Вилли Пост, например, поставивший рекорд скорости в кругосветном перелете. Советский летчик-испытатель Борис Туржанский потерял глаз в Испании, сражаясь в рядах добровольцев против фашистов. Вернувшись на родину, он продолжал с успехом испытывать новые самолеты. Если смог он, то почему не могу я? Правда, тогда были иные скорости полета. Но ведь летает же на истребителе безногий летчик Алексей Маресьев, а это неизмеримо труднее.

Нет, не сдамся! Буду летать!

Когда сломанная рука срослась и зажили раны на лице, врачи отправили меня на два месяца набираться сил в Крым, в Алупку. Лучше этого ничего нельзя было придумать. В Крыму начиналась моя летная работа, и я всей душой любил и сейчас люблю его синее небо, сухую, каменистую землю, прогретую жарким солнцем, темную зелень стройных кипарисов, море, теплое и ласковое.

...Санаторий мне очень нравился. Он был небольшой, светлый, уютный и стоял на самом берегу. Я жил на открытой веранде. Здесь всегда веяло прохладой и почти всегда слышался шелест набегающих на прибрежную гальку волн. Это благотворно действовало на нервы. На открытом воздухе я засыпал сразу, спал крепко, без сновидений, а утром вставал бодрым и свежим.

Я решил, что снова стану полноценным летчиком-испытателем. Прежде всего мне следовало набраться сил и затем добиться самого главного — научиться видеть одним глазом так же, как двумя.

Для этого я составил себе специальный распорядок дня. Он начинался гимнастикой. По крутой тропе я бегом поднимался на прибрежную скалу. Здесь, на площадке, которая, казалось, словно планер, парила над морем, я проделывал упражнения, укрепляющие мышцы рук, плеч, корпуса. Потом спускался к морю и долго плавал.

После завтрака я уходил на прогулку в горы, чтобы учиться видеть одним глазом, как двумя. Это было нелегко. Раньше я даже не предполагал, насколько у человека один глаз дополняет другой. Вначале, пока не привык, я просто уставал смотреть. Все, что говорил врач о потере глубинного зрения, оказалось правдой. Поднимаясь по лестнице, например, переступая по ступеням, я поднимал ноги то выше, то ниже, чем нужно.

И вот на прогулках я старался вновь обрести глубинное зрение. Со стороны это выглядело, вероятно, довольно забавно. Представьте себе взрослого дядю, который, обливаясь потом, целыми часами подбрасывает и ловит камушки. Для меня это упражнение сначала было очень нелегким. Да попробуйте сами: закройте один глаз, подбросьте какой-нибудь небольшой предмет и поймайте его! Из пяти раз четыре вы наверняка промахнетесь: трудно, глядя одним глазом, правильно определить расстояние до падающего предмета.

В другом упражнении мне помогли мои товарищи по работе, летчики-испытатели, отдыхавшие в Крыму, Миша Барановский и Алексей Николаевич Гринчик. Они устанавливали на земле две палки параллельно, а я отходил шагов на тридцать. Потом одну из палок выдвигали вперед и я должен был определить на глаз, которую: левую или правую. Подобным методом врачи определяют глубинное зрение у летчика, показывая ему вместо палок карандаши и, конечно, на более близком расстоянии.

Я тренировался ежедневно, упорно. Подбрасывать и ловить камушки в те дни стало просто привычкой. И результаты еще раз подтвердили старую истину, что терпением и трудом можно добиться многого. Глубинное зрение у меня восстановилось. Я научился видеть одним глазом, как двумя.

...Готовый к вылету, сижу на левом сиденье в пилотской кабине самолета «ЛИ-2». Это будет мой первый полет после ранения. И не просто полет. Авиационные врачи, прежде чем допустить меня к работе, поручили специальной комиссии проверить мою технику пилотирования. И вот в кабине самолета собирается целый «консилиум»: начальник летной части Даниил Степанович Зосим, его заместитель Алексей Николаевич Гринчик, пилот Виктор Леонидович Расторгуев. Все это

опытнейшие летчики-испытатели, мои товарищи по работе. Они навещали меня в госпитале, всячески подбадривали, но... проверка будет без всяких скидок: дело слишком серьезное. И сейчас «консилиум» волнуется. Я понимаю, что они не уверены в моих силах и заранее огорчаются...

— Ну, что же, Сергей Николаевич, начнем, — говорит Зосим. — Задание: взлет, полет по кругу и посадка.

В отличие от своих товарищей я совершенно спокоен, совершенно уверен в себе. Так приятно снова ощущать под ладонью штурвал самолета, видеть перед собой серую ленту взлетной полосы, знакомый до мельчайших подробностей свой аэродром. Я чувствую себя так, как будто после долгих скитаний возвратился наконец в отчий дом, который мог потерять навсегда.

Я беру штурвал на себя, пробую моторы, отпускаю тормоза и начинаю взлет. Плавно оторвав машину от земли, набираю высоту, делаю круг над аэродромом. Затем иду на посадку. Самый ответственный момент! Выполняю четвертый разворот, планирую — никаких затруднений. Сажусь точно у «Т».

— Отлично! — говорит Даниил Степанович.— Еще взлет и такая же посадка.

Лица членов комиссии светлеют: теперь они тоже верят, что я летаю не хуже, чем раньше.

...С тех пор прошло больше двенадцати лет. Я по-прежнему испытываю в воздухе самолеты, в том числе и такие, которые летают со сверхзвуковыми скоростями. И никогда зрение меня не подводит. Только я постоянно помню, что у меня один глаз, а не два, и потому всегда в полетах особенно внимателен.

«Аэродинамическая ложка»

...Раннее летнее утро. На аэродром я иду не асфальтированной дорогой, обсаженной по краям стройными тополями, а тропинкой через лес. Мне хочется побыть одному, собраться с мыслями. Время еще есть, и я присаживаюсь на пенек, закуриваю. Следя, как медленно растекается в неподвижном воздухе сизый дымок, думаю о предстоящем полете.

А полет обещает быть особенным. Авиаконструктор, знакомя меня со своим детищем, сказал:

— Этот самолет может развить скорость, равную скорости звука. Мощность двигателя достаточная.

Конструктор говорил правду. Машина обладает отличными аэродинамическими качествами, и испытания проходят очень успешно. Сегодня я попытаюсь развить в горизонтальном полете максимальную скорость. Это сулит некоторые неожиданности. Известно, что относительно воздуха самолет не весь, целиком, имеет одинаковую скорость. Машина еще только подходит к звуковому барьеру, а ее выпуклые части уже обтекаются сверхзвуковым потоком воздуха. Появляется так называемая местная скорость звука. Она может существенно повлиять на управляемость и устойчивость самолета, поставить испытателя в очень сложное, опасное положение. Это нам, летчикам-испытателям, хорошо известно.

Я смотрю на часы, поднимаюсь с пенька, иду на аэродром. К испытаниям все готово. Надеваю парашют, сажусь в кабину и закрываю фонарь. Теперь уж меня ничто не отвлекает от выполнения полученного задания. Оно записано в планшете, пристегнутом справа, ближе к колену. В планшете и карандаши, заточенные с двух сторон: в полете надо сделать много записей.

Получаю разрешение на взлет, поднимаю машину в воздух. Как

хорошо она слушается рулей! От такого самолета можно ожидать многого.

Кабина опытного самолета является для испытателя как бы лабораторией. Только за окном этой лаборатории с огромной скоростью мчится встречный воздушный поток. Он подобен ножу гильотины: выстави палец, и его отрежет. Но о таком опасном соседстве думать некогда.

Высоту набираю стремительно. Вижу, как внизу темно-зеленые квадраты полей будто сжимаются, а черта горизонта отступает все дальше и дальше. Альтиметр показывает 10 тысяч метров.

— Ну, что ж, можно начинать,— говорю я себе.

Прекращаю набор высоты. Делаю площадку, даю двигателю максимальные обороты и разгоняю самолет по горизонту. Когда скорость будет близка к максимальной, включу приборы-самописцы, которые ее зафиксируют. В это время самолет следует пилотировать исключительно четко, выполнять, как у нас говорят, «академический полет». Если в течение пяти минут изменится скорость, высота или курс,— испытание считается неудовлетворительным.

Скорость быстро возрастает, а вместе с ней, как обычно, увеличивается и подъемная сила. Чтобы не дать самолету задрать нос, удержать машину на одной высоте, я понемногу отжимаю ручку управления от себя. Вдруг давление на ручку само собой начинает ослабевать. Нет, это мне не кажется. Летчик-испытатель определяет величину усилия, прилагаемого к ручке управления, почти безошибочно, с точностью до 300—400 граммов. Вот ручка уже в нейтральном положении, а самолет, вопреки законам аэродинамики, с увеличением скорости, стремится опустить нос.

«Затягивает в пикирование»,— думаю я.

Это опасное явление — одно из существенных препятствий на пути к достижению скорости звука. Знакомство с ним может стоить жизни. Ведь если летчик не удержит самолет в горизонтальном полете, то его затянет в отвесное пикирование, из которого он может не выйти до самой земли. Те летчики, которым каким-то чудом удавалось спастись, рассказывали удивительные вещи. Одни говорили, что в пикировании у самолета заклинивало рули и ручку управления нельзя было сдвинуть с места. Другие утверждали, что рули попадали в «затенение», то есть в разреженное пространство, создаваемое за фюзеляжем самолета, и не действовали, хотя ручка управления двигалась свободно. Но все сходились в одном — самолет становится неуправляемым.

Моя машина с каждой секундой все более стремится перейти в пикирование. Удерживая ее, я тяну ручку с силой не меньше двадцати килограммов. Положение опасное, и, чтобы не искушать судьбу, я уменьшаю обороты двигателя. Постепенно скорость снижается, давление на ручку спадает. Я беру курс на аэродром, иду на посадку.

Этот полет послужил началом специальных испытаний. Дело в том, что по теоретическим расчетам самолет на предзвуковых скоростях может сначала сам перейти в пикирование, потом на каком-то отрезке пути прекратить его и начать «кобрировать», то есть поднимать нос и набирать высоту. Вот я и получил задание проверить правильность этих расчетов в отношении нового самолета.

Для этого ни в коем случае нельзя давать самолету переходить в пикирование, которое может кончиться катастрофой. Летчик должен рулями удерживать машину в горизонтальном полете, то есть он сначала будет тянуть ручку на себя, потом держать ее нейтрально и, наконец, двигать от себя, чтобы самолет не стал набирать высоту. Усилия летчика, записанные прибором и выраженные графически, представят собой кривую, которая сначала падает вниз, потом делает площадку и дальше круто лезет вверх. Такая кривая получила название «аэродинамической ложки».

Опасность предстоящих мне испытаний заключалась в том, что могло «не хватить» запаса рулей для горизонтального полета. Я возьму ручку управления на себя полностью, а самолет будет продолжать опускать нос. Тогда, постепенно «опускаясь» по отвесному отрезку «аэродинамической ложки», самолет неизбежно будет затянут в пикирование. В каждом новом полете я дольше, чем в предыдущий раз, летел по горизонту, все больше выбирая ручку управления на себя. Интуиция подсказывала, что затягивание в пикирование вот-вот прекратится, но и «запас рулей» подходил к концу.

Надо сказать, что такие испытания сильно действуют на нервы. Мысль о затягивании в пикирование не покидала меня и на земле. На прогулке, за обедом, за чтением газеты я подсознательно помнил о предстоящем полете. С этой мыслью ложился спать и с нею вставал.

Нервное напряжение усиливалось с каждым полетом. Когда я в четвертый раз поднялся в воздух, то было ясно, что это — последнее испытание. Если затягивание в пикирование не кончится, то больше рисковать нельзя.

...Очень трудно передать словами ощущения, испытанные мною в этом заключительном полете. Как и прежде, я разогнал самолет по горизонту и начал выбирать ручку управления на себя, борясь с затягиванием в пикирование. И чем меньше оставался «запас рулей», тем больше мной овладевало желание победить слепую силу, которая стремится опустить нос моего самолета, привести его к гибели.

Эта сила представлялась мне почти живым существом — тупым и жестоким, которое уверено, что победит летчика, испугает его, заставит прекратить борьбу. И я, стиснув зубы, тянул и тянул на себя ручку. Настал момент, когда «запас рулей» был использован полностью, ручка управления почти до отказа взята на себя. Это была последняя ставка, последняя и окончательная попытка...

На миг мне показалось, что ничего не изменилось, что самолет по-прежнему стремится сорваться в бездну и я не в состоянии его удержать.

«Неужели конец?» — мелькнула тревожная мысль, и по спине пробежал холод.

Но тут я почувствовал, что давление на ручку ослабевает. Самолет перестал стремиться опустить нос. Чтобы удержать его в горизонтальном полете, мне уже пришлось двигать ручку управления от себя, так как самолет стал кобрировать: он как бы старался, вопреки усилиям летчика, «подниматься» по кривой вверх. Потом это прекратилось, и я повел самолет, держа его рули в нормальном положении.

Не скрою, тогда я испытал огромное чувство радости, удовлетворения собой — «аэродинамическая ложка» была пройдена. В борьбе со слепой силой стихии человек вышел победителем.

Испытательные полеты наших летчиков позволили ученым найти причину, вызывающую затягивание самолета в пикирование, определить скорости, на которых это происходит, найти такую форму крыльев самолета, при которых «аэродинамическая ложка» бывает минимальной и практически не влияет на пилотирование.

Воздушные корабли.
Фото Е. Умнова.

Долг испытателя

Современное развитие авиационной науки позволяет конструкторам заранее предвидеть поведение нового самолета в различных режимах полета и не допустить в своих расчетах грубых ошибок. Но всего предусмотреть невозможно. И каждая опытная машина являет собой как бы уравнение с одним, а иногда и несколькими неизвестными. Решить уравнение, отыскать неизвестные призван летчик-испытатель. При этом он может попасть в сложное и даже опасное положение.

...Ясным, солнечным утром я поднялся в воздух на новом опыт-

ном самолете. Это была поршневая, нескоростная машина, и испытания не сулили каких-либо осложнений. На высоте в 4 тысячи метров я приступил к выполнению задания. Все шло хорошо, как вдруг из-за приборной доски вылетела искра. Вслед за ней показался язычок пламени. Маленький, не больше огонька елочной свечки, он был грозным вестником пожара.

Следовало немедленно принять решение: прибегнуть ли к парашюту или попытаться посадить машину,— аэродром был почти подо мной.

Для всякого летчика-испытателя, попавшего в подобное положение, выбор решения требует большого усилия воли. Инстинкт самосохранения, присущий всему живому, властно требует: спасаться наиболее верным способом — с помощью парашюта. Но долг летчика-испытателя говорит другое. Ведь если машина погибнет, то причина возникновения пожара останется невыясненной. Вновь построенный такой же самолет будет иметь скрытый дефект. И кто знает, когда и при каких обстоятельствах он снова даст о себе знать и справится ли тогда с огнем тот летчик, который будет сидеть за штурвалом самолета.

Огонь был невелик. Я радировал на аэродром о возникшем пожаре и о том, что иду на посадку.

Перевел самолет в крутое пикирование. Земля будто поднялась стеной и помчалась на меня. Я выровнял машину на небольшой высоте, с ходу повел ее на посадку и... пожалел, что не прибегнул к парашюту. Пожар разгорался удивительно быстро. Золотистые ручейки пламени побежали вдоль стенки кабины к пилотскому креслу, стекли на пол и слились вместе. Я был в кислородной маске, дым и гарь не затрудняли дыхания. Но комбинезон затлел, и я чувствовал нарастающий жар. Пламя подобралось к бензопроводу — это было уже смертельно опасно.

Катастрофа могла произойти в любое мгновение. На ожидании ее сосредоточилось все мое существо. Мне казалось, что секунды тянутся бесконечно, а самолет почти неподвижно висит в воздухе и никогда не приземлится. Но я четко пилотировал машину, ясно видел землю, правильно определял расстояние.

Если бы в тот момент меня увидел посторонний человек, то, вероятно, подумал бы, что я совсем не боюсь и не волнуюсь. Это, конечно, далеко не так. Просто летчик-испытатель привыкает преодолевать страх, не дает ему воли, сохраняет хладнокровие, а движения при пилотировании от многолетней практики становятся автоматическими.

Наконец колеса самолета касаются земли, и он катится по ровному полю аэродрома. Теперь машина будет сохранена, если, конечно, не взорвутся баки. Я вижу, как к месту посадки мчатся пожарный и санитарный автомобили, бегут люди. Делаю движение, чтобы сбросить с кабины фонарь. Скажу кстати, что это всегда хочется сделать сразу, как только увидишь огонь: хочется убедиться, что фонарь не заклинило, что путь к спасению открыт. Но при этом пламя мгновенно разгорается, и сбрасывать фонарь можно только для того, чтобы покинуть кабину.

Именно это я и хотел сделать, хотя самолет еще катился со скоростью 30—40 километров в час. Мои нервы более не выдерживают. До полной остановки пройдет еще десять — пятнадцать секунд, и каждая из них может оказаться роковой. Я сбрасываю фонарь, поспешно выбираюсь из кабины на плоскость и падаю на землю.

Мой риск оказался не напрасным. Машина не взорвалась, пожар успели потушить. Инженеры установили причину аварии. Выяснилось, что один из выхлопных патрубков мотора слишком близко находился от фюзеляжа. Раскалившись, патрубок прожег его и вызвал пожар. Этот конструктивный дефект был устранен, и самолет успешно прошел испытания.

Чувство долга, о котором я упоминал выше, готовность идти на риск ради спасения опытного самолета присущи советскому летчику-испытателю. Для примера расскажу случай, который произошел с моим товарищем по работе Героем Советского Союза Григорием Седовым. Это на редкость хладнокровный и расчетливый испытатель. Прежде чем стать летчиком, он окончил инженерную академию Военно-Воздушных Сил, и я не знаю другого испытателя, в ком бы так гармонично сочетались глубокие технические познания с блестящим мастерством пилотирования. Именно это позволило Григорию Седову сохранить дорогостоящий опытный экземпляр реактивного истребителя, который он испытывал.

Все произошло совершенно неожиданно. При выводе самолета из пикирования летчик почувствовал толчок, давление на ручку управления ослабело, нос самолета перестал подниматься вверх. Седов увеличил скорость, и машина послушалась его как бы нехотя. Давление на ручку оставалось незначительным.

«Видимо, воздушным потоком повредило рули высоты»,— решил испытатель.

Создавалось такое положение, когда летчик имеет право прибегнуть к парашюту. Ведь совершенно ясно, что если рули высоты не действуют, то нормальную посадку произвести нельзя. Правда, Седов знал случай, когда пилот благополучно приземлился с заклиненным управлением. Но это было на учебном поршневом самолете, с малой посадочной скоростью.

Чтобы дать возможность конструкторам и инженерам выяснить причину аварии, Седов решил попытаться спасти машину. Он еще полчаса походил над аэродромом, экспериментируя в воздухе, подбирая наименьшую скорость, при которой самолет с грехом пополам слушался рулей высоты. Эта скорость оказалась для посадки чрезвычайно большой. И все же испытатель пошел на риск.

Сделав четвертый разворот, он начал снижаться. Казалось, что с потерей высоты скорость возрастет. На мгновение летчик представил себе, как его самолет, проскочив все летное поле, ударяется в ангар и... Но земля стремительно надвигалась, и летчик уже больше ни о чем не думал, кроме посадки.

Все могло кончиться благополучно только в том случае, если расчет будет абсолютно точным, если летчик полностью использует всю длину посадочной полосы. Седов видел стремительно мчавшийся санитарный автомобиль.

«Это за мной»,— подумал он мельком, как о чем-то малозначащем. Все его внимание, вся воля сосредоточились на том, чтобы самолет коснулся земли в нужном месте.

При полете на истребителе, который маневрирует в воздухе с большими ускорениями, организм летчика испытывает такую перегрузку, что зачастую человек на некоторое время теряет зрение, у него нарушается деятельность мозга.

На двух снимках запечатлено лицо летчика-испытателя С. Н. Анохина в обычном полете и в полете с восьмикратной перегрузкой.

Самолет приземлился и стремительно помчался по бетонной дорожке. Седов выключил двигатель и стал плавно нажимать на тормоза. Скорость гасла медленно, и летчику было ясно, что для пробега машины аэродрома не хватит. Самолеты, стоящие на краю летного поля, неумолимо приближались. Летчик видел, как от них в разные стороны разбегаются механики. Когда казалось, что катастрофа неизбежна, Седов резко затормозил одно левое колесо. Самолет дважды развернулся влево и остановился.

Седов откинулся на спинку сиденья и только тогда почувствовал, что лицо его мокро от пота, что он смертельно устал.

По заданию ученых

Низкие серые тучи неподвижно висят над аэродромом, сея мелкий, нудный дождик. Испытатели Семен Машковский, Иван Шунейко и я сидим в летной комнате и с нетерпением ждем «погоды». Нам предстоит необычная работа. В воздухе будут испытываться не самолет, не приборы и механизмы, а мы сами. Ученые исследуют влияние перегрузок на человеческий организм, и для этого мы будем подниматься в воздух. В СССР уже много лет занимаются изучением этого вопроса. Многочисленные опыты над животными показали, что чем меньше организм, чем меньше в нем жидкости, тем большую перегрузку способен он вынести. Так, например, насекомые выдерживают колоссальные перегрузки. «Увеличение» веса в 2 500 раз не оказывает заметного влияния на их организм. Мышь переносит пятнадцатикратную перегрузку, кролик — десятикратную.

...К полудню поднялся ветер. Небо очистилось от туч, и полеты начались.

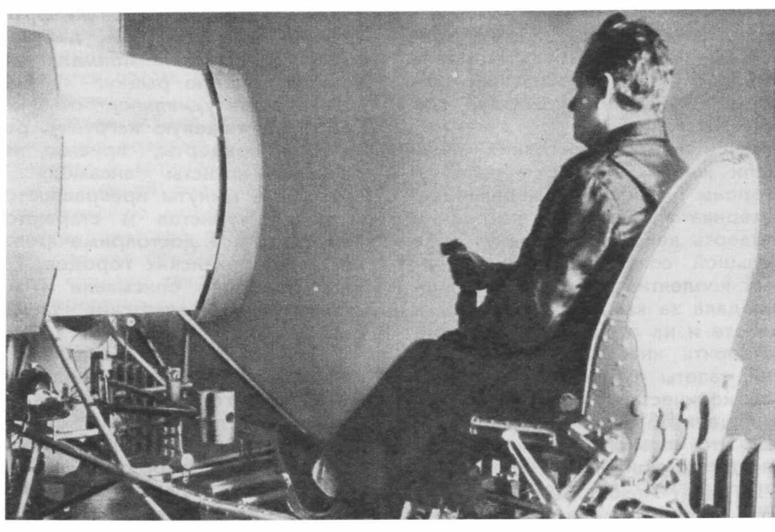
По заданию ученых мы поднимались в воздух и выполняли фигуры высшего пилотажа, создавая нужные перегрузки. Установ-

ленный на самолете киноаппарат автоматически фиксировал все наши действия и внешние признаки, которые вызывают перегрузку у человека. Приборы отмечали работу сердца, кровяное давление и другие физиологические функции организма.

Надо сказать, что при этих полетах в неприятных ощущениях недостатка не было. Представьте себе, что вы пикируете с большой скоростью. Потом берете ручку управления на себя. Движение вниз прекращается, но каждая клеточка вашего организма сохраняет инерцию. Кровь отливает от головного мозга, внутренности стремятся сместиться.

Киноаппарат зафиксировал, что под действием перегрузки у человека деформируется лицо, отвисает челюсть, закрываются глаза. Кстати, летчики, которым приходилось выполнять крутые спирали и выходы из пикирования, утверждали, что они ненадолго слепли. Наши опытные полеты доказали, что перегрузка действительно влияет на зрение. Летчик перестает видеть оттого, что под влиянием перегрузки веки становятся во много раз тяжелее и помимо его воли закрываются. При более длительной перегрузке нарушается и кровообращение внутри глаза. Чтобы установить степень перегрузки, при которой летчик не «теряет зрение», провели такой опыт. Мне на веко приклеили ниточку, на конец которой подвешивали все увеличивающийся грузик. Сначала я мог держать глаз открытым. Затем веко наполовину закрылось, а потом, когда добавили еще груза, я уже не мог открыть глаз.

Эти наши полеты и другие опыты показали, что влияние перегрузки на живой организм зависит не только от ее величины, но также и от продолжительности ее действия. Резко наступающая кратковременная перегрузка воспринимается как удар.

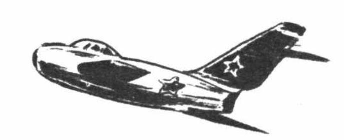
Основное правило авиации: тщательно проверить до полета все, что возможно. Для этого существуют специальные стенды. На снимке: летчик Адамович на созданном им стенде пилотирует самолет, не отрываясь от земли.

В современных герметических кабинах летчик изолирован от внешней среды. Однако в случае пробоины в кабине герметизация нарушится и летчик, очутившись в разреженной атмосфере, может погибнуть. Для сохранения жизни летчиков и созданы высотные костюмы со скафандрами. На снимке: проверка высотного костюма со скафандром в барокамере.

Примеры перенесения подобных перегрузок были в авиационной практике. Так, при аварии самолетов случалось, что в момент удара о землю приборы регистрировали двухсоткратные перегрузки, а люди оставались живы. Да и в повседневной жизни человек часто без вреда для себя подвергается весьма значительным перегрузкам. Спрыгнули вы, например, со стола и уже при этом испытали шестнадцатикратную перегрузку. Длительная же перегрузка ощущается как большое давление на весь организм.

Исследовательская работа, ко-

торую проводили наши летчики по заданию ученых, порой требовала не меньшего мужества, хладнокровия и находчивости, чем самые сложные испытания самолетов.

...Те, кто часто пользуется воздушным транспортом, знают, что если метеосводка сообщает: «По маршруту грозовой фронт», — то полет будет отложен. Если же гроза настигнет самолет в пути, то он подвергается большой опасности. И недаром в памятке летчика говорится: «При встрече с грозой в полете безусловно нужно ее обойти». Во всяком случае не следует пробивать грозу. И на современных самолетах имеются специальные приборы, предупреждающие пилотов о появлении на пути грозовых облаков.

А вот мой товарищ по работе Николай Нуждин для своего полета ждал хорошей грозы. Он получил от ученых задание пройти через центр грозового облака. Но как назло дни стояли ясные, и, заходя в летную комнату, Николай вздыхал: «Опять сегодня не лечу». Мы его утешали шутками:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

О покое, который ожидает Николая во время исследовательского полета, я уже имел некоторое представление. Однажды, летая на планере, я был застигнут грозой, воздушные вихри буквально засосали меня в тучу и, к счастью, сразу же выбросили из нее. Но я успел испытать чувство беспомощности человека перед могучими и грозными силами природы.

Наконец для полета Николая Нуждина выдался подходящий день. С утра было жарко, безветренно, парило, как в бане. К полудню огромная черная туча закрыла солнце. Это была, что называется, классическая грозовая туча. У ее основания двигался вихревой вал диаметром в 500—600 метров. Как бы плоская снизу, туча поднималась вверх мощной башней, которая на высоте 13 тысяч метров образовывала характерную для грозовых облаков «наковальню». В верхней части тучи бушевала метель, в средней части — снежная крупа, а в нижних слоях — ливень с градом.

Все самолеты, находившиеся в воздухе, спешили быстрее убраться с пути грозовой тучи. Лишь один самолет Николая Нуждина покинул аэродром и, набрав высоту, смело устремился навстречу опасности. При этом летчик знал, что его ожидает. В грозовом облаке сила воздушных вихрей такова, что человек, попавший в них, может быть поднят на очень большую высоту. Эти воздушные вихри могут лишить самолет управляемости, разломать его. Электрические разряды способны прекратить радиосвязь и даже вызвать пожар.

Нуждин был хорошо подготовлен для борьбы с силами стихии. Он летел на большом, достаточно прочном самолете, снабженном мощными реактивными двигателями. Тем не менее летчику пришлось собрать все свое мужество, чтобы направить самолет через вихревой вал в грозовую тучу.

Сразу машину окружил мрак. При ослепительном блеске молнии летчик видел действие титанических сил, которые бушуют в средине грозовой тучи. Клубящиеся воздушные потоки, огромные, как водопады, с головокружительной быстротой низвергались вниз. И такие же воздушные потоки стремились вверх. Все кругом словно кипело. Могучий реактивный самолет, словно былинку, то возносило на тысячу метров вверх, то швыряло вниз. Летчик то с огромной силой вдавливался в сиденье, то отрывался от сиденья, находясь в состоянии невесомости. Он испытывал неприятное воздействие больших, резко меняющихся ускорений. Чтобы не выпустить из рук штурвала, не потерять пространственной ориентировки, он напрягал все свои силы, прилагал все свое искусство.

Вдруг кабина озарилась ярким светом. Нуждин оторвал взгляд от приборов и не поверил своим глазам. На нос самолета опустился большой огненный шар, от которого, как от маленького солнца, в разные стороны расходились трепещущие язычки пламени. Вдоль крыльев самолета потекли мерцающие струи, которые срывались с концов плоскостей, словно огненные стрелы. Радиосвязь самолета с землей прекратилась. Все электрические приборы вышли из строя. Стрелки их сначала судорожно заметались, а потом замерли на нулевом делении. Воздух внутри корабля был настолько насыщен электричеством, что при движении членов экипажа от них с треском отделялись маленькие фиолетовые искры.

Внезапно самолет содрогнулся: молнии одна за другой дважды ударили в него. Двигатели стали давать перебои, скорость самолета значительно уменьшилась. Но центр грозовой тучи уже был пройден. Огненный шар исчез с носа самолета, словно растаял в воздухе, а крылья перестали мерцать электрическим светом. Сквозь клубящийся мрак тучи испытатель увидел светлое растекающееся пятно. С каждым мгновением оно становилось все ярче и ярче. Это было солнце. А еще через несколько секунд самолет оставил за собой клокочущий ад грозовой тучи и вырвался на голубой простор ясного, безоблачного неба.

☆ ☆ ☆

Я рассказал лишь о некоторых сторонах работы летчика-испытателя, о тех моментах, которые наиболее ярко запечатлелись в моей памяти. И если рассказ этот заинтересует читателей, даст им некоторое представление о работе людей, испытывающих в воздухе новые самолеты, я буду считать, что достиг цели.

Литературная запись Алексея **ГОЛИКОВА.**

ЧИСТАЯ И ЯРКАЯ КРАСОТА

Письмо из США

Медаль, выбитая в честь артистов ансамбля народного танца.

Л. ГРИГОРЬЕВ

Фото артиста ансамбля К. Рыкунова.

Успех ансамбля народного танца СССР в Соединенных Штатах Америки был поистине сказочным. За всю поездку советские танцоры не видели перед собой ни одного пустого кресла, ни одного скучающего зрителя. Более полумиллиона американцев смотрели их на сцене и 50 миллионов по телевидению. В ознаменование выступлений ансамбля были выбиты бронзовая и серебряная медали. Слово «триумф» было самым ходовым в газетных заголовках. Восторженные статьи, опубликованные в американской печати, могли бы заполнить том Большой Советской Энциклопедии.

Критики признавались, что не могут сохранять профессионального «судейского спокойствия», так как «только сфинкс может оставаться равнодушным, глядя на танцы этого ансамбля». Даже государственный секретарь США Джон Фостер Даллес так расчувствовался на концерте советских танцоров в Вашингтоне, что нашел для них теплые слова. «Так плясать,— сказал он,— могут только счастливые люди... Нет большего счастья, чем приносить счастье другим, а вы даете американцам истинное наслаждение».

Об одном концерте нельзя не рассказать. Это было первое выступление ансамбля в Лос-Анжелосе, близ которого расположена столица американской кинематографии Голливуд. Газеты писали, что не могут назвать ни одной голливудской знаменитости, которая не присутствовала бы в этот вечер на концерте. До начала представления танцоры не без тревоги посматривали на необычных зрителей, среди которых было столько знакомых лиц, мелькавших на экранах всего мира. Они знали, что Голливуд не любит аплодировать даже собственным детищам. Но для советского ансамбля этот зал, наполненный огромной толпой героев многих сотен кинокартин, оказался самым отзывчивым. После заключительного номера весь зал поднялся как один человек. Голливуд, как писали в газетах, «был у ног советских танцоров». Когда на следующий день Игорь Моисеев с группой танцоров посетил студию «XX век», съемки были прерваны: с нашими артистами хотели беседовать десятки актеров американского кино.

«Наш город — город автомобилей,— шутили репортеры одной из газет Детройта,— но в отношении танцоров Моисеева его население совершенно забыло про тормоза». «Ансамбль увез с собой сердце Сан-Франциско»,— говорилось в местной газете после выступления советских танцоров в этом городе.

Дети Америки стали играть в «ансамбль Моисеева». Соорудив «бурки» из отцовских пиджаков, они изображают пляску «русских партизан». Они бы охотно исполняли и другие номера, но, по словам 8-летнего Джонни из одной американской семьи, у них «еще не получается прыгать по воздуху».

То, что творилось в залах различных городов США во время выступлений советских танцоров, одна калифорнийская газета назвала даже «политической демонстрацией в пользу Советского Союза». Это, конечно, нелепость, очевидная каждому, кто видел бурное восхищение зрителей из богатых слоев, заполнявших партер и ложи на некоторых концертах. Ближе к истине следующие слова другой газеты: «Хотя мастерство этой труппы является очевидной причиной той бури восторга, с которой американцы принимают этот образец русской культуры, все же только огромный резервуар скрытых дружеских чувств между народами Америки и России может полностью объяснить беспрецедентный энтузиазм, встречавший танцоров Моисеева повсюду, где они появлялись».

Наши танцоры постоянно ощущали живой интерес к себе со стороны простых американцев. Америка впервые за последние четверть века принимала у себя большой советский художественный коллектив и пристально наблюдала за каждым его шагом в работе и на отдыхе. Чтобы удовлетворить интерес своих читателей, газеты публиковали огромное количество фотоснимков и сообщали об участниках ансамбля все, что только могли узнать, а иногда и... придумать.

Из газет можно было узнать, у кого из танцоров и танцовщиц в Москве остались дети, сколько им лет, даже их имена, а также скучают ли по ним молодые родители. Одной из лучших солисток ансамбля, Лидии Скрябиной, приглянулся заводной плюшевый мишка. Она приценилась, но не купила. Это был первый день после приезда в Америку. Одна из двух крупнейших и конкурирующих между собой нью-йоркских газет посвятила этому эпизоду с игрушкой сентиментальный, но в общем благожелательный очерк. Тогда вторая газета приобрела плюшевого медведя и послала репортера с подарком к артистке. Подарок был вежливо отклонен. Позднее, с помощью персонала гостиницы, мишка все же проник в номер Скрябиной; его водрузили на столике, рядом с портретом ее 5-летнего сына. Этому тоже был посвящен в газете целый очерк.

В Сан-Франциско портовые ребятишки, удившие рыбу, предложили гулявшим по набережной танцовщицам из ансамбля свои удочки — «попытать счастья». Такой жест со стороны босоногого племени по отношению к взрослым на любых широтах есть знак наивысшего расположения, и он был оценен. Завязалась оживленная беседа на языке жестов, понятном всем рыболовам. К общему восторгу хозяев рыболовной снасти, Валентина Добрина поймала маленькую рыбешку. Эта история была отображена в печати и даже проиллюстрирована фотографией, как если бы девушка русского ансамбля поймала сказочную золотую рыбку.

Газетчиков удивляло, что, несмотря на тяжелую нагрузку: репетиции, концерты, приемы, переезды,— артисты ансамбля в свободные минуты превращаются в рьяных туристов и стараются осмотреть все достопримечательности американских городов. Газеты подробно описывали и эту сторону жизни советских танцоров.

Какие же выводы сделали американцы из своих наблюдений? Прежде всего им бросилось в глаза «сходство русских с нами самими; они совершенно такие же, только не говорят по-английски». Их забавляло, например, что русские девушки, как и американские, часто задерживаются у витрин универсальных магазинов, а молодые люди точно так же, как американцы, теребят их за рукав, напоминая, что пора спешить на репетицию... Но те из американцев, кто смотрел повнимательнее, разглядели, что в самих советских танцорах, как и в их искусстве, есть нечто новое, непривычное. «В них самих и в том, как они танцуют, есть нечто такое,— писал «Данс мэгэзин»,— чего нельзя объяснить ни талантом руководителя, ни способностями и выучкой самих танцоров... Они как бы светятся радостью. И это заставляет зрителя поверить, что под ногами у них не сцена, а зеленый луг, а сверху им улыбается синее небо».

«Что же это такое? — спрашивают театральные критики.— Неужели все они, эти виртуозы русского пляса, к тому же еще прирожденные актеры? Или они на самом деле полны радости и каждый концерт для них праздник?»

Ансамбль народного танца исполняет «Вирджинский хоровод» на сцене театра Метрополитэн опера.

Ответ на этот вопрос автор обозрения в журнале «Данс мэгэзин» нашел не на сцене, а за кулисами. Побывав на репетиции, он увидел, что там царит веселая и дружеская атмосфера творческого труда. «Все они,— говорилось в обозрении,— и в одиночку и в коллективе, сияют, как люди, которые уверены в своем будущем и окружены вниманием и любовью».

Театральный обозреватель «Чикаго трибюн» Сеймур Кейвин пришел к сходной мысли: «Они так хороши потому, что любят свое дело и готовы работать каждым мускулом, каждым нервом для своего ансамбля». «К тому же,— добавлял Кейвин,— русское правительство, по-видимому, заботится о том, чтобы у них было все необходимое для успеха».

Писатель Майкл Голд, признавшись, что впервые в жизни он слонялся у артистического входа, чтобы лишний раз взглянуть на эту чудесную молодежь, сказал: «Это советские люди!.. В странах, где все продается, не может быть создано такой чистой и яркой красоты».

Не всегда советские танцоры выступали как артисты, а американские — как зрители. Нередко роли менялись. Весь коллектив смотрел «Происшествие на западной окраине», поставленное талантливым американским балетмейстером Робенсом; а затем наши встретились со всей труппой, состоящей также в основном из молодежи, и даже провели с ними товарищеское состязание по мастерству.

На одну из встреч с любителями американских традиционных танцев в Нью-Йорке советские танцоры пришли, полагая, что им покажут эти танцы. Но после приветственного слова была дана команда: «Пусть каждый возьмет себе русского партнера»,— и хозяева мигом расхватали русских артистов и смешались с ними в общем хороводе. На этой встрече, кажется, и родилась у Игоря Моисеева идея разучить народный американский танец «Вирджинский хоровод», который впоследствии исполнялся на бис на последнем концерте в каждом городе. Зрители всякий раз дружно отбивали такт ладошами и подпевали мелодию.

Наш ансамбль приглашали к себе в гости и миллионеры и простые труженики. Часто, чтобы не обидеть гостеприимных людей отказом, коллектив дробился на несколько групп. И все же число таких приглашений превышало все возможности ансамбля. Упомянем только о двух встречах.

Поля Робсона танцоры пригласили к себе поздно вечером, после концерта, на котором он смотрел программу ансамбля второй раз. Хозяев было сто человек, гостей — двое: Робсон и его жена Эсланда. Поль был глубоко взволнован концертом, а сейчас его волнение еще больше возросло: на него, не отрываясь, смотрели сто пар влюбленных глаз. Свою короткую приветственную речь он произнес по-русски. «Программа» встречи складывалась непринужденно, сама собой. Танцоры подарили певцу альбом пластинок с новыми советскими песнями. Одну из них — «Подмосковные вечера» — решили спеть. Спели очень хорошо — стройно и проникновенно. Затем запели «Полюшко-поле», которую Робсон очень любит, и его могучий голос присоединился к хору. Потом Робсон спел сам негритянскую песню «Мальчик-водонос», спел с такой силой чувства, что все сидели, не шелохнувшись, как завороженные...

В гости к Бетти Конрад ездила группа танцоров. Эта простая американка побывала на концерте ансамбля и решила пригласить нескольких человек к себе. Потом она говорила, что не надеялась, что артисты приедут к ней, их ведь приглашают разные знаменитости, а она «никто». Но ей очень хотелось посмотреть поближе русских артистов и поблагодарить их за доставленную радость. В письме она предупреждала, что ничего интересного или роскошного обещать не может: кроме сына и девяти дочерей, никакого богатства у нее нет, не пошлет она за гостями и машины, ибо в семье только один велосипед на всех.

Наши танцоры сели в такси и поехали в гости к миссис Конрад, в небольшой домик над морем. Девочки сбегали к соседям за недостающими стульями и чашками. Семья не была бедной: муж миссис Конрад, гражданский летчик, неплохо зарабатывает. Но надо одевать, кормить и учить детей, а остальное съедает домик.

Во время таких встреч с простыми американцами часто высказывалась мысль о том, как было бы хорошо покончить с холодной войной и заменить ее той атмосферой дружбы, которая окружает выступления советских артистов в Америке и американских артистов в СССР. Эта же мысль часто высказывалась и в печати. И выступления советского ансамбля в США, по общему мнению, сделали огромный вклад в это дело. Сообщения о первых концертах советских танцоров чаще всего публиковались под заголовками: «Холодная война отступает перед искусством», «Танцоры Моисеева преодолевают барьеры холодной войны».

Лос-анжелосская газета, описывая встречу советских танцоров с местными исполнителями народных танцев, когда они совместно лихо отплясывали «Сквер-данс», сравнивала ее с «безудержным взрывом братских чувств во время встречи американских солдат и советских автоматчиков на Эльбе».

Успех советского ансамбля и теплые чувства сотен тысяч американских зрителей по адресу наших танцоров не всем пришлись по вкусу в Америке. Сначала несколько бульварных газет вроде «Дейли ньюс» пустили грязную утку, будто танцоры ансамбля — «переодетые агенты». Но это не возымело на публику никакого действия. Вся Америка смеялась над сказанной кем-то остротой: «Если русские «тайные агенты» так танцуют, то что же будет, когда они пришлют сюда настоящих танцоров?»

Были и попытки саботировать концерты путем организации хулиганских дебошей. Но эта жалкая затея провалилась, встретив отпор со стороны самой публики. В Лос-Анжелосе у театра, где выступал ансамбль, можно было видеть рядом со щитом, призывающим бойкотировать ансамбль, другой, с надписью: «Куплю лишний билет за любую цену». Тип, пытавшийся хулиганить во время исполнения гимна Советского Союза, был тут же выброшен публикой из зала.

В Бостоне какой-то проходимец после заключительного номера концерта появился на сцене из-за кулис с антисоветским плакатом. Публика встретила его топотом и криками возмущения. Парень, по виду студент, вскочив из публики на сцену, изорвал плакат, за что был награжден аплодисментами. Полиция, правда, почему-то бросилась ловить студента, но тот скрылся в сочувствующей ему толпе, и в руках блюстителя порядка осталась только его клетчатая куртка. Многие жители Бостона заявляли артистам ансамбля, что они возмущены происшествиями не меньше, чем сами танцоры. То же говорилось и в письме, которое прислал в связи с этим инцидентом руководителю ансамбля ректор Бостонского университета.

Встреча с Полем Робсоном.

В Нью-Йорке, когда 14 тысяч зрителей аплодировали советским танцорам в Мэдисон сквер гарден, у входа уныло бродил одинокий субъект с плакатом, призывающим... прекратить обмен артистами с Советским Союзом. На следующий день в сообщениях о концерте говорилось: «Голосование по культурному обмену состоялось. Четырнадцать тысяч — за, один — против».

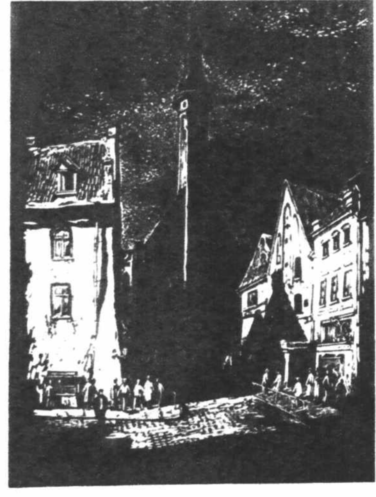
Во время заключительного выступления ансамбля, передававшегося по телевидению, это голосование повторилось в масштабе всей страны. 29 июня в 8 часов по нью-йоркскому времени все телевизоры Америки были настроены на канал компании «Сибиас», в программе которой выступал ансамбль. Теперь компания завалена письмами и телеграммами, выражающими восторг по поводу передачи и благодарность за то, что она показала всей стране такое чудо искусства.

* * *

1 июля мы провожали коллектив ансамбля домой. За два с половиной месяца он дал 70 концертов при обычной норме 108 в год. Почти все свободные дни ушли на утомительные переезды из города в город. Все устали. Но никто из зрителей не увидел этой усталости. Последнее, самое ответственное свое выступление артисты провели с особым энтузиазмом и темпераментом, которому удивлялись сами.

На аэродроме все сияли, как никогда. Им было чему радоваться! Они славно поработали. А главное, они улетали в Москву. Это особенно хорошо чувствуешь, когда стоишь внизу на чужой земле и машешь рукой серебряным птицам, которые уносят домой эту шумную, веселую частицу нашей советской Родины.

Нью-Йорк.

Аво Кееренд. ТАЛЛИН. СТАРАЯ РАТУША. Линогравюра.

Наши планы

В этом номере журнала воспроизводятся новые произведения эстонских художников.
Наши корреспонденты побывали в мастерских живописцев, скульпторов, графиков Таллина, узнали их творческие планы, с которыми «Огонек» и знакомит читателей.

Арнольд АЛАС

— Нынешним летом я впервые поеду в Армению и с нетерпением жду этой встречи с южной республикой.

Вернувшись на родину, я буду писать картину, в которой мне хочется рассказать о сегодняшнем дне нашей республики,— скорее всего, это будет промышленный пейзаж.

A. Alas

* * *

Эвальд ОКАС

— Недавно я закончил несколько картин, посвященных крестьянскому восстанию в Эстонии, столетие которого отмечается в этом году. Две картины — «Крестьяне идут в Махтра» и «Восстание»—предназначены для музея на месте восстания.

Теперь я с удовольствием займусь более близкой мне темой — темой современности: сделаю две серии графических листов — о людях, работающих на цементном заводе в Кунда и на газовой фабрике в Кивиыли.

Цементный завод находится на берегу моря. Как же быть у моря и не написать картины о рыбаках? Жизнь сама подскажет мне содержание полотен. Я знаю только, что это будет насыщенный трудом, борьбой и удачей сегодняшний день эстонского рыбака.

Окас

Эвальд Окас. ВОЙНА В МАХТРА. Линогравюра.

* * *

Лепо МИККО

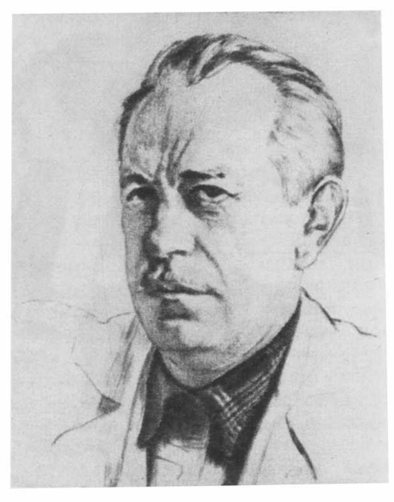
— Острова Балтики! С юношеских лет привлекают они меня неоглядным синим морем со всех сторон, каменными заборами у дорог, сочной зеленью лесов и лугов, яркими национальными костюмами островитянок.

В одну из своих поездок я увидел у берега такую картинку: женщины в легких летних одеждах мыли в море овец. Овцы разбегались, женщины, загорелые, сильные, смеясь, снова сгоняли их в море. И, казалось, летние, играющие всеми красками волны смеялись вместе с ними. Позднее я по памяти сделал эскиз. Нынче же снова поеду на Сарема, в тот колхоз, разыщу своих знакомых и напишу картину. Мне хочется, чтобы она была яркой, полной жизни и тепла.

Лепо Микко

Рихард САГРИТС

— Лето... Под синим небом с бегущими облаками — яркая зелень лесов, блеск прохладной волны; на лугах цветут, сочно лоснятся травы — наступает сенокос. Работают мужчины в белых, расстегнутых на груди рубашках, женщины — в цветных косынках. На помощь

Александер Мильдеберг. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА РИХАРДА САГРИТСА. Сухая игла.

людям на луга вышли машины. В деревне нелегкое, жаркое время сенокоса всегда ожидается как праздник. И верно, что-то очень праздничное есть в вольном размахе движений, в залитом солнцем просторе, в том, что люди вышли на луга большой семьей. Там и здесь слышатся смех и шутки, сменяется одна другой песня.

«Сенокос в прибрежном колхозе» — тема моей новой композиции, над которой я буду работать года два.

R. Сагритс

* * *

Ирина БРЖЕСКАЯ

— В Эстонии я живу сравнительно недавно. Меня привлекает своеобразие ее пейзажа, обычаев, истории. Но больше всего как художницу-портретистку меня интересуют ее люди. Сейчас я пишу портреты старых эстонских большевиков — хирурга Юстина Нормана и ученого Рихарда Маяка.

Летом поеду на остров Кихну, где женщины до сих пор ходят в старинных национальных костюмах и где сохранились старинные обычаи. Мне хочется поближе познакомиться с людьми, с их бытом и написать жанровые портреты жителей маленького острова.

И. Бржеская

* * *

Мярт БОРМЕЙСТЕР

— Люди, любящие историю, поймут меня, мой интерес к событиям из жизни моего народа, к борьбе древних эстов с вооруженными до зубов крестоносцами, псами-рыцарями. Сейчас я задумал написать историческое полотно. И поэтому северная Эстония, остров Сарема, где в далеком тринадцатом веке долгие годы пылали костры борьбы за свободу, где шла упорная война против немецких и датских захватчиков, привлекают мое внимание.

И, конечно, буду снова и снова обращаться к пейзажу Таллина. Я родился и вырос в этом городе, и хотя много лет работаю над городским пейзажем, тема эта для меня вечно нова!

Märt Bormeister

* * *

Вольдемар ВЯЛИ

— Хотя портрет — наиболее любимая мною область живописи, в последнее время меня не меньше стал интересовать пейзаж. Несколько видов Таллина в этом году я представил на республиканскую выставку.

Столетие крестьянского восстания 1858 года пробудило у нас, эстонских художников, большой интерес к этому событию. Я снова перечитал книгу Э. Вилде «Война в Махтра»; страницы о том, как пришел к крестьянам новый закон о земле, представились мне особенно зримо. Крестьяне долго передавали из рук в руки непонятную книгу, хотели прочесть и не могли, пока не нашелся старый, с грехом пополам знавший грамоту солдат. При свете лучины он с трудом читал плохо переведенные страницы закона. Их недовольство при этом, тяжесть жизни в рабстве у помещика я и думаю изобразить в своей новой картине. Сейчас я пишу эскизы композиции, собираю материалы об одежде того времени, пишу портреты эстонских крестьян.

V. Väli

* * *

Лидия ЛААС

— Меня часто спрашивают: почему я в своем творчестве так часто обращаюсь к молодежной теме? Потому что молодежь — это движение, жизнь, оптимизм. И все это мне хочется выразить в пластических формах.

Сейчас я работаю над скульптурой «Мальчик у моря». Счастливое детство, отдых, резвость — тема произведения.

Лидия Лаас. СКАЗИТЕЛЬНИЦА. Гипс.

У меня есть хорошая знакомая — славная девочка Карин Тятте, ей двенадцать лет, больше всего она любит акробатику, начала заниматься ею и даже завоевала первое место на соревнованиях молодежи в Тарту. Вот ее я и собираюсь вылепить. «Молодая акробатка» будет называться моя скульптура.

L. Laas

* * *

Рихард УУТМАА

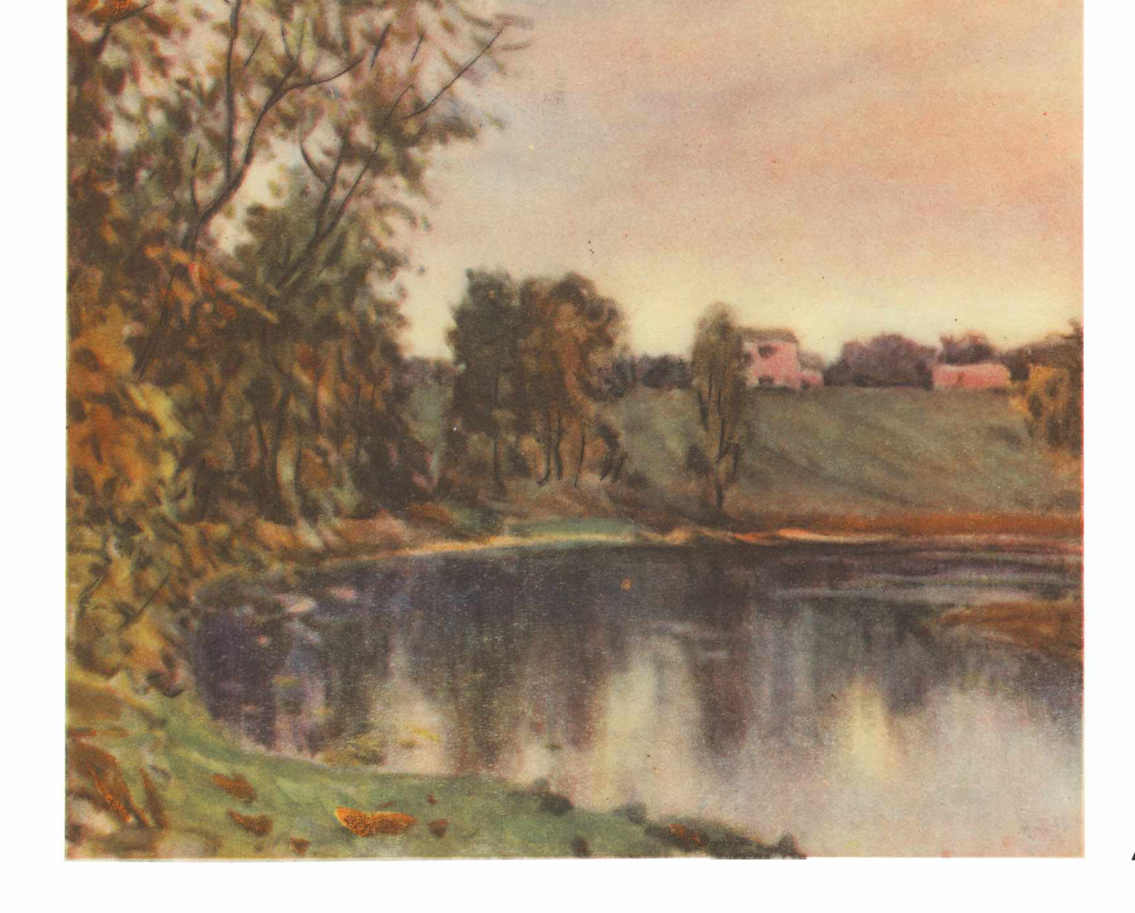
— Суровой красотой славится северное побережье Балтийского моря. Высокий каменистый обрыв берега, прозрачная морская волна с ее свежим йодистым запахом, стройные, взметнувшиеся вверх сосны, в ветках которых постоянно шумит норд-ост. Живут в этих краях рыбаки, красивые, мужественные люди с обветренными лицами. Об их жизни и труде я буду писать картину, которую представлю на жюри Всесоюзной художественной выставки 1960 года.

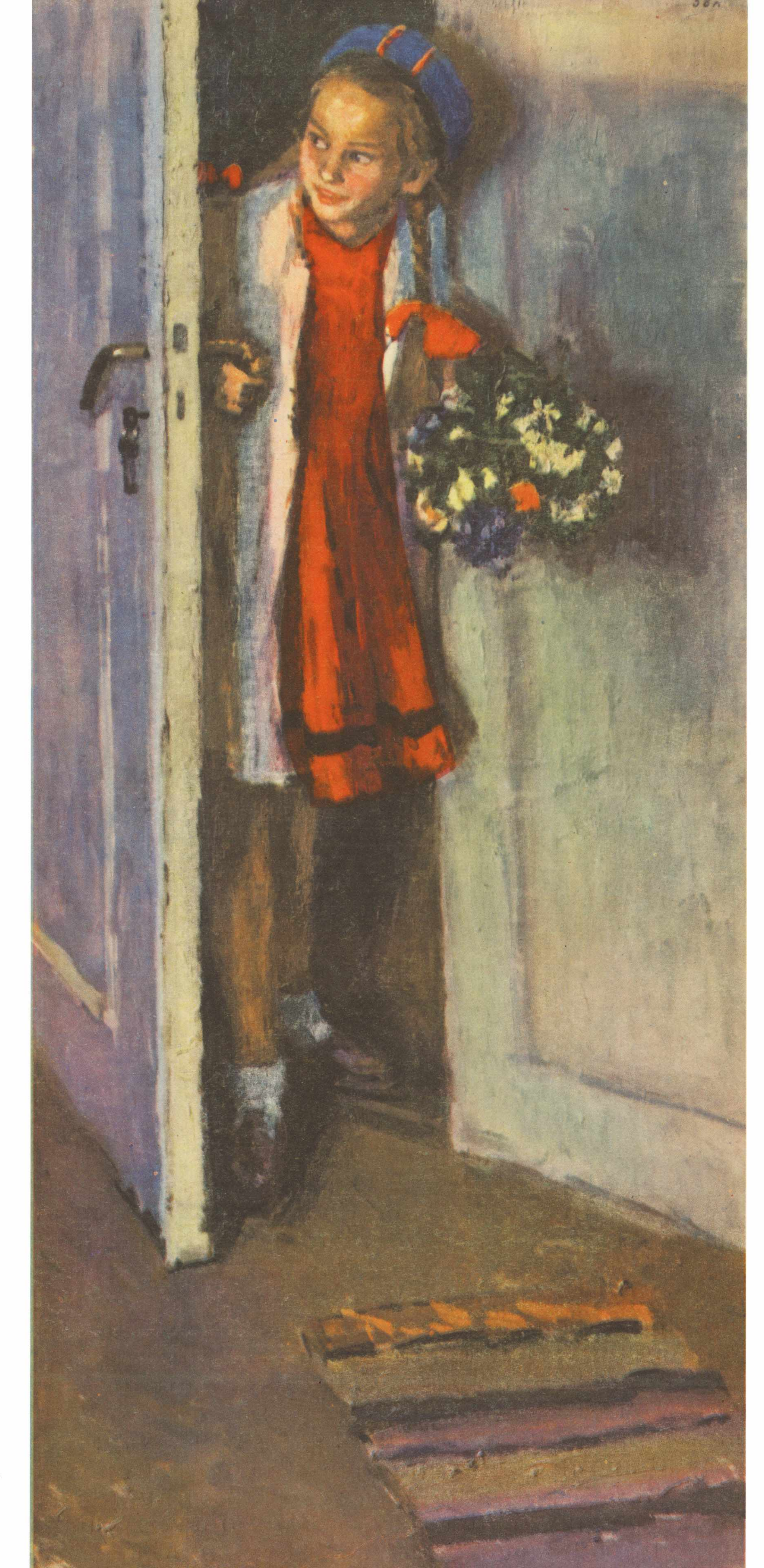
Аво Кееренд. ТАЛЛИН. ТООМКИРИК. Линогравюра.

ПО МАСТЕРСКИМ ЭСТОНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

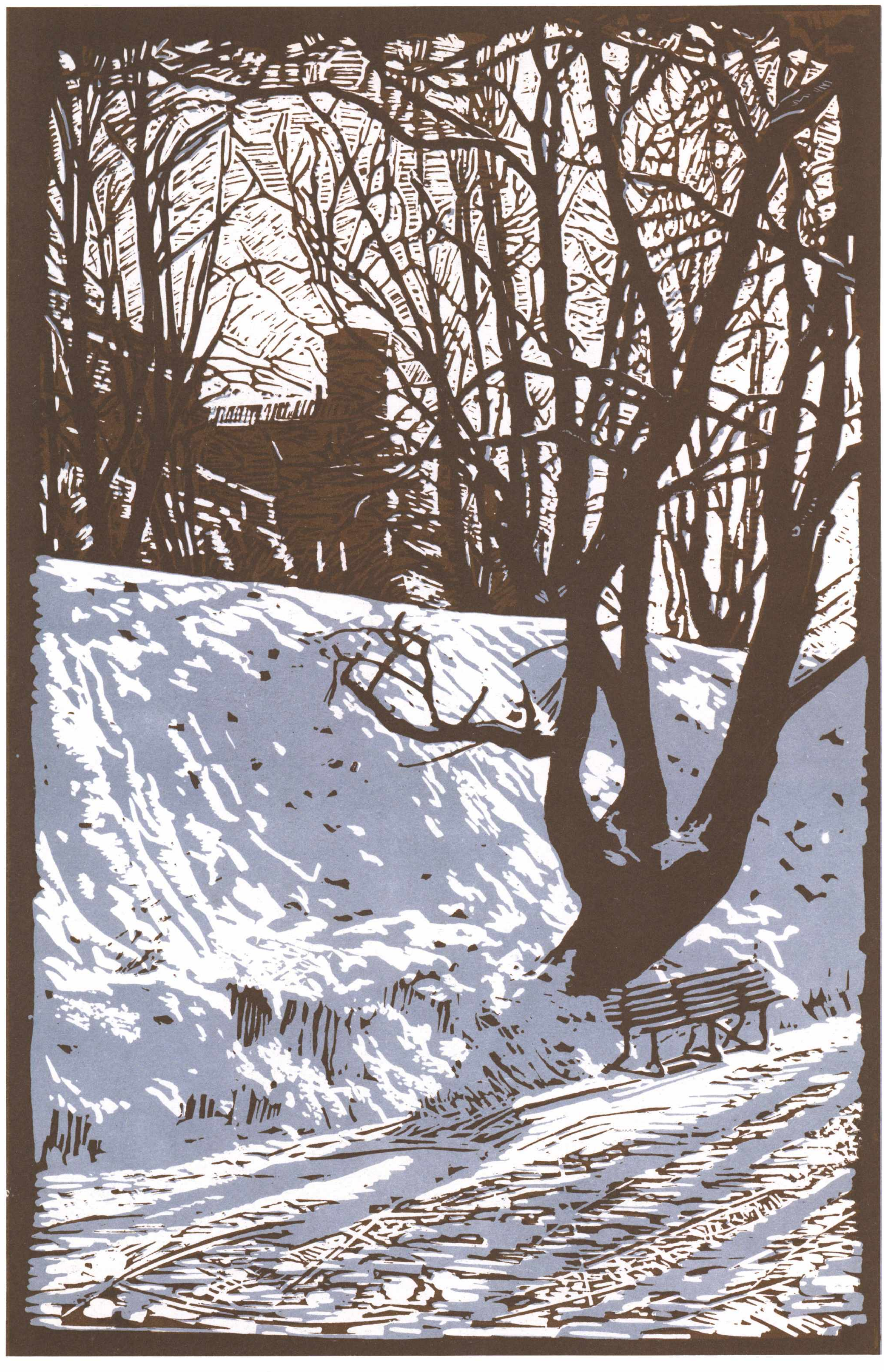

Арнольд Алас. ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ.

Лепо Микко. ПЕЙЗАЖ ЮЖНОЙ ЭСТОНИИ.

Ирина Бржеская. ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ.

Александер Мильдеберг. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ. Линогравюра.

ИНДОНЕЗИЯ ВЕСНОЙ 1958 ГОДА

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Как это было

Идет дождь. Частые сильные струи бьют по черепичной крыше отеля «Муара». За окном непроглядная темень. Электричество шалит, и в номер принесли лампу-молнию, которая монотонно гудит над ухом. Закроешь глаза — и кажется, что все еще сидишь в жестком и тесном, как консервная банка, военном самолете, летящем из Джакарты в Паданг.

...Где-то за Падангом, в горах, ухают взрывы — видно, бьют минометы. Я перебираю в памяти этапы заговора, приведшего к этим взрывам, к тому, что на земле Суматры льется кровь, что вместе со мной прилетели сегодня в Паданг солдаты в маскировочных комбинезонах.

Весной прошлого года в американском журнале «Бизнес уик» была опубликована статья, касающаяся Индонезии. В ней говорилось, что в Индонезии после провозглашения независимости не существует «реальной власти»; чтобы «заполнить эту пустоту», писал журнал, «Соединенные Штаты должны действовать чрезвычайно гибко и тактично».

Несколько позже, летом, наиболее реакционным элементам в стране был разослан некий документ с изложением подробного плана создания на территории Индонезии «особого государства Суматры» или, если это окажется невозможным, «другого центрального правительства» вместо нынешнего.

Документ этот, попавший в руки командования индонезийской армии, был датирован 9 июня 1957 года и имел подпись известного авантюриста, разыскиваемого властями за попытку совершить государственный переворот в 1956 году, за руководство покушением на президента Сукарно в субботний вечер 30 ноября 1957 года. Имя этого авантюриста — Зулкифли Лубис. В биографии бывшего полковника индонезийской армии Лубиса, получившего военное образование под руководством известного в Юго-Восточной Азии японского разведчика капитана Янагавы, достаточно фактов, характеризующих его как самую подходящую фигуру для всякого рода политических заговоров; он со всех точек зрения устраивал разведку «одного иностранного государства».

Лубис собрал на Центральной Суматре ядро будущего заговора реакционных политических деятелей, не в меру честолюбивых военных и проворовавшихся государственных чиновников. Однако сам он оказался достаточно опытен в такого рода делах, чтобы оставаться в тени и ограничиться ролью советника и руководителя из-за кулис.

Соединенные Штаты действовали «гибко и тактично». Посредниками для сношений с центром заговора, находившимся в Паданге, служили работники ЮСИС — Службы информации Соединенных Штатов — и американских нефтяных компаний «Калтекс» и «Станвак», ведущих концессионные разработки на Суматре.

Переговоры между заговорщиками и представителями США велись вначале на Суматре — в Палембанге и Паданге. В них участвовали «трое белых» — служащий падангской конторы ЮСИС Уолтер Джордж Росс, представитель фирмы «Калтекс», специально приезжавший на эти совещания из города Паканбару, и еще один из Сингапура, личность которого точно не установлена. На этих совещаниях, а затем на переговорах, которые вели мятежники с руководителями СЕАТО в Сингапуре, в Маниле, в Бангкоке, была заключена торговая сделка: мы — вам, вы — нам. Объектом торговли была независимость Республики Индонезии. Условия торга, как теперь стало известно, были таковы:

Вы нам: а) право эксплуатации нефтяных промыслов на площади более двух миллионов гектаров вдоль верхнего течения реки Кампар; б) политика «открытых дверей» для капиталовложений западных стран; в) предоставление территорий под американские военные базы; г) вступление в СЕАТО.

Мы вам: а) материальная, моральная и военная помощь; б) официальное или неофициальное признание со стороны соответствующих стран; в) если мятеж провалится, СЕАТО обеспечит мятежникам защиту, предоставив им право въезда в страны — члены СЕАТО.

За сделкой последовал задаток: три американских корабля «Стил экзекьютив», «Стил фэбрикейтор» и «Стил директор» прибыли в порт компании «Калтекс» — Думай 16 ноября 1957 года, 23 января и 28 января 1958 года. Они разгрузили там оружие для мятежников, привезенное непосредственно из США.

В середине января один голландский журналист, находившийся в то время в Паданге, с радостью сообщил на родину, что местные военные власти собираются в скором времени «противопоставить правительству Сукарно новое временное правительство в Паданге». «Когда я спросил одного из полковников,— продолжает корреспондент,— будет ли государственный переворот совершен во время отсутствия Сукарно (имеется в виду поездка президента Индонезии за границу.—

См. «Огонек» № 27.

Г. Б.), тот ответил: «Это было бы наиболее логичным шагом» — и добавил, что момент переворота будет главным образом зависеть «от готовности Англии и Соединенных Штатов оказать новому правительству материальную поддержку».

В конце концов момент был выбран. Дата переворота устанавливалась совместно двумя торговавшимися сторонами, ибо за три дня до объявления мятежниками «ультиматума» в Паданг прибыла группа американских корреспондентов, чтобы устроить новому правительству рекламу. 15 февраля 1958 года «революционное правительство» было провозглашено. Буржуазная печать растрезвонила на весь мир о его «силе», «прогрессивности» и «дружественности» по отношению к Западу. Выступил государственный секретарь Даллес и недвусмысленно выразил свою радость по поводу событий в Индонезии. С воздуха и с моря мятежники получили материальное выражение этой радости: американское вооружение, американское снаряжение, американские боеприпасы.

Еще в январе в Сингапуре появился некий Дэвид Фаулер, американский гражданин. Он вел там переговоры об открытии прямой авиалинии между Сингапуром и Центральной Суматрой. Фаулер, как выяснилось, был связан с американской авиатранспортной компанией Ченнолта, чьи пилоты и самолеты должны были обслуживать эту линию между СЕАТО и мятежниками. Главная контора компании Ченнолта находилась на Тайване.

Авансовые поставки оружия на самолетах начались еще до провозглашения «революционного правительства». Поэтому уже в самом начале мятежа полковник Хусейн — военный руководитель в правительстве заговорщиков — смог заявить, что он имеет теперь достаточное количество первоклассного вооружения, чтобы снарядить им армию. Но одно дело — вооружить армию, и совсем другое — заставить ее драться. Для первого достаточно «мы — вам, вы — нам», для второго требуется еще цель, идея, убежденность. И когда правительственные войска предприняли первое крупное наступление, высадившись на Суматре в районе Паканбару, мятежники позорно бежали, фактически не оказав сопротивления.

Солдаты правительственных войск.

Видя ненадежность своего положения на Суматре, мятежники решили заблаговременно подготовить плацдарм для своих действий на острове Сулавеси (Целебес). Из Манадо в Японию был послан представитель мятежников М. Шамсуддин. Он вел там переговоры с американским послом в Японии Макартуром. Фотокопия одного из его писем послу оказалась впоследствии в руках друзей Индонезии. Фотокопия эта была опубликована бирманской газетой «Миррор». Вот текст письма:

«Отель «Принц». Токио, 15 марта 1958 года.

Дорогой Макартур, ваш телефонный звонок оказался поистине магическим. Совещание, как это и можно было ожидать, оказалось чрезвычайно полезным. Фактически мы договорились обо всех деталях. Теперь я надеюсь, что наши связи останутся постоянными и мы получим все необходимые материалы без задержки. Я убежден, что как Хусейн, так и Сумуал (лидер мятежников на Сулавеси. — Г. Б.) будут довольны результатами моей миссии.

Я полагаю также, что это соглашение поможет мне успокоить до некоторой степени моих коллег. Я говорю, до некоторой степени, потому, что я хорошо понимаю пессимизм и безнадежность, которые можно наблюдать сейчас в центре и на Целебесе. Они понимают, что страны СЕАТО, конечно, не пойдут дальше неофициальной помощи и не рискнут заявить о своей открытой поддержке нашего движения.

Кроме того, я должен признать, что мои коллеги ревниво следят за планами объединения Суматры с Малайской Федерацией. Они опасаются, что осуществление этого плана, так сказать, оставит за бортом движение на Целебесе. Мне думается, что я готов разделить их мнение, но пока я не вижу никакого выхода. Конечно, вы понимаете, что голландский контрпроект, предусматривающий объединение Целебеса в административном отношении с Западным Ирианом, — это безрассудная идея; помимо всего прочего, у нас недостаточно сил, чтобы распространить свое влияние на весь остров. Однако так или иначе, какой-то выход должен быть найден. Мы нуждаемся в каком-то кардинальном решении относительно движения на Целебесе, чтобы наши силы просто не разбрелись там. Было бы очень хорошо, если бы такое решение было принято как можно скорее.

Я, конечно, понимаю, господин посол, что вы не можете сказать мне ничего утешительного по поводу этого до моего отъезда, но я не хотел бы возвращаться в Манадо с пустыми руками. По пути на родину я задержусь примерно на неделю в Маниле. Если вы получите какое-либо указание или решение по этой проблеме в ближайшем будущем, пожалуйста, информируйте меня об этом в Маниле, но не позднее 22 марта.

Разрешите мне еще раз поблагодарить вас, господин посол.

С уважением ваш М. Шамсуддин».

В Соединенных Штатах раздались голоса разочарования. Генерал-майор Чарльз Уиллоби, возглавлявший во время второй мировой войны разведку при генерале Дугласе Макартуре, выступая в «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», сказал, что, конечно, позиция Запада в отношении Индонезии должна состоять в поддержке возникших там сепаратистских движений. Но добавил со вздохом, что если бы в конце второй мировой войны Макартуру было дано разрешение захватить Яву и Голландскую Ост-Индию, то можно было бы избежать теперь «хаотических условий».

Таковы в общих чертах основные этапы мятежа на Суматре, подготовленного и осуществленного с помощью военной машины США и некоторых других стран.

Вторым ударом правительственных войск была высадка в районе Паданга — стратегически важного центра, находящегося в нескольких десятках километров от «столицы» мятежников Букиттинги.

...И вот я сижу в номере отеля «Муара» в Паданге, несколько дней назад освобожденном правительственными войсками. Передовые части их двигаются дальше на север — к Букиттинги. Это последний оплот заговорщиков на Суматре. Наступил заключительный период разгрома мятежа на острове.

Паданг

Паданг в эти дни — неестественно тихий и спокойный город. Опущены кое-где жалюзи, пустынны улицы. Мирные жители ушли из города, боясь уличных боев, боясь угроз «революционного правительства». Сейчас постепенно возвращаются. Везут на тачках небогатый скарб, опасливо поглядывают на военные патрули.

Но магазины открыты почти все: время — деньги. Базар тоже шумит. Отличительная внешняя черта Паданга — невероятное количество фотоателье. Будто жители города только и занимаются тем, что фотографируют друг друга. Владельцы фотостудий, как видно, неуемные романтики и фантазеры. Это заметно по названиям их заведений: «Счастливый мир», «Голубая луна смотрит с небосклона», «Непобедимая цитадель» и даже «Независимый».

Перед моим отъездом из Джакарты на Суматру индонезийские журналисты предупреждали меня полушутя, полусерьезно: «Старайтесь там не попадаться в фотообъектив неизвестных вам людей. Если такое фото попадет в руки мятежников, они немедленно пошлют его в Организацию Объединенных Наций с жалобой, что на Суматре находится по крайней мере полк русских». Поэтому я, откровенно говоря, с некоторой опаской проходил мимо этих воинственно-романтических заведений.

Город мусульманский. Но возле отеля, в котором я живу, сразу три католических храма: «Святой Марии», «Святой Терезии» и еще кого-то. Сегодня воскресенье — из «Святой Терезии» несется дребезжащая органная музыка. В длинном высоком зале почти нет молящихся. Только прочно, как изваяния, стоят, упершись коленями в удобные скамеечки, священники-европейцы в длинных белых сутанах. Склонив головы, они что-то шепчут под нос и

иногда подпевают органу. Еще в Джакарте, в газете «Берита мингу», я читал сообщение о том, что в Паданге и Букиттинги после начала мятежа появилось неестественно много католических священников-европейцев. Днем «святые отцы» носят белые сутаны, а по вечерам превращаются в инструкторов, обучающих войска Хусейна противовоздушной обороне и обращению с базуками.

Интересно, за кого теперь молятся эти люди? Вспомнилась тонкая усмешка священника Клааса в самолете Дюссельдорф—Джакарта. Недобрая усмешка...

Мимо храма прошел патруль. Оба солдата заглянули внутрь здания, обвели взглядом статные фигуры на скамеечках и, не обнаружив ничего подозрительного, пошли дальше. Солдаты — в надвинутых на глаза касках. На каске — маскировочная сетка. На сетке — авиационные очки-консервы. Кроме автомата в руках, пистолет на поясе, несколько гранат-лимонок, ножи — один на поясном ремне, другой привязан к икре правой ноги. На груди — крест-накрест пулеметные ленты. Кроме того, неисчислимое количество ладно пригнанных сумок, подсумков, кожаных и брезентовых кармашков, металлических крючков и крючочков. Рукава маскировочных комбинезонов закатаны, шею одного из солдат обвязывает яркий желтый шарф, на левом плече — полукругом по шву рукава — металлическая нашивка то ли с обозначением рода войск, то ли звания и, наконец, на руке — повязка, указывающая, что оба солдата находятся в данный момент при исполнении своего служебного долга.

Индонезийская военная форма удобна, проста и изящна. Солдаты любят ее и носят, я бы сказал, с удовольствием. Что касается таких художественных дополнений, как авиационные очки, патронташ, пулеметные ленты, шарф и несколько излишнее число ножей, то это уж самодеятельность, придающая солдатам элегантно-небрежный воинственный вид.

Солдаты проводили меня к полковнику Ахмеду Яни, командующему операцией «17 августа» — так называется операция по взятию Паданга и Букиттинги, то есть главный и завершающий удар по мятежу на Суматре.

Спортивного вида человек лет тридцати пяти. Тонко очерченные линии спокойного лица. Под мышкой — небольшой пистолет в кожаной полукобуре на тонких лакированных ремешках. В руках — стек. Лицо полковника мне показалось знакомым.

— Вы не ошиблись,— сказал Яни.— Мы летели вместе с вами в Джакарту, от Рима. Помните, вы еще сидели с молоденьким индонезийцем?

Ну да, это был тот самый неразговорчивый человек, чьи «политические взгляды» так и не смог выяснить Анди!

Полковник рассмеялся:

— Мы возвращались тогда с важной миссией. Поэтому пришлось быть сдержанным.

Яни, видимо, не привык терять времени даром, поэтому сразу приступил к делу.

— Паданг мы заняли часов в пять — шесть вечера,— начал он рассказывать.— Перед нашей высадкой — она проходила с моря и с воздуха — Хусейн хвастал здесь на митинге: «Если я отдам хотя бы один сантиметр этой земли — можете меня убить!» Но, видимо, никто не мог откликнуться на его предложение, так как он улепетнул заранее.

Вступление наших войск было настолько стремительным, что жители, которых мои солдаты встречали на улицах, переспрашивали: «Вы действительно из Джакарты?!»

Они задавали этот вопрос еще и потому, что пропаганда мятежников распускала тут о нас самые невероятные слухи: они, мол, будут убивать, зверствовать, запретят религию и так далее. Вообще-то говоря, пропаганда заговорщиков была поставлена неплохо и довольно ловко все это время раздувала остатки розни, которая когда-то существовала между населением Суматры и Явы.

Мятежники бежали из города без сколько-нибудь значительного сопротивления, потеряв довольно много людей пленными. Среди них есть и крупные офицеры. Вы можете поговорить с ними, например, завтра.

Однако Хусейн оставил вокруг города около четырех рот великолепно вооруженных солдат. Они должны совершать налеты на пригородных дорогах, вносить беспокойство и беспорядок в жизнь Паданга. Командует этими ротами майор Заффаи. Час тому назад они напали на машину, которая шла с аэродрома в Паданг, и убили одного из моих офицеров — капитана. Вон его машина...

— Эти четыре роты могут доставить вам много неприятностей,— сказал я.— Ведь кругом джунгли.

— Могли бы,— уточнил полковник.— Если бы не произошло одно событие, которое оставит от этих четырехсот человек лишь одну четверть.

— Вы имеете в виду военную операцию?

— Завтра сами все увидите,— многозначительно пообещал полковник.— Сейчас наши войска движутся по направлению к «столице» мятежников — Букиттинги. Продвижение идет довольно успешно. Противник решается давать бои только возле стратегически важных пунктов, при условии выгодности позиций для него — в ущельях, у дорожных мостов. Большинство мостов они взрывают — это, собственно, единственная причина, которая замедляет наше продвижение вперед. По имеющимся у меня данным, в Букиттинги началась эвакуация, а точнее говоря, бегство «революционного правительства». Господа «министры» разбегаются по деревням. Однако их военные руководители снова обещают, что «будут стоять насмерть», защищая «столицу». Посмотрим...

— Когда, господин полковник, можно ожидать освобождения Букиттинги?

— Это уже из области предсказаний,— засмеялся Яни.— Одно я могу обещать вам твердо: Букиттинги мы возьмем. Что же касается срока, то послезавтра я еду в передовые части. Может быть, после этого смогу ответить на ваш вопрос.

— Разрешите поехать с вами, полковник? — спросил я.

— Пожалуйста. Только с одним условием.— Яни сощурился.— Если вам в живот попадет пуля, дипломатического скандала не поднимать. Никакой моей ответственности. Согласны?

Я согласился, в глубине души надеясь, что причин для дипломатического скандала не возникнет.

История о «встрече»

Лицо капитана Зайнура несколько надменно. Неподвижные, ничего не выражающие глаза, голливудские усики, холеные руки с тонкими голубыми жилками. Вот только пальцы... Они подводят капитана, нарушают игру. Руки лежат на тюремной решетке, а пальцы мечутся по ней, наталкиваются на швы спайки, снова отскакивают, непроизвольно подрагивают, похожие на маленьких зверьков, непрестанно бегающих вдоль клети в зоопарке: туда-обратно, туда-обратно. Нет, видно, на душе у бывшего начальника гарнизона Паданга не совсем тишь да гладь.

— Почему вы присоединились к мятежникам? — спрашиваю его.

— Я солдат, выполнял приказ командира. В политику не вмешивался.

— Вы знали о конечных целях Лубиса, Хусейна и других?

— Нет, не знал.

— Вы знали о связях мятежников с иностранными державами, в частности с США и странами СЕАТО?

Пальцы ускоряют свой бег. Капитан Зайнур, как мне уже известно, организовывал получение вооружения, сбрасываемого с самолетов.

— Да... отчасти...— тянет он, потом находит выход: — Но оружие они сбрасывали сами, мы не ожидали.

— Чем же объяснить, капитан, что ваши офицеры и вы, в частности, знали дни и часы намечаемой выброски и высылали машины на аэродром к определенному времени?

Ответа нет.

— Спросите его об американских инструкторах,— шепчет мне капитан Муин, офицер армейской службы информации.

— Войска Паданга были разделены на две части: боевые и территориальные,— виляет Зайнур.— Я командовал территориальными. Поэтому к американским инструкторам отношения не имел.

Я задаю вопрос о мобилизации. Да, мобилизация проводилась с первых дней мятежа. Особенно среди студентов. Я спрашиваю о репрессиях. Да, репрессии были против тех, кто не подчинялся мятежникам или выступал против них...

— Что вы думаете о своей судьбе?

— Я ни в чем не виноват. Выполнял приказ. Меня, конечно, скоро выпустят...

Капитан Муин, приземистый, кругленький, увешанный фотоаппаратами, объясняет, что Зайнур, конечно, как начальник гарнизона, знает все. В городском масштабе он был фигурой номер 1. Но он, видно, еще надеется на победу мятежников и потому темнит.

— Иначе он мог бы рассказать вам довольно много интересного, например, историю о встрече самолетов,— добавляет Муин.

— Каких самолетов?

— Ну, каких точно самолетов, я не знаю.— Тут Муин дипломатично улыбнулся.— Об этом лучше спросить наших офицеров контрразведки. Но сама история эта такова.

Приблизительно за неделю до нашей высадки военное командование мятежников, в частности капитан Зайнур, как начальник гарнизона, приказало привести в негодность взлетно-посадочные площадки на аэродроме Паданга. Приказ был выполнен быстро и добросовестно.

И вдруг через два дня поступает новое распоряжение — срочно восстановить разрушенное. Согнали туда полторы тысячи человек — крестьян из ближних сел, студентов, пообещали крупные деньги и заставили работать день и ночь. Через двадцать шесть часов аэродром был готов к приему любых самолетов.

В первую же ночь высшие офицеры мятежников чуть ли не с цветами и знаменами выехали на машинах к летному полю: встречать самолеты из-за рубежа. Дело в том, что до сего времени у мятежников на Суматре не было аэропланов. Самолеты «одной иностранной державы» прилетали, сбрасывали вооружение и улетали обратно. На сей же раз мятежники должны были получить и сами машины. Они возлагали на это большие надежды.

Полковник Яни (слева) принимает донесение.

Но прошла ночь, настало утро — «птички» не появились. На следующую ночь снова выезжали все эти начальники, в том числе, возможно, и капитан Зайнур. И снова не пришли самолеты. Не знаю, что там изменилось в планах их зарубежных покровителей: может быть, решили, что все равно уже поздно — достанутся самолеты правительственным войскам, может быть, были другие причины, но только торжественной встречи не получилось. Знамена пришлось свернуть, а цветы выбросить. Но посадочные площадки они держали в порядке до последнего момента: вдруг свершится чудо и прилетят самолеты.

— Так и не прилетели? — спросил я.

— Прилетели в конце концов,— ответил Муин со смехом.— Только не иностранные, а наши, правительственные. Очень помогла на-

шим летчикам эта история с торжественной встречей.

Мне было известно еще раньше об интервью, данном «премьером» мятежников Шафруддином после падения Паданга. Он в Букиттинги жаловался иностранным журналистам на то, что «дружественные страны» не оказали мятежникам помощи самолетами, хотя, как он сказал, «революционное правительство» имело твердые заверения еще до своего провозглашения в том, что «некоторые» государства предоставят такую помощь. «Будь у нас хотя бы один самолет или два, дело, вероятно, приняло бы другой оборот»,— заявил тогда Шафруддин грустно.

дипломатических приемах в Джакарте?

Но как сказал бы капитан Муин, такой вопрос лучше задавать офицерам контрразведки.

Майор Заффаи теряет триста человек

Рано утром на другой день к отелю подкатил «газ» капитана Муина. Кругленький офицер армейской службы информации выглядел необычно взволнованным. Не говоря ни слова, он усадил нас — трех иностранных корреспондентов — в машину и сразу развил бешеную скорость.

Там, во дворе, три роты бывших мятежников.

Я рассказал об этом интервью капитану Муину. Он засмеялся и ничего не ответил.

Мы ехали с капитаном по улицам Паданга, постепенно принимавшим свой обычный оживленный вид. Открывались жалюзи на окнах, мылись стекла — город будто просыпался от долгого, мучительного сна. И среди этой обстановки пробуждения как-то особенно мрачно выглядело одно из зданий с закрытыми наглухо дверьми и покрытыми пылью окнами.

— А, это библиотека! — ответил капитан Муин на мой вопросительный взгляд.— Библиотека ЮСИС, американской службы информации.

Так вот оно, осиное гнездо, где проходило совещание «трех белых» с представителями мятежников. Вот где числился служащим некий господин Уолтер Джордж Росс! Вот где согласовывался вопрос о самолетах! В какие места занесло теперь эту троицу? Может быть, находится кто-нибудь из них в Букиттинги, может быть, сидит в Сингапуре в специальном бюро, созданном там командованием СЕАТО для помощи мятежникам. А может быть, преспокойно распивает апельсиновый сок на

— В чем дело, капитан?

— Главное — не опоздать, — произнес наш спутник, до отказа выжимая педаль акселератора.— Полковник Яни сейчас будет принимать те три роты мятежников, которые перешли на нашу сторону.

— Какие три роты?

— Из тех четырех, которые были оставлены Хусейном вокруг Паданга под командованием майора Заффаи. Помните, об этом говорил вам полковник. Триста человек перешли на нашу сторону с полной амуницией, транспортными средствами и вооружением — ах, каким вооружением! — Капитан закатил глаза, рискуя врезаться в первое же препятствие на дороге.

— Когда это случилось?

— Сегодня утром. А началось несколько дней назад. Они прислали к одному из наших офицеров парламентеров с письмом для полковника Яни. Мол, так и так, мы поняли, что цели Хусейна направлены против интересов индонезийского народа, и решили перейти на сторону правительственных войск. Понимаете, не сдаться, а присоединиться!

В джунглях состоялась встреча представителя полковника Яни с одним из офицеров бывших мятежников. Там было все договорено о порядке сдачи... то есть присоединения. Сегодня утром все триста человек прибыли на окраину города и расположились вон там, видите? В казарменном дворе...

Мы стремительно въехали на большой квадратный пустырь, окруженный низкими барачными постройками под черепицей. Вдоль зданий двумя шеренгами стояли солдаты, еще сегодня ночью числившиеся в рядах мятежников. Лица их взволнованны и напряженны. Солдат правительственных войск почти нет: всего человек десять — двенадцать. Они стоят на дороге за воротами и преграждают путь любопытствующим горожанам.

Я подхожу к одному из офицеров-мятежников с блокнотом. Он отрицательно качает головой. Я хочу сделать снимок, он машет руками и ведет меня к капитану Муину. Капитан долго с ним объясняется, затем оборачивается ко мне.

— Он просит вас удалиться с территории двора. Солдаты боятся фотографироваться: это может принести неприятности их семьям, которые до сих пор находятся на территории мятежников.

Трем корреспондентам приходится подчиниться, и мы оказываемся за воротами. В этот момент раздается команда. Солдаты тщательно выстраиваются, все смотрят в одну сторону. Появляется полковник Яни. Как обычно, со стеком, но без своего маленького пистолета. За полковником следуют пять — шесть офицеров — и все. Охраны никакой.

Яни медленно обходит солдат, здоровается. Те отвечают вразнобой. На солнце блестит новенькое оружие бывших мятежников: карабины, автоматы, пулеметы, легкие противотанковые пушки, базуки.

Я вижу, как напряжены те несколько солдат правительственных войск, которые стоят возле меня. Они не отрываясь смотрят на то, что происходит во дворе: а что, если это присоединение ловко задуманная мятежниками провокация, чтобы одним махом уничтожить все командование и взорвать Паданг изнутри?

Яни произносит короткую речь. Он приветствует решение солдат и офицеров, перешедших на сторону правительственных войск. Он доверяет им и поэтому оставляет при них все оружие. Мобилизованные студенты и крестьяне могут вернуться по домам, продолжать учебу и работу. Кадровые солдаты и офицеры должны быть готовы присоединиться к регулярным войскам и драться против остатков мятежников.

Яни пожимает руки бывшим офицерам армии Хусейна. Раздаются аплодисменты. Это хлопает в ладоши толстенький капитан Муин — он дает понять, что я могу фотографировать со своих исходных рубежей: лиц все равно не разберешь.

После церемонии я спрашиваю у полковника Яни, не рискованно ли оставлять великолепное вооружение в руках трехсот солдат и офицеров, которые только вчера были его врагами? Ведь это может быть провокацией. Таких примеров в свое время было сколько угодно, например, в Испании. Яни усмехается:

— Рискованно? Конечно, рискованно! Что ж делать, на то и война. Но посудите сами, какая огромная политическая выгода от этого. Ведь обо всем завтра же будет известно солдатам мятежников. Это послужит им примером. Кроме того, у нас есть данные, что эти не провокаторы.

— Но они ведь убили вашего капитана в машине!

— Нет, не они. Другая группа, оставшаяся еще под командованием майора Заффаи. Вы слышали стрельбу и взрывы мин прошлой ночью? Это майор Заффаи со своей последней ротой хотел силой заставить вот этих солдат и офицеров изменить свое решение. Но песенка мятежников спета. Скоро конец их «столице».

Кстати, — добавляет полковник.— Собирайтесь. Через тридцать минут я еду в том направлении...

Снова о гарантиях без гарантий

«Гарантия без гарантии» — так назывался репортаж, опубликованный в № 10 журнала «Огонек». Речь шла о качестве стиральных машин, пылесосов, электробритв — всех тех машин и аппаратов, которые облегчают быт советского человека.

В редакцию поступили сообщения от Ленинградского и Тульского совнархозов о принятых мерах.

Из Ленинградского совнархоза пишут, что сейчас ведутся работы по дальнейшему улучшению электробритв. В частности, в 1958 году будут выпускаться трехножевые электробритвы более высокого качества. Материал, опубликованный в журнале, обсуждался в цехах завода, где изготовляются детали и ведется сборка радиограммофона «Юбилейный РГ-3». Изменена конструкция ряда деталей, что должно улучшить качество радиограммофона.

Вызывает удивление ответ, полученный от поставщиков стиральных машин «Тула». Они пытаются защитить «честь мундира». В журнале сообщалось о конкретном факте: семье Ложкомоевых продали явно негодную машину. К Ложкомоевым спешно высылают представителя и устанавливают: «Указанная машина в результате небрежной кантовки на приемо-сдаточных пунктах торговых точек получила погнутость ротора электродвигателя, что и привело к отказу в работе его».

Виноваты, оказывается, только «торговые точки». А нам казалось, что поставщики «Тулы» сделают другой вывод из выступления журнала. Ведь Московская мастерская гарантийного ремонта за один лишь месяц получила 96 заявок на ремонт стиральных машин «Тула». Мастера, ремонтирующие «Тулу», в один голос утверждают, что она сделана небрежно: моторы быстро перегорают, крыльчатки насоса ломаются, валки для отжимания белья плохо отрегулированы.

Куда менее пространное и более правильное письмо прислал нам Тульский совнархоз: да, надо принимать меры, и они будут приняты. По указанию совнархоза эти меры разработаны, и надо надеяться, что жалобы покупателей на стиральные машины скоро прекратятся.

Выступление журнала вызвало много откликов читателей. Мы публикуем некоторые из этих писем. В частности, одно из них касается злополучной стиральной машины «Тула».

Итак, читатели предъявляют счет заводам, выпускающим:

пылесос „Нерис"

Купили мы пылесос «Нерис» завода «Электротехширпотреб» (Вильнюс). Только включили его в сеть и начали убирать комнату, как выбыла из строя щетка для чистки ковров. Она буквально разлетелась на части, так как на винты вместо гаек были надеты какие-то деревянные шарики без резьбы. Такой же шарик и на выключателе мотора. Он тоже слетел и потерялся. Следом за щеткой испортился распылитель жидкости. Что делать? Везти в мастерскую гарантийного ремонта вроде не с чем: мотор работает, воздух засасывает... Вот и стоит наш пылесос, лишь загромождая квартиру.

По-моему, мастерские гарантийного ремонта превратились в ширму, за которой прячутся бракоделы, люди, которые нечестно относятся к своим обязанностям, не борются за честь марки своего завода.

Москва.

П. СЕМЕНЮК

электропривод к швейной машине

Немногим более года назад моя жена купила в магазине № 97 Ленкультторга швейную машину класса «1-А» Подольского механического завода с обязательным приложением к ней — электроприводом типа «ДШС-1» томского завода. В магазине опробовали работу только швейной машины, а электропривод дали запакованным в коробке. Опробовать его не было времени: очередь за машинами большая.

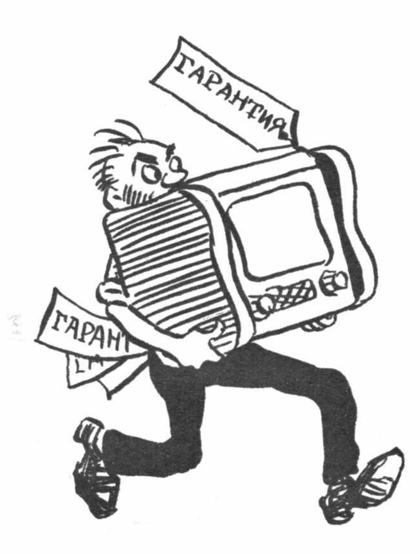
Соединив дома отдельные части электропривода и присоединив его к швейной машине, включили в сеть. Но машина не стала шить, а электродвигатель — вращаться.

В тот же день понесли электропривод обратно в магазин. Но там отказались заменить его на исправный, а дали адрес мастерской гарантийного ремонта, которая находится на противоположном конце Ленинграда.

Мне, ленинградцу, было больно читать в «Огоньке», что в моем городе выпускаются недоброкачественные бытовые электроприборы и машины. Ведь ленинградские предприятия строят атомный ледокол, принимали участие в создании синхрофазотрона и искусственных спутников. А вот предметы широкого потребления делают с «гарантийным ремонтом».

Ленинград.

В. МИХАЙЛОВСКИЙ

стиральную машину „Тула"

В конце прошлого года я купила стиральную машину «Тула», но за все время я стирала только три раза. Почему? Да потому, что в машине оказался ряд дефектов. Плохо работают насос, валики, отжимать белье приходится вручную.

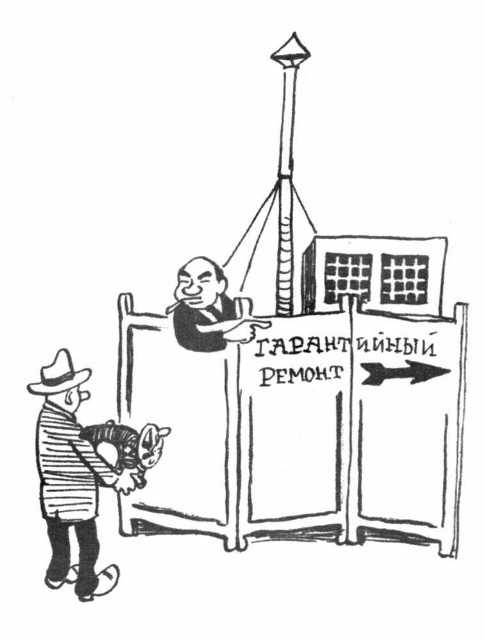
Начались муки с гарантийным ремонтом. Мастерская, где ремонтируют машины «Тула», отказалась прислать мастера: «За пределы Ленинграда мы не выезжаем». А я живу в Кронштадте. Пришел специалист из мастерской, где ремонтируют машины «Рига». Он заявил, что это конструкторский брак и что браковать нужно целую серию, а это уже не его компетенция.

Мастер (его фамилия—Стутенмайстер) получил деньги за проезд и уехал. Позже я узнала, что он составил акт о пригодности машины к стирке. Да, она стирает, это верно, но воду не выкачивает и плохо отжимает. Я пожаловалась в Ленинградское управление торговли, но безрезультатно.

И вот стоит на кухне белый ящик с надписью «Тула», стоит, занимая лишь место. Время идет, скоро гарантийный срок истечет, а я все жду, когда мне обменяют машину.

Кронштадт.

Л. КАРМАЗИНОВА

фотоаппарат „Смена-2"

Год назад мы с женой подарили своему сыну Косте фотоаппарат «Смена-2». После того как было отснято несколько пленок, отказали затвор и автоспуск. Починить аппарат в районном центре негде. Не выручила и поездка во Владимир. Мастерских по ремонту фотоаппаратов не имеется и там. Пришлось воспользоваться рекомендованным списком мастерских гарантийного ремонта и послать фотоаппарат в Москву. Долго ждали ответа. И вот наконец нам вернули нашу посылку нераспечатанной. Люди, призванные ремонтировать аппараты, отказались даже получить ее на почте.

В будущем году сын окончит десятилетку. Поистине встанешь в тупик: чем отметить такое событие, что подарить на память?

Село Ставрово, Владимирской области.

А. ТЮРИН

ОТ РЕДАКЦИИ. О подобном же случае рассказывается и в письме жителя Ангарска А. А. Аникина. Еще в ноябре 1957 года он сдал в магазин фотоаппарат «Зоркий-С» № 56021556, в котором был обнаружен брак по вине завода. Но до сих пор он не получил ни ответа, ни денег, ни фотоаппарата. Мы пользуемся случаем и спрашиваем руководителей завода, выпускающего фотоаппарат «Зоркий»: что делать товарищу Аникину?

швейные машины

Много лет я мечтала купить швейную машину. И вот наконец мечта сбылась: я стала обладательницей швейной машины класса «1-М» Подольского завода. То-то было радости! Но лучше бы я не покупала машину. Так сладко мечталось, и так горько получилось! Машина красивая, но... рвет нитки, при движении колеса гайки произвольно откручиваются, иголки тоньше №№ 110 и 120 не держатся. Подольский завод гарантирует исправную работу машины в течение шести месяцев со дня покупки, конечно, при условии правильной эксплуатации ее. Но такую машину, как моя, эксплуатировать нельзя. Ее надо прежде отремонтировать. И вот возникает вопрос: где ремонтировать? Ближайшая от нас мастерская находится в Киеве. Писала я на завод главному инженеру, вложила в конверт пару лоскутов со строчкой, но с завода, как говорится, «ни слуху, ни духу». А гарантийный срок истекает.

Станция Погребище, Винницкая область.

М. САДОВСКАЯ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Канадцы с большим интересом знакомились с «ТУ-104А».

Крылатый гость

Недавно в канадском городе Ванкувере состоялась Международная авиационная выставка, посвященная столетию Британской Колумбии. Туда прилетал и советский самолет «ТУ-104А». Командир перелета заместитель начальника Московского управления транспортной авиации И. И. Фролов в беседе с нашим корреспондентом рассказал:

— В Ванкувер мы прилетели поздно вечером. Тем не менее встречать советский самолет собралось много людей. На перроне аэровокзала нас радушно приветствовали мэр Ванкувера мистер Хьюм и представители общества канадо-советской дружбы.

Много внимания «ТУ-104А» уделила пресса, называя его «крылатым гостем из СССР».

Группа посетителей выставки совершила полет на «ТУ-104А». Покидая самолет, один из пассажиров сказал:

— Некоторые канадские газеты писали о России как о стране сельскохозяйственной, отсталой в техническом отношении. Теперь мы видим, что вы умеете строить самолеты лучше, чем американцы и англичане.

«ТУ-104А», как наиболее совершенный пассажирский реактивный самолет, был удостоен особой чести — участвовать в инсценировке, посвященной прогрессу авиации. Рядом с нашим гигантским воздушным кораблем был установлен самолет — точная копия одного из первых самолетов, сконструированных братьями Райт. Глядя на эти две машины, нельзя было не улыбнуться. В заключение инсценировки две лошадки привезли повозку с бочкой бензина, и джентльмены, одетые в костюмы начала XX столетия, черпая бензин ведрами, стали заправлять райтовский самолет.

В Ванкувере мы встретили летчиков которые хорошо помнят своих русских товарищей по оружию. В годы войны ванкуверский аэродром был своеобразной перевалочной базой: отсюда направлялись боевые самолеты из США для Советской Армии. Американцы гнали самолеты до Ванкувера, а здесь на них пересаживались советские летчики.

Мы беседовали с командиром «Боинг-707» капитаном Джонсоном. С большой теплотой вспоминал он советских авиаторов, с которыми встречался во время второй мировой войны. Капитан подробно расспрашивал меня об известном советском летчике Супруне, с которым его связывала боевая дружба.

Мы покидали ванкуверский аэродром, глубоко признательные канадцам за радушную встречу.

Новый комбайн

К уборочной страде Таганрогский завод имени Сталина приготовил хороший подарок хлеборобам: новый комбайн «СК-3».

Конструкция этого самоходного комбайна намного облегчит работу комбайнера, который вполне справится один на своей машине. А помощниками его будут звуковая и световая сигнализация.

Заполнится бункер зерном — и на щитке загорится лампочка. Сигнал предупредит комбайнера и о том, что забился шнек, и о том, что надо выгружать копнитель. Производительность «СК-3» в полтора раза больше производительности его предшественника — комбайна «С-4».

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Р. Лихач.

ТВЕРДЫЙ БЕНЗИН

...Перед нами белые, серые, желтоватые куски и глыбы, похожие не то на лед, не то на белый кирпич. Их можно резать ножом, ломать.

— Что это?

— Бензин! А вот нефть...

А все вместе — это осуществленная мечта профессора Бориса Ивановича Лосева, руководителя лаборатории Института горючих ископаемых Академии наук СССР. Куски и глыбы — жидкости, которые можно хранить, перевозить, как дрова. Больше того, вряд ли дрова сохранятся при температуре в 100 градусов, а твердый бензин переносит и такой жар. Намокшие дрова не горят, а твердый бензин можно держать в воде без ущерба для его качеств.

Отломив от глыбы кусочек бензина, Борис Иванович подносит к нему спичку. И сразу возникает бездымное пламя. На нем быстро скипятят воду, приготовят еду охотники, геологи, полярники. «Сухой спирт», которым обычно пользуются, дает почти в пятнадцать раз меньше тепла, не говоря уже о неприятном запахе и высокой цене.

Восторженный отзыв о твердом бензине дали полярники антарктической станции «Восток-1». И вот, отправляясь в очередной рейс с продуктами и оборудованием для антарктических баз, «Кооперация» загрузила трюм твердым бензином. Конечно, такое количество понадобилось не только для кухни. Твердый бензин легко вернуть в жидкое состояние, и тогда он будет приводить в движение двигатели вездеходов, судов. В небольшую машинку, вроде мясорубки, кладут твердые куски, а с другого конца вместо фарша... льется бензин.

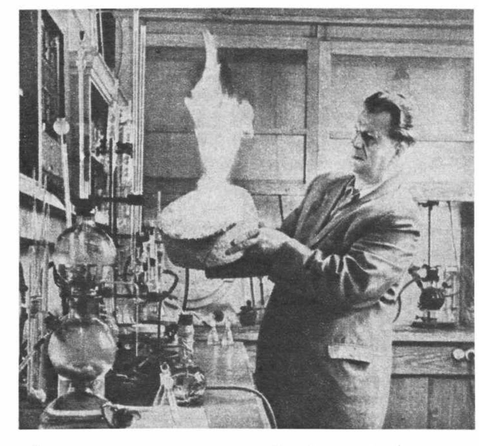
Что же такое твердый, или пакетированный, бензин?

Вспомните густую мыльную пену, которую вы видели в корыте прачки. Теперь мысленно замените воздушные пузырьки микроскопическими капельками бензина, а мыльную воду — пластмассой. Таков и бензиновый камень профессора Лосева.

При пакетировании — так называется процесс превращения жидкостей в твердое тело — жидкости претерпевают чудесные превращения. Рыбий жир, касторка и другие медикаменты теряют свой противный вкус и запах. Жидкости, капли которых взрываются от удара, падая на пол, становятся безопасными в обращении, не теряя способности взрываться, когда это нужно.

Трудно охватить мыслью все отрасли народного хозяйства и все стороны быта, где пакетирование жидкостей окажет неоценимые услуги. К сожалению, в промышленном масштабе вырабатываются только твердые нефтепродукты, и то лишь на одном предприятии. А надо было бы больше выпускать твердых жидкостей! В десятки, сотни раз больше!

Ю. ПЕТРОВСКИЙ

— Вот как горит твердый бензин! — говорит профессор Б. И. Лосев.

Фото Ф. Короткевича.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОБРЫХ ВЕСТЕЙ

В редакцию «Огонька» обратилась читательница Ольга Александровна Герасимова с просьбой рассказать в журнале о 324-й московской школе, о связях, которые поддерживают ее педагоги со своими питомцами.

И вот мы в школе. Знакомимся с живущей по соседству восьмидесятивосьмилетней Любовью Орестовной Вяземской. В свое время она, воспитанница Кембриджского университета, выхлопотала в царском министерстве просвещения 6 тысяч рублей и много трудов положила на то, чтобы открыть здесь женскую гимназию.

И по сей день доктор педагогических наук Л. О. Вяземская дружит со школьниками.

С 1931 года директором школы работает опытный педагог Михаил Иванович Горбунов. Мы сидим в его кабинете, просматриваем многочисленные альбомы, распухшие от писем папки, и перед нами раскрываются судьбы молодых людей. Сколько здесь разных характеров, даже если судить по коротким записям, сделанным в альбомах!

Гриша Браверман пишет: «Михаил Иванович, вам, должно быть, трудно было со мной... Но вы сумели преодолеть мою младенческую глупость и сделали много, чтобы я стал действительно полноценным членом коллектива».

«Большое, большое спасибо вам, дорогой Михаил Иванович! — пишет Женя Лебедева.— По домашним обстоятельствам я была принуждена бросить школу, но вы все-таки помогли мне ее окончить».

Попадаются и такие шутливые слова: «Была в школе некая девица, выделявшаяся ростом и плаксивостью. Каюсь, эта девица я, Ира Верхоустинская».

Давно уже покинул стены 324-й В. Морозов, но не забывает он свою школу. В письме, присланном через 10 лет после ее окончания, Морозов пишет: «Вот уже который год я тружусь на Крайнем Севере. Пурга, морозы, метели и другие красоты Севера, как это называют художники и писатели, ни на минуту не останавливают трудовую жизнь... Страшно жалею, что за 10 лет не представился случай побывать у нас в школе. Очень, очень хочется! В этом году думаю быть в Москве и обязательно зайду в школу. Хочется поклониться ее четырем этажам, классам...»

Около 2 тысяч писем от воспитанников школы, от их родителей хранится у М. И. Горбунова. Есть здесь письма и от незнакомых Михаилу Ивановичу педагогов.

«Радуемся вашим достижениям, той любви к школе, которую вы и ваши коллеги привили учащимся,— пишут преподаватели средней школы из Кокчетавской области.— Просим переписываться с нами и делиться опытом».

Пока мы просматривали письма, почтальон принес М. И. Горбунову телеграмму. «Доехали благополучно устроились прекрасно все здоровы», — телеграфируют своему заботливому директору учащиеся восьмых классов, которые выехали на сельскохозяйственную практику в Полтавскую область.

Каждый год 29 декабря в школе традиционная встреча воспитанников. И сколько писем, телеграмм приходит в этот день издалека! Вот некоторые из них: «Шлю антарктический привет с теплохода «Кооперация». Богословский», «Возвращаюсь из экспедиции на Таймыр. Инженер-астроном Черневский». Хранит директор и такую телеграмму: «Сердечно поздравляем Любовь Орестовну Вяземскую и Михаила Ивановича Горбунова с пятидесятилетием школы. Бывшие ученицы выпуска 1914 года Евгения Ларченко, Ксения Дмитриевская».

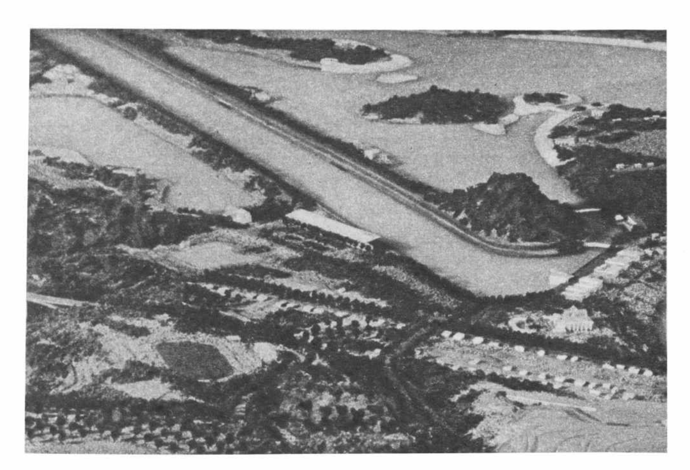
Много забот у Михаила Ивановича. Но среди больших и малых дел он всегда находит время, чтобы написать письма своим воспитанникам.

П. КОРЖ

Л. О. Вяземская и М. И. Горбунов.

Фото Г. Санько.

Макет Гребного канала.

ЗОНЫ ОТДЫХА

Москву окружает огромный, в полтораста тысяч гектаров, лесопарковый пояс. Здесь в ближайшие годы будут созданы крупные зоны отдыха. Первая из них возникнет в западной части лесопаркового пояса, куда войдут такие места, как Серебряный бор, Татарово, Крылатское.

В Институте генерального плана нам рассказали, что разрабатываемый проект включает лесопарки, парки и для отдыха и для спорта.

Будут созданы однодневные пансионаты и гостиницы на несколько тысяч человек, многочисленные станции: велосипедные, плавательные, гребные, водомоторные, рыболовные, тиры, прекрасно оборудованный стадион с трибунами на 10 тысяч зрителей. Кроме того — эстрады, кино, рестораны, кафе, закусочные.

Но едва ли не главной достопримечательностью зоны явится Гребной канал. Потребность в нем ощущается уже давно. Дело в том, что в Москве до сих пор нет первоклассного водоема, отвечающего всем требованиям международных соревнований по гребле. Такой водоем и сооруДят в Татаровской пойме. Его длина —2 300, ширина —115 и глубина — не менее 3 метров.

У финиша будут трибуны, на которых разместятся 10 тысяч зрителей.

— Когда начнутся работы по созданию Западной зоны отдыха? — спросили мы в Архитектурно-планировочном управлении.

— Проект уже частично реализуется. Так, в Серебряном бору гидромеханизаторы ликвидировали болота на площади более ста гектаров. Восстановлены некоторые красивейшие озера, впятеро расширен и соединен с Москвой-рекой залив Бездонки. Расчищены существующие и сделаны новые водосливы. По берегам реки и озер протянулись великолепные пляжи, привлекающие москвичей. Но основные работы, конечно, впереди. Предстоит возвести десятки строений.

Б. ВЛАДИМИРОВ

Чешская опера в Новосибирске

Новосибирский театр оперы и балета впервые в Советском Союзе поставил оперу чешского композитора Леоша Яначека «Ее падчерица», рассказывающую о жизни моравских крестьян.

В работе над спектаклем «Ее падчерица» большую помощь оказал Пражский национальный театр. Оттуда были присланы ноты, грамзапись оперы, фотографии чешских постановок. Главный дирижер Пражского театра Зденек Халабала помог театру в переводе текста на русский язык. Лауреат Государственной премии Йожеф Свобода руководил изготовлением декораций и оформил спектакль новосибирцев. Главные партии исполняют ведущие артисты.

Балетная труппа театра, в этом году много гастролировавшая в Китае, сейчас ставит первый китайский балет композитора Чжан Сяо-ху «Волшебный фонарь».

И. СЕМЕНОВА

Главный художник Пражского национального театра Йожеф Свобода и постановщик спектакля Л. Михайлов работают над оформлением спектакля «Ее падчерица».

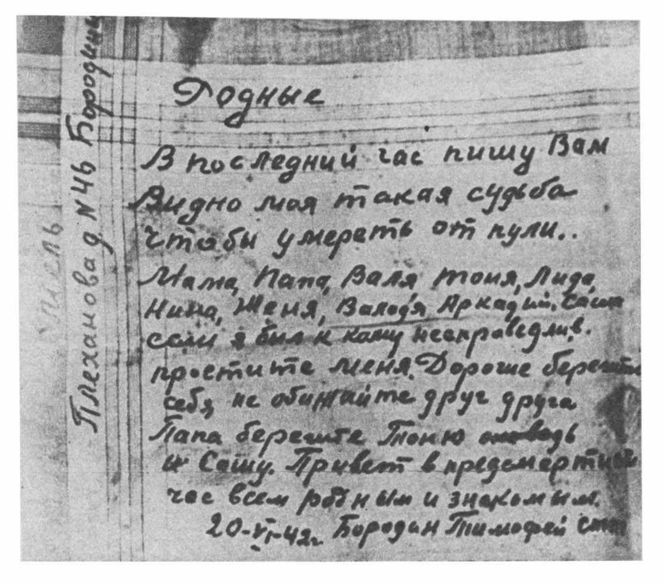
Фото Б. Царенко.

ПИСЬМО ИЗ ФАШИСТСКОГО ЗАСТЕНКА

Это письмо написано химическим карандашом на окровавленном носовом платке. Человек, написавший его, лежал в камере фашистского застенка, замученный палачами.

Вот содержание его письма: «Родные, в последний час пишу вам. Видно, моя такая судьба, чтобы умереть от пули. Мама, папа, Валя, Тоня, Лида, Нина, Женя, Володя, Аркадий, Саша, если я был к кому несправедлив, простите меня. Дорогие, берегите себя, не обижайте друг друга. Папа, берегите Тоню и Сашу. Привет в предсмертный час всем родным и знакомым. 20. VI. 42 г. БОРОДИН Тимофей Степ.»

Кто же такой Тимофей Бородин? При каких обстоятельствах он погиб?

Плеханова д №46 Бородину

Родные

В последний час пишу Вам
Видно моя такая судьба
чтобы умереть от пули..
Мама, Папа, Валя, Тоня, Лида,
Нина, Женя, Володя Аркадий, Саша
если я был к кому несправедлив.
простите меня. Дороше берегите
себя не обижайте друг друга
Папа берегите Тоню и Сашу. Привет в предсмертный
час всем родным и знакомым.
20-VI-42г. Бородин Тимофей Степ

В одну из темных сентябрьских ночей 1941 года в захваченном фашистами Гомеле взлетела на воздух столовая, полная пьяных гитлеровцев. Руководил этой смелой операцией молодой коммунист Тимофей Бородин.

В конце 1941 и в начале 1942 года Бородину вместе с группой подпольщиков, в которую входил лейтенант Советской Армии Иван Шилов, удалось совершить в Гомеле несколько смелых диверсий. Первой и наиболее значительной был взрыв в столовой, где обедали фашисты. В другой раз была взорвана мастерская по ремонту танков, оборудованная на одном из гомельских предприятий.

На очереди был взрыв Гомельской электростанции. Но осуществить этот план Бородину и Шилову не удалось. Предатель выдал партизан.

Гитлеровцы пытали патриотов, потом вывезли их за город и расстреляли. Письмо на платочке, последняя весточка из застенка, было передано кем-то матери Тимофея Бородина Марии Александровне. Недавно она подарила этот документ областному краеведческому музею.

Г. РОЗИНСКИЙ

Верните славу орской яшме!

Во время пребывания в Советском Союзе премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и его дочь Индира Ганди посетили Уральский геологический музей. Времени у них было немного, они торопились и, разумеется, не могли осмотреть всех сокровищ музея. Но возле коллекции русских самоцветов они задержались.

— Пожалуйста, объясните, из какого драгоценного камня сделана эта пепельница? — спросила Индира Ганди у директора музея.

— Из орской яшмы.

— О! Много у вас этой яшмы?

— Много. Целые горы.

Индира Ганди о чем-то поговорила с отцом, улыбнулась и вновь обратилась к директору:

— Не будете ли вы любезны, не продадите ли мне такую пепельницу?

Директор тоже улыбнулся и сказал:

— Пожалуйста, примите от Геологического музея этот скромный подарок...

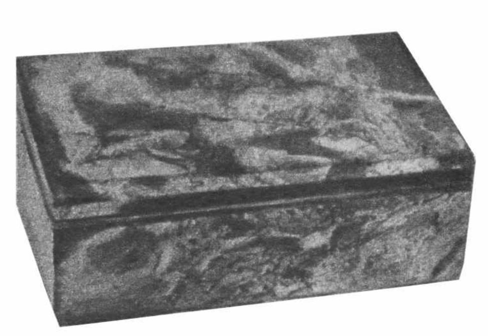
Так небольшая пепельница из орской яшмы попала в далекую Индию, в которой и своих чудес довольно.

Орскую яшму можно назвать по праву всемирно известной. Всюду она вызывает восхищение своей редкостной красотой, обилием оттенков. Чего только не делают из яшмы! Русские умельцы, работавшие в Петергофе, создавали из яшмы мелкие изделия и большие вазы. Эти произведения искусства своей красотой и изяществом превосходили произведения мастеров Флоренции и Милана. Из этого камня искусными руками ленинградских камнерезов изготовлена уникальная карта «Индустрия СССР». Почти каждая станция московского метрополитена украшена элементами орской яшмы. Из нее делают украшения, предметы домашнего обихода, корпуса для настольных часов, она необходима и для научно-исследовательских лабораторий.

Но увы! Не везде орская яшма пользуется заслуженным почетом и вниманием. На ее родине, в Орске, драгоценную яшму считают чем-то вроде бутового камня.

Предприятий, которые бы занимались изготовлением из яшмы замечательных вещей, здесь, в Орске, нет. Правда, была когда-то артель «Художественные изделия из яшмы», но она быстро захирела.

Яшмой занялась другая артель. Называлась она «Металлист». «Коньком» этой артели были замки к хлевам и сараям, скобяные изделия, и на яшму руководители внимания не обращали. Так постепенно о драгоценной яшме в Орске забыли. Но нет! Не все забыли. О ней вспомнили на Мясокомбинате.

Шкатулка из яшмы.

Пищевики решили замостить дорогу Мясокомбинат — Старый город. Для мощения нужен камень. Вокруг комбината — горы камня: бута, диорита, известняка. Дорогу можно было асфальтировать, как это сделали орские нефтепереработчики. Камень, асфальт... «Нет уж, мы удивим весь город!» — решили на Мясокомбинате. И вскоре на строительство шоссе одна за другой помчались машины, доверху груженные... яшмой. Никому и в голову не пришло одернуть любителей благоглупостей: яшмой выстелили весь большак на протяжении двух километров.

Сколько же драгоценных вещей было втоптано в грунт, в дорожную пыль на этой «уникальной» магистрали!

Живут в Орске замечательные мастера яшменного дела. Руки камнерезов тоскуют по инструменту, по любимому делу.

— Хорошо бы Оренбургскому совнархозу подумать о яшме, — мечтают Виктор Андреевич Татауров и Дмитрий Ефимович Тонких, старые знатоки яшмы.— Мастеров-то не так много понадобится: камнерез и ювелир. Остальные — ученики. А мастерскую можно организовать на базе ширпотреба Орского Южуралмашзавода...

И они правы. Орской яшме надо вернуть ее заслуженную славу.

Вик. МОЖАРОВ

Орск.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

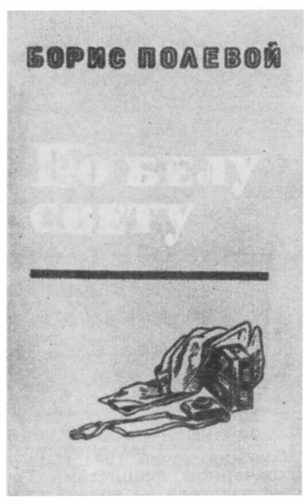
Увлекательное путешествие

Если не каждый решится пересечь океан на плоту, то вряд ли найдешь в наше время человека, который не мечтал бы совершить кругосветное путешествие хотя бы на комфортабельном теплоходе... И книг о путешествиях в последние годы становится у нас все больше и больше. Но, что греха таить, не все они дают читателю то, чего он ждет. Создался уже некий штамп «путевого очерка», который, как всякий штамп в литературе, способен загубить любовь даже к этому популярному еще со времен «Одиссеи» роду словесности. Но вот вы раскроете объемистый голубой томик с традиционным изображением туристского чемодана и фотоаппарата и с не таким уж новым заглавием — «По белу свету». Поверьте, вам не легко будет оторваться от чтения, ибо... ибо кто из нас не любит путешествовать?!

С первых же страниц вы попадаете в веселый коллектив советских туристов и каждую минуту узнаете что-то новое, знакомитесь с интересными людьми, видите города, памятники культуры. Богатое воображение и жизненный опыт автора стали вашим воображением и вашим опытом.

Добрый талант Бориса Полевого поможет вам ощутить живое тепло встреч, которое испытывают советские люди за границей, и отыскать в каждом городе замечательных людей-тружеников. Благодаря зоркому глазу писателя вы увидите новое, неожиданное даже в таких вещах, о которых, казалось бы, раньше читали сотни раз.

Борис Полевой. По белу свету. Дневники путешествий. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 571 стр.

Избранная автором свободная форма дневника позволяет ему легко переходить от описаний виденного к лирическим воспоминаниям или к публицистическим отступлениям, отчего повествование становится живее, картины — разнообразнее, и, кроме того, вы знакомитесь не только с тем, что автор видел и пережил, но с его взглядами на искусство и литературу и даже с некоторыми чертами его биографии. Каждая запись в дневнике имеет свой незаметный, на первый взгляд, сюжет, и это создает возрастающее от записи к записи напряжение.

Путешествие ваше длится недолго: меньше месяца на теплоходе «Победа» и чуть больше месяца — по Китаю. Но каждый день так насыщен событиями и так реально вы ощущаете все, о чем рассказывает автор,— свежий запах моря или шумы большого города, красоту солнечного заката или тепло дружеских рукопожатий,— что кажется, будто вы путешествовали чуть не целый год.

Много, очень много интересного и поучительного можно почерпнуть из этой книги. И мелкие недостатки — иногда не в меру затянутые фразы или небрежности языка — с лихвой искупаются главным достоинством книги: содержание ее — сама жизнь. Поэтому к книге уместно отнести слова, сказанные автором о произведениях искусства: «Ведь пригоршня родниковой воды, почерпнутая из какого-нибудь спрятавшегося в лесных чащах ключика, воды не очень прозрачной, в которой другой раз и соринки плавают, куда вкуснее, чем стакан воды дистиллированной, химически абсолютно чистой, которую и пить противно».

А. ВАРШАВСКИЙ

Благородная поэзия

Сейчас, когда идеи мира и братства народов приобретают все большее значение, стихи Исикавы Такубоку, знаменитого японского поэта, умершего в 1912 году, звучат как стихи нашего современника.

Они отвечают лучшим чаяниям японского народа и служат сближению и взаимопониманию между нашими странами. Друг русского народа и его революционной демократии, сочувственно относившийся к идеям коммунизма, Такубоку мужественно отстаивал свои убеждения даже в разгар японского шовинизма во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Узнав о гибели адмирала Макарова, он говорит в оде, посвященной его памяти:

И я, поэт, в Японии рожденный,
В стране твоих врагов, на дальнем берегу,
Я, горестною вестью потрясенный,
Сдержать порыва скорби не могу,—

и призывает: «Вы, духи распри, до земли склонитесь!».

В 1905 году он стремится в Россию:

Кто посмеет меня упрекнуть,
Если я поеду в Россию,
Чтобы вместе с восставшими биться...

Он так любил русский народ, что даже дочку свою назвал русским именем Соня.

В его произведениях мы встречаем имена Бакунина, Тургенева и Бородина, а из биографии его узнаем, что, будучи преподавателем в сельской школе, он знакомил своих учеников с Львом Толстым и Горьким, хотя это вызывало нарекания начальства и неприятности.

Исикава Такубоку. Стихи. Гослитиздат. Москва. 1957. 279 стр.

Исикава Такубоку.

Выходец из народа, он никогда не терял с ним связи; тоска по родной деревне и любовь к ней напоминают есенинскую:

Что б ни случилось со мной,
Я не забуду тебя,
Деревня, моя, Сибутами!

А японская деревня в то время катастрофически нищала: крестьяне, особенно молодежь, бежали в города. Поэт горестно отмечает этот процесс. Ему и самому пришлось перебраться в город, но и там он не смог выбиться из нужды, даже получив широкую известность.

И все же он верил в счастливое будущее японских детей:

Когда на чужбине
Я встречу детей
С моей родной стороны,
То нет на свете печали такой,
Чтоб радость мою победить!

Но Такубоку по самому складу своего характера не мог пассивно ожидать этого будущего. Естественно его сближение с рабочими революционными кружками. К социализму он пришел через увлечение анархизмом и лишь в последние годы жизни понял идеи классовой борьбы и значение рабочего класса.

В стихотворении «Надгробная надпись» он создал величавый образ простого рабочего:

Его широкий лоб,
Его могучие, как молот, руки,
Его прямой, бесстрашный взгляд,
Ни жизни не боявшийся, ни смерти,
Поныне предо мной...

Такубоку является одним из родоначальников японской гражданской поэзии. Вдохновенный лирик и пейзажист, скупой и выразительной манерой письма напоминающий прославленных японских художников, он посвятил свой могучий дар служению великим идеям, а не личному, не мелкому.

Еще юношей он рассказал о том, как, начертав иероглиф, обозначающий «великое», он забыл о смерти.

Все его творчество и явилось раскрытием этого иероглифа и снискало поэту бессмертие.

Перевод В. Марковой сделан с большим мастерством.

Надежда ПАВЛОВИЧ

Родословная советского фельетона

Советский фельетон занимает законное место на газетной полосе. Читатели его любят, литературоведы обходят стороной. Как жанр, он находится на полпути от художественной литературы к публицистике.

У советского фельетона славное прошлое и хорошие литературные традиции. Рецензируемая книга — это как бы родословная советского фельетона, богатая и интересная. Это—собрание образцов русского фельетона, начиная от Сумарокова и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Путь фельетона пролегает через богатую россыпь сатирических журналов XVIII века. В сборнике представлены отдельные произведения Фонвизина, Чулкова, Крылова. Политическая острота впервые появляется в сатире Новикова.

Еще более заметна политическая заостренность в фельетонных произведениях литераторов-декабристов, у Рылеева и Бестужева-Марлинского. Сатирическое остроумие ярко вспыхивает в статьях Пушкина, направленных против мракобеса и доносчика Булгарина и просто бездарного писателя Орлова.

В 40-е годы русский фельетон, доходя до литературного блеска, украшается именами таких авторов, как Достоевский, Тургенев, Гончаров, Дружинин. В поле его зрения — писательские дела, литературные явления; резко отличаются от них памфлеты Герцена, где литературная полемика — лишь форма для политической сатиры.

Своих вершин русский публицистический фельетон, насыщенный богатым политическим содержанием, достигает в 50—60-х годах в журнале революционной демократии «Современник».

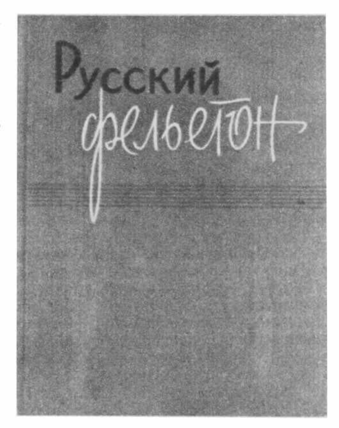
Затем начинается нисхождение русского фельетона с высот революционно-демократической публицистики в равнинные болота буржуазного либерализма. Славные традиции «Современника» еще дают себя знать в фельетонных очерках Глеба Успенского, полемической публицистике Михайловского, в юмористических зарисовках Станюковича.

Русский фельетон окончательно линяет в годы политического «безвременья», буржуазного мелкотемья (произведения Лейкина, Линева, Горбунова). Среди буржуазной публики популярностью пользуются сочинения Амфитеатрова и Дорошевича.

Но в эти же годы прокладывает себе дорогу фельетон иного типа, преемственно связанный с публицистикой революционной демократии и отражающий приход на русскую историческую арену рабочего класса и большевистской партии. Предвестником этого периода являются фельетоны молодого Чехова и Горького. В марксистских изданиях появляются литературно-критические и публицистические фельетоны Ольминского, Воровского, Луначарского. В «Правде» печатаются фельетоны Демьяна Бедного, Еремеева.

Таково содержание сборника «Русский фельетон».

Русский фельетон. Госполитиздат. Москва. 1958. 456 стр.

По замыслу издательства, за этим сборником должен последовать второй — о советском фельетоне. Книга издана «в помощь работникам печати». Она, несомненно, принесет пользу нашим газетным работникам. Но она должна поставить и перед работниками наших журналов вопрос о таких забытых жанрах русского фельетона, как большая статья политического, литературного и даже философского склада с элементами сатиры и юмора.

Фельетон — по характеру своему жанр, с трудом поддающийся точному теоретическому определению. Поиски «чистого» фельетона были до сих пор безуспешны. Причина, по-видимому, в том, что на практике мы встречаем фельетон в виде сплава художественной литературы с публицистикой, сатиры с юмором. Но зато неизбежны споры во многих конкретных случаях. Так и в данном сборнике: некоторые образцы вызовут сомнение, можно ли, например, отнести к фельетонам ту или иную статью Белинского или Чернышевского? Спорность, однако, не вредит книге, которая интересна не только работникам печати, но заслуживает внимания всех, кто ценит русское меткое и острое слово. А кто же не любит его!..

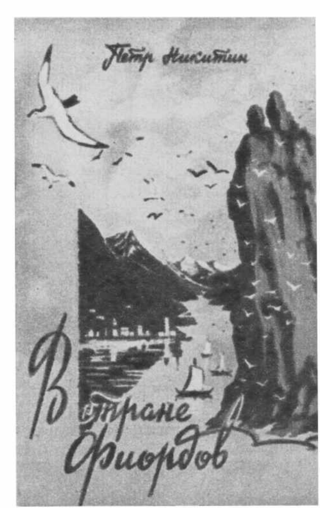
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Глазами друга

Издательство «Известия» выпустило книгу Петра Никитина «В стране фиордов».

Вместе с делегацией работников советской рыбной промышленности П. Никитин побывал в Норвегии, поездил по стране, плавал по Норвежскому морю, встречался с рыбаками, рабочими, фермерами, моряками, журналистами, студентами, писателями. Многое увидел пытливый советский журналист в стране фиордов и, дополнив свои наблюдения и впечатления некоторыми материалами, полученными из официальных источников, написал книгу, дружески рассказывающую о Норвегии и ее людях.

Выпущенная девяностатысячным тиражом, книга найдет своего читателя среди людей, интересующихся жизнью зарубежных стран.

Рихард Сагритс. МОРСКОЙ МОТИВ.

Вольдемар Вяли. РЫБАКИ.

Лепо Микко. ВЕЧЕРОМ.

Рихард Уутмаа. ВЕСНА.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

11. ГОЛОС ИЗ ТЬМЫ

От Гренера я вернулся домой один, Янковская уехала куда-то вместе со своим профессором. Она появилась у меня на следующий день уже к вечеру. Вошла, поздоровалась, уселась в столовой, выпила даже чашку кофе, внешне вела себя, как всегда, но на самом деле — я это видел очень хорошо — мысли ее витали где-то далеко. Против обыкновения она была на этот раз неразговорчива. Спустя час или два, скорее для того, чтобы нарушить ее сосредоточенное молчание, чем ради самого вопроса, я поинтересовался, собирается ли она к Гренеру; от меня она часто направлялась прямо к нему. Как бы проснувшись, она ответила, что профессора сегодня не застать ни дома, ни на работе.

— Сегодня он на приеме...— Она не договорила, прошла в гостиную, закрыла двери, прилегла на диван и закурила папиросу.

Вид у нее был усталый и необычно покорный.

— Я переночую здесь,— просительно сказала она.— Не беспокойтесь, я не собираюсь вас совращать...

Она курила торопливо, жадно, захлебываясь дымом.

— Если хотите, я отвезу вас домой, — предложил я.

— Не стоит, мне пришлось бы подняться слишком рано. Да, Август, пришло время и для вас. Тот, кто вчера прилетел, хочет вас видеть, он велел привезти вас завтра к шести часам утра.

— А кто вчера прилетел? — спросил я.— Кто это такой?

— Хозяин,— повторила она свое вчерашнее определение.

Я, конечно, догадывался, что значит это слово, но все же не угадал, кто это мог быть. Скорее всего, думал я, это кто-нибудь из руководителей немецкой тайной полиции; я даже допускал, что это могли быть Гиммлер или Кальтенбруннер.

— А нельзя яснее? — спросил я.

Она было замялась, но потом — мне ведь все равно предстояла встреча с этим человеком — сказала:

— Это один из видных деятелей заокеанской державы, который может там почти все.

— Как, сюда явился президент? — иронически отозвался я.— Или государственный секретарь?

— Нет,— сказала Янковская.— Это один из руководителей Разведывательного управления.

— И, по-вашему, он так могуществен?

— Да,— сказала Янковская.— Волнами и молниями он, может быть, и не повелевает, но нет на земле человека, которого не могла бы подчинить его воля.

— Однако! — воскликнул я.— Вы здорово его поэтизируете!

— Я убедилась в его силе,— просто сказала она.— Впрочем, я выразилась неправильно. Это сама сила.

— И с этой могущественной личностью мне предстоит завтра встретиться? — спросил я.

— Да,— сказала Янковская.— Идите отдохните, я разбужу вас. Вам предстоит нелегкий разговор.

— Еще один вопрос, если это, конечно, не секрет,— сказал я.— Каким образом эта могущественная личность очутилась в Риге?

— Он прилетел из Норвегии,— сказала Янковская.— А в Норвегию прилетел из Англии. А до Англии был, кажется, в Испании... Он совершает инспекционную поездку по Европе.

— Как же его зовут, если только это можно сказать?

Янковская замялась.

— Впрочем, поскольку он сам вами интересуется... Генерал Тэйлор.

— И его так свободно везде пропускают? — спросил я.— И немцы и англичане?

— А почему бы им его не пропускать? — насмешливо возразила Янковская.— Господина Чезаре Барреса, крупного южноамериканского промышленника, убежденного нейтралиста, готового торговать со всеми, кто только этого пожелает?

— Но позвольте, вы сказали, его зовут Тэйлор? — перебил я свою собеседницу.

— Да, для меня, для Гренера и даже для вас он Тэйлор, но официально он негоциант Баррес, озабоченный лишь сбытом своих говяжьих консервов.

— Значит, он прибыл сюда легально?

— Вполне! Он деловой человек и торгует со всеми, кто соглашается ему платить!

— Но ведь это же только маскировка? — допытывался я.— На самом-то деле он не торгует консервами?

— Почему вы так думаете? — Янковская пожала плечами.— Еще как торгует!

Я искренне удивился:

— Генерал разведки?

— Это не мешает ему быть владельцем крупнейших мясохладобоен,— снисходительно пояснила Янковская.— Деньги и политика всегда взаимодействуют...

То, что для меня было отвлеченным понятием, для нее являлось повседневной практикой жизни!

— Но что же для него важнее? — поинтересовался я.

— Как вам сказать...— Янковская на мгновение задумалась.— То, что в данный момент приносит наибольшую выгоду! В нем прекрасно сочетаются промышленник и генерал. Официально господин Баррес интересуется латвийской молочной промышленностью: заокеанские промышленники уже сейчас думают о захвате европейского рынка...

— А неофициально?

— А неофициально тоже беспокоится о рынках, только, конечно, генерал Тэйлор действует несколько иными методами, нежели сеньор Баррес...

— Все-таки он рискует, ваш генерал,— за-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—29.

метил я.— Вряд ли его визит не привлечет внимания гестаповцев!

— Не будьте наивны,— упрекнула меня Янковская.— Был бы соблюден декорум! Одних обманывают, другие делают вид, что обманываются... У заокеанской державы везде свои люди. Не воображаете же вы, что шпионов рекрутируют только среди официантов и балерин? Министры и ученые считают за честь служить этой державе.

— Но ведь не все же продаются! — возразил я.

— Конечно, не все,— согласилась Янковская.— Но тех, кто не продается, обезвреживают те, кто продался.

— А зачем он пожаловал в Ригу? — поинтересовался я.

— Я уже сказала вам, сеньор Баррес интересуется молочной промышленностью.

— А на самом деле?

— На самом деле? Чтобы повидаться с вами! — насмешливо ответила Янковская.— А кроме... Неужели вы думаете, что я знаю что-либо о его делах и замыслах?..

Она вздохнула и пожелала мне спокойной ночи.

Об этом разговоре следовало незамедлительно поставить в известность Железнова, но, как назло, он отсутствовал, и я понятия не имел, где его искать...

В пять часов Янковская подняла меня на ноги.

Она сама довезла меня до улицы Кришьяна Барона и указала на большой серый дом.

— Минут пять нам придется подождать,— предупредила она.— Мистер Тэйлор требует от своих сотрудников точности.

Ровно в шесть мы вошли в подъезд серого дома, поднялись на третий этаж и позвонили в одну из квартир... Впрочем, я запомнил ее номер — в квартиру № 5.

Дверь нам открыл человек в полувоенной форме, и я сразу подумал, что это офицер, хотя на нем не было никаких знаков отличия.

Он небрежно кивнул Янковской и вопросительно посмотрел на меня.

— Август Берзинь,— назвала меня Янковская.

— Входите,— сказал человек во френче, ввел нас в респектабельную гостиную, на минуту скрылся, вернулся обратно и, приоткрывая следующую дверь, жестом предложил нам пройти дальше.

Мы очутились во мраке, но я тут же убедился, что это не так: на столе под темным абажуром горела маленькая лампочка вроде ночника, свет от нее падал только на стол, на котором она стояла.

— Садитесь,— услышал я хрипловатый голос.— Садитесь у стола.

Я подошел к столу, увидел низкое кресло, сел и точно утонул в нем: такое оно было мягкое.

Я стал напряженно вглядываться в том направлении, откуда раздавался голос...

Где-то я читал или слыхал, что имя руководителя Интеллидженс сервис известно в Англии только трем лицам — королю, премьер-министру и министру внутренних дел,— что принимает он своих сотрудников в темной комнате и для большинства людей является как бы невидимкой; вы можете находиться с ним где-нибудь бок о бок и не знать, что рядом с вами глава секретной службы Великобритании.

Мне вспомнилась сейчас эта легенда; возможно, подумал я, что деятели заокеанской разведки действительно заимствовали эту манеру у своих британских коллег.

Освоившись с темнотой или, вернее, с сумраком, царившим в комнате, я, насколько мог, рассмотрел своего собеседника. Напротив сидел человек среднего или, вернее, ниже среднего роста, очень плотный, даже полный; он был в темном костюме, лицо его смутно белело, в полусвете оно казалось даже призрачным. К концу разговора, когда я привык к темноте и рассмотрел лицо этого человека лучше, оно оказалось столь невыразительным, что я не смог бы его описать.

— Я хочу с вами познакомиться,— произнес таинственный незнакомец.— Вас зовут...

— Август Берзинь,— поспешил я назваться.

— Оставьте это,— остановил меня незнакомец.

Я усмехнулся.

— В таком случае, к вашим услугам Дэвис Блейк.

Незнакомец посмотрел в сторону Янковской.

— Вы знаете этого господина? — спросил он ее.

Я тоже обернулся в ее сторону; она села где-то у самой двери, но, едва этот человек к ней обратился, тотчас встала и почтительно вытянулась перед ним.

— Так точно,— по-солдатски отрапортовала она.— Господин Август Берзинь, он же капитан Блейк, он же майор Макаров...

Незнакомец отвел от нее свой взгляд и вновь повернулся ко мне.

— Так вот...— В его голосе звучало легкое раздражение.— Меня зовут Клеменс Тэйлор, для вас это должно быть достаточно. Для меня не существует тайн, и я не могу терять времени.

— Госпожа Янковская советовала мне забыть, что я Макаров,— объяснил я.— Она настойчиво внушала мне, что я теперь только Дэвис Блейк, и никто больше.

— Госпожа Янковская — только госпожа Янковская,— холодно произнес Тэйлор...

На одно мгновение он опять посмотрел в ее сторону. Должно быть, она понимала этого человека с одного взгляда.

— Я могу быть свободна, генерал? — почему-то шепотом спросила она.

Он ничего не ответил, и лишь по легкому шелесту открывшейся и тут же закрывшейся двери я понял, что Янковская выскользнула из комнаты.

— Госпожа Янковская — способный агент, но, как у многих женщин, эмоциональная сторона преобладает у нее над рациональным мышлением,— снисходительно заметил Тэйлор.— Она хотела поставить вас в ложное положение, а это никогда не приводит к добру. Вы Макаров и должны оставаться Макаровым.

— Вы, что же, советуете мне вернуться к своим и снова стать майором Макаровым? — спросил я.

— Да,— вполне определенно сказал Тэйлор.— Только идиот Эдингер способен принять вас за англичанина, вы с таким же успехом можете сойти за египетского фараона. Ваша ценность в том и заключается, что вы Макаров.

— Я рад это слышать, мистер Тэйлор,— отозвался я.

Но он тут же меня разочаровал.

— Но вернетесь вы в Россию уже в качестве нашего агента. С этого дня вы будете работать на нас.

Он говорил об этом так, точно сообщал о решении, которое я и не подумаю оспаривать.

— Я понимаю вас,— ответил я, делая вид, будто не понял его.— Мы все союзники и делаем одно дело, и у нас одна цель — разгромить фашизм.

— Замолчите,— нетерпеливо перебил меня Тэйлор.— На нас — это значит на нас, и фашизм тут ни при чем. Вы станете агентом нашей разведывательной службы и свяжете отныне свою судьбу с нами, а не с Россией.

— Позвольте, но как может генерал союзной страны...— в моем голосе звучало негодование, хотя мне уже вполне стала ясна истинная сущность моего собеседника,— ...делать такое предложение русскому офицеру?

— Бросьте, мы с вами не на банкете, майор! — оборвал меня Тэйлор.— Вероятно, вы изучали историю? Это на банкетах говорят красивые слова, а мы с вами находимся на кухне, где именно и готовятся блюда, которые подаются на стол народам. В конце концов, каждому в мире дело только до себя.— Он зевнул.

— Попробуем быть трезвыми, майор,— продолжал он.— Мы знаем цену людям. Штабной офицер, майор, коммунист — это неплохое сочетание. Вы многое можете сделать. Мы заключим с вами как бы контракт: переведем на ваш текущий счет пятьдесят тысяч долларов и, кроме того, будем еженедельно выплачивать двести долларов, не считая вознаграждения за каждое выполненное по-

ручение. Я не говорю о таких вещах, как какая-нибудь часть мобилизационного плана. За такие вещи мы не пожалеем ничего. В случае каких-либо политических перемен мы обеспечим вас своей поддержкой, и вы сможете занять у себя в стране видный пост. Впрочем, при желании вы сможете достигнуть этого поста и не дожидаясь политических перемен. Если за десять лет ничего не изменится, во что я мало верю, и вы почувствуете, что устали, мы поможем вам уехать из России...

Тэйлор качнулся в мою сторону.

— Вас устраивает это?

— Нет,— сказал я.— У меня все-таки есть совесть.

Я, конечно, понимал, что тут бесполезно говорить о таких предметах, как совесть. Но мне казалось, что следует поторговаться и порисоваться, и именно в плоскости моральных категорий. Это всегда производит впечатление. Кроме того, надо было растянуть время; этот генерал свалился на меня, как снег на голову, и мне показалось очень важным как можно скорее поставить в известность о его появлении Пронина...

— Вы перестали бы меня уважать, если бы я согласился на ваше предложение,— продекламировал я.— Конечно, я играю роль Блейка, к этому меня принудили обстоятельства. Но я не утратил веры в красоту, благородство и порядочность человека. Купить меня вам не удастся, я предпочту умереть, но предателем я не стану...

И вдруг Тэйлор засмеялся тоненьким добродушным смехом, как смеются над тем, что, безусловно, подлежит осмеянию.

— Все это мне известно,— сказал он.— Патриотизм, благородство, честь! Все эти ценности котируются у интеллигентных людей, но есть нечто, перед чем блекнут и честь, и благородство, и любовь просто, и любовь к отечеству. Есть сила, выше которой нет ничего на свете...

Я отрицательно покачал головой.

— Не качайте головой, не изображайте из себя ребенка,— назидательно сказал Тэйлор.— Я не открываю истин, об этом хорошо писал еще Бальзак. Деньги — вот единственная сила, которой ничто не противостоит в нашем мире.

— Вы полагаете, времена Бальзака еще не прошли? — спросил я не без иронии.

— И никогда не пройдут,— уверенно произнес Тэйлор и еще раз с явным удовольствием повторил: — Деньги, деньги и деньги! Ничто не может сравниться с могуществом золота. Я трезвый человек и не люблю бездоказательных суждений. Мы хотим и будем главенствовать в мире, потому что мы богаче всех. Слабость русских в том и заключается, что они воображают, будто миром движут какие-то идеи. Абсолютная чепуха! Миром движут деньги, а тот, у кого денег больше, тот и является хозяином жизни...

Все это говорилось столь просто, с такой будничной непререкаемостью, что у меня не возникало никаких сомнений в том, что Тэйлор высказывает свои истинные убеждения.

— Коммунисты с презрением говорят о власти денег потому,— продолжал он,— что деньги не могут принадлежать всем, а тем, у кого их нет, не остается ничего другого, как их презирать. Но те, кому удается разбогатеть, быстро меняют свои убеждения.

Я не хотел бы пользоваться трафаретными сравнениями, но он смотрел на меня, как удав на кролика.

— Вы тоже измените своим убеждениям, как только разбогатеете,— убежденно сказал Тэйлор.— А сделаться богатым помогу вам я, и не потому, что вы мне нравитесь, а потому, что мне это выгодно. Не думайте, что я щедр, это только дураки бросаются деньгами. Люди вообще дешевы, а низкие людишки дешевле всех остальных: стоимость рядового шпиона не превышает стоимости хорошей свиной туши. Но среди этого кордебалета есть примадонны, и им приходится платить дороже, иначе они будут танцевать у другого антрепренера. Офицер советского генерального штаба и коммунист, не имеющий в прошлом грешков перед своей партией... Такой товар стоит денег, и мы не постоим за ценой.— Мой собеседник добродушно рассмеялся.— У вас хорошие перспективы, майор! Домик на берегах Калифорнии, красивая жена, апельсиновая роща, вечная песня моря...

Он отодвинулся в тень, я почти перестал его видеть.

— Ну как, майор Макаров? — спросил он.— Договорились?

— А если я откажусь? — задал я вопрос в свою очередь.

— Тогда мы вас ликвидируем,— деловито ответил он.— Вы знаете слишком много для того, чтобы вас можно было отпустить, да и вообще незачем отпускать кого бы то ни было, кто может стать нашим противником. Вас убьют и похоронят еще раз. Конечно, для нас не составило бы труда изобразить вас изменником и предателем. Ваше имя покрылось бы позором, а ваши близкие подверглись бы в России остракизму. Но мы не будем этого делать. Я противник излишней театральности. Вас уберут тихо и незаметно. Но если вы станете работать с нами, я гарантирую вам блестящее возвращение на родину. Вы будете заключены в какой-нибудь немецкий лагерь смерти, откуда вам будет предоставлена возможность совершить героический побег. Вы вернетесь в Советский Союз, и вам будет обеспечено успешное продолжение вашей карьеры. Мы не будем торопиться и лишь спустя некоторое время установим с вами связь...

В общем, мой дальнейший жизненный путь был уже определен мистером Тэйлором или кем-то из его помощников.

— А что потребуется от меня? — спросил я.

— Ничего,— выразительно ответил Тэйлор.— Мы сегодня же выдадим вам аккредитив на любой нейтральный банк, и все. Причем я рекомендовал бы вам выбрать Швейцарию или даже лучше Швецию. Ну, а если вы вздумаете нас обмануть, вы в две минуты будете скомпрометированы.

— Я должен подумать,— сказал я.— Это слишком ответственно. Дайте мне несколько дней...

— Я вас понимаю,— с неожиданным для меня сочувствием отозвался Тэйлор.— Бывают моменты, когда серьезному человеку нелегко сделать выбор между жизнью и смертью. Но я не могу дать вам даже одного дня. Сегодня после четырех я улетаю из Риги. В воздухе будет устроен специальный коридор... Поэтому...— Он прикинул в уме время.— Сейчас семь. В полдень вы явитесь обратно и скажете, какую команду мне отдать...

Несмотря на всю категоричность тона, мне показалось, что этот прожженный циник далеко не уверен в моем ответе.

— Идите,— сказал он.

Все тот же человек в полувоенной форме проводил меня из передней на лестницу.

Домой я, можно сказать, не шел, а бежал...

Но Железнов еще не вернулся!

Мне необходимо было встретиться с Гашке.

Я искал предлога...

И, как всегда, оказалось, что нет положения, из которого нельзя было бы найти выхода.

«Под каким предлогом я могу встретиться с Гашке?.. Ну, под каким?» — думал я.

Из немцев никто не знал о нашем знакомстве...

И тут я вспомнил нашу встречу в букинистической лавке.

Пронин отлично понимал характер этих «европейцев» в эсэсовских мундирах...

Это был такой удобный предлог!

Действительно, разведчику могут пригодиться самые странные вещи. Янковская была права. Даже скабрезные картинки могли, оказывается, сослужить полезную службу!

Я кинулся к своему сейфу...

Конверт с картинками лежал все на том же месте, куда его положила Янковская в начале нашего знакомства.

На этот раз я внимательно пересмотрел снимки. Да, они могли понравиться любителям этого жанра...

Я сунул конверт в карман, спустился во двор, вывел на улицу машину и помчался в гестапо.

В комендатуре гестапо я был известен — время от времени господин Эдингер приглашал меня для назидательных бесед,— и, хотя в гестапо меня называли господином Берзинем, все, по-моему, знали, что на самом деле я Дэвис Блейк.

— К господину обергруппенфюреру? — любезно обратился ко мне дежурный офицер.

— На этот раз нет,— сказал я.— Мне нужен господин Гашке.

— А что у вас за дела к Гашке? — спросил офицер уже гораздо строже.

— Мне нужно совершить с ним некоторые обменные операции,— сказал я и высыпал на барьер, за которым сидели сотрудники комендатуры, свои карточки.

Они вызвали целое ликование! От официального тона не осталось и следа.

— Обер Гашке любит такие штучки! — воскликнул офицер.— Сейчас его вызовут, господин Берзинь!

Он позвонил по телефону и попросил как можно скорее прислать Гашке.

Пронин не замедлил появиться. Он шел с недовольным лицом, сдержанный, строгий. Он точно не заметил меня.

— В чем дело? — спросил он дежурного офицера.

— Этот господин спрашивает вас, обер,— сказал офицер, ухмыляясь и указывая на меня.— У него к вам коммерческое дельце.

Пронин с невозмутимым видом приблизился ко мне.

— Что за дело?

— Видите ли...— пролепетал я,— я слышал, что у вас есть несколько книжек, приобретенных у здешних букинистов, определенного содержания. Если бы вы могли со мной поменяться...

И я с трогательной непосредственностью рассыпал перед ним свои картинки.

— О! — сказал Пронин с оживлением.— Где вы это достали?

С видом знатока он стал их рассматривать.

— Что же вы хотите за свою коллекцию? — деловито спросил он.

— Я слыхал, что у вас есть несколько французских книжек,— сказал я.— Если бы мы могли обменяться...

— Пожалуй, я бы на это пошел,— задумчиво сказал Пронин.— Сегодня вечером, после службы...

— Нет, мне нужны эти книжки именно сейчас,— настаивал я.— Я обещал достать их к одиннадцати.

— Какой это барышне вы хотите дать урок, господин Берзинь? — заметил кто-то из присутствующих.— Хотел бы я на нее взглянуть!

— А вы отлучитесь, обер,— посоветовал дежурный офицер.— Господин Берзинь на машине, вы слетаете с ним за полчаса, жалко упустить такой случай...

Пронин колебался.

— Если книжки мне подойдут,— добавил я, соблазняя Гашке,— я добавлю к карточкам несколько бутылок французского коньяка.

— Валяйте, Гашке! — сказал офицер.— Вечером вы нас угостите, я давно не пил французского коньяка.

Тогда Пронин как будто решился.

— Ладно,— сказал он.— Поедем. Я живу в общежитии гестапо.

Под общее одобрение мы покинули комендатуру и вышли на улицу.

Но Пронин заговорил со мной только тогда, когда мы очутились в машине и тронулись с места.

— Я бы сказал, вы довольно смело действуете, майор Макаров,— не слишком одобрительно заметил он.— Что там у вас стряслось?

— В Риге находится кто-то из генералов заокеанской разведки,— объяснил я, полагая, что удивлю Пронина.— Я только что от него.

Но Пронина, кажется, нельзя было удивить ничем.

— Догадываюсь,— коротко отозвался он.— Сегодня у нас в гестапо черный день. Все в Риге говорят о приезде видного промышленника из Южной Америки. Эдингер, конечно, осведомлен, кто это такой, и пребывает в большом миноре. Во-первых, в этом деле обошлись без него, а во-вторых, дали, вероятно, понять, чтобы он вообще не совал своего носа. Тут действуют фюреры покрупнее и посильнее Эдингера. Поэтому громы и молнии в данном случае он может метать только против своих подчиненных. Сам я, разумеется, не

знал точно, кто прибыл, но можно было предположить...

— Нет, он говорил вполне откровенно,— объяснил я.— Генерал Тэйлор.

Мы неторопливо двигались по городу.

— Ну, а чего он хочет от вас? — насмешливо спросил Пронин.— Вербует в американскую разведку?

— Конечно,— отозвался я.— Хочет послать обратно в Россию и обещает мне там высокий пост.

— Нет, нет! — решительно сказал Пронин.— Вы еще нужны здесь. Соглашайтесь на все, но скажите, что на какое-то время задержитесь. Намекните на привязанность к Янковской...

Он попросил меня подробно изложить разговор с Тэйлором, и тут выяснилось, что рассказывать мне почти нечего.

— Он больше занимался философией,— объяснил я.— Наподобие бальзаковского Гобсека поэтизировал власть денег, а практически...— Я пожал плечами.— Практически ничего.

Пронин усмехнулся.

— Что ж, он может позволить себе такую роскошь, у него найдется кому заняться техникой. Понимает, что новичков нужно идейно подковать. Но учтите, философия философией, а палец в рот ему не клади...

Мы доехали до общежития, Пронин скрылся на несколько минут в здании, вышел с книжками, бросил их на сиденье — ни он, ни я на них даже не взглянули,— и я повернул обратно.

— Кажется, все ясно,— произнес Пронин.— Соглашайтесь. Но Ригу пока что вы покинуть не можете. Скажите, что вам нужно собрать здесь ценную информацию, сочините что-нибудь...

Все это было ясно и мне самому, и я огорчился, что напрасно потревожил Пронина.

— Выходит, беспокоил вас зря,— заметил я.— До всего того, что вы сказали, мне следовало додуматься самостоятельно.

— Вы ошибаетесь,— ответил Пронин.— О таких вещах обязательно надо докладывать, я мог бы и не знать о приезде этого господина, а это очень важно. В нашей работе нельзя пренебрегать ничем. Этот случай надо использовать возможно лучше. Не исключено, что при втором посещении вы услышите что-нибудь конкретное...

Я довез Пронина до гестапо и отдал ему картинки.

— Ну, а какой банк выбрать? — пошутил я на прощание.— Шведский или швейцарский?

Пронин опять усмехнулся.

— Я бы выбрал шведский,— шутливо посоветовал он в тон мне.— В данном случае я вполне солидарен с мистером Тэйлором, шведский, по-моему, солиднее.

Он вышел из машины, махнул на прощание рукой и скрылся в подъезде, а я прямым ходом помчался на улицу Кришьяна Барона.

В знакомой передней сидело двое каких-то людей в синих комбинезонах, а тот, кто впускал меня в первый раз, вышел мне навстречу, улыбнулся, как старому знакомому, и повел в одну из комнат.

— Ну, что вы решили? — весело спросил он меня.— Жить или умереть?

— Если бы я решил умереть, я бы сюда не вернулся,— ответил я ему в том же веселом тоне.

— Вы правы,— согласился со мной провожатый.— Садитесь, вам придется подождать,— сказал он.—Мистер Тэйлор освободится не раньше чем через сорок минут.

Но освободился он гораздо скорее.

На этот раз меня не пригласили в темную комнату. Тэйлор сам вышел ко мне.

Больше он от меня не прятался!

Да, плотный, подернутый жирком человек ниже среднего роста и с таким невыразительным лицом, которое могло бы озадачить любого художника...

Много лет спустя, когда мне случалось видеть снимки этого человека в различных газетах и журналах, я всегда задумывался над вопросом, какие качества помогли ему достичь своего высокого положения, и так никогда и не смог найти на этот вопрос ответа.

— Рад вас приветствовать, майор,— сказал Тэйлор и даже протянул мне руку.— Теперь у нас будет небольшой деловой разговор.

Он по-мальчишески сел верхом на стул — лицом к спинке — и положил на нее обе свои руки.

— Идея госпожи Янковской превратить вас в англичанина годится только для немцев,— сказал он.— Я думаю, в данном случае госпожа Янковская руководствовалась личными соображениями. Ведь своей жизнью вы обязаны ей, это вы знаете. Но для нас Россия более трудна, чем Англия, и здесь мы не можем терять ни одной возможности. Мне кажется, вы можете стать отличным агентом. А пока что вы получите одно конкретное задание.

Он покровительственно посмотрел на меня.

— Вам понятно, чем занимался здесь Блейк? — спросил он и не дал мне ответить.— Все эти штучки с мелким шпионажем... Не в них дело! Он создал здесь агентурную сеть английской секретной службы, немногочисленную, глубоко законспирированную и способную выполнять любые ответственные задания. Эта сеть создана политикой дальнего прицела. Она особенно активизируется после войны. Если победят немцы, будет действовать против немцев, если победят Советы, значение ее будет еще важнее. Мы должны ее выявить и заставить работать на себя. Мы пытались купить этого несчастного Блейка, но в него слишком въелись дегенеративные предрассудки английской аристократии. Он отказался передать нам своих агентов, и его пришлось устранить. Но дело в том, что список, который он отправил в Лондон и который удалось достать для нас госпоже Янковской, не имеет реальной ценности. Несколько десятков распространенных фамилий. Людей с такими фамилиями тысячи, и мы не можем опросить тысячу человек для того, чтобы узнать, кто из них является агентом Интеллидженс сервис! К списку имеется какой-то ключ, но мы этого ключа не имеем. Вам предстоит серьезная работа. Госпожа Янковская вам поможет, и вы сделаете для нас эту сеть реальной...

Он вдруг поднялся и с не свойственной ни его положению, ни его возрасту быстротой вышел из комнаты и через несколько минут вернулся.

— Я вам тоже помогу,— сказал он.— Мы знаем фамилию одного из агентов Блейка. Этот агент был когда-то связан с нами. Он получит приказание явиться к резиденту английской секретной службы. Попробуйте при помощи того человека поискать ключ. Мы вас не торопим. Но эта сеть нам нужна, и вы должны ее нам дать. А после этого отправим в Россию. В свое время мы поставим вас об этом в известность.

Неожиданно он перешел на специфический полицейский жаргон.

— Но смотри не вздумай крутить хвостом, или мы шлепнем тебя с двадцатого этажа! — многозначительно пригрозил он, обращаясь ко мне на «ты».— Ничего, ничего, не бойся, я же вижу, ты свой парень, и ты хорошо у нас заработаешь...

Почему-то в этот момент я вспомнил о выдержке и дерзости, с какими держался здесь, в Риге, Пронин, и мне захотелось хоть немного походить на него.

«С помощью этого заокеанского генерала мне тоже следовало бы возможно лучше закрепиться среди множества враждебных людей, между которыми мне теперь приходится вращаться,— подумал я.— Надо не только соглашаться, но и требовать...»

Стараясь не переигрывать, я с легким вызовом посмотрел на своего собеседника.

— Ну, а на самом деле? — спросил я.— Какие гарантии я буду иметь в том, что в один прекрасный момент ваши люди не прижмут меня к стенке и не превратят в мокрое пятно?

Тэйлор чуть-чуть улыбнулся.

— Я вижу, ты предусмотрительный парень,— с некоторым даже расположением промолвил он.— Что ж, это правильно...

Мне показалось, что он в чем-то колеблется...

Затем он покопался в кармане своего пиджака и вдруг решительно подал мне пуговицу — довольно большую круглую медную пуговицу, на поверхности которой было вытиснено изображение трехлистного клевера.

— Возьмите,— сказал он.— Потенциально вы представляете большую ценность, и я согласен дать вам некоторую гарантию. В прошлом такие пуговицы носили на своих куртках колорадские горняки, теперь их не делают. Мы скупили на складах остатки этих пуговиц и выдаем их некоторым своим агентам. Непонятно? Это, так сказать, символ, знак вашей неприкосновенности. Если наши парни прижмут вас при каких-нибудь обстоятельствах, покажите им эту штучку. Они оставят вас в покое и, может быть, даже помогут вам. Берегите этот талисман, он принесет вам счастье. Других гарантий я вам пока дать не могу...

Он приблизился ко мне и похлопал по плечу.

— Идите,— весело сказал он.— Возможно, мы никогда уже больше не увидимся, но наша забота и благословение бога будут теперь с вами.

Это было, конечно, достойное завершение нашего разговора.

— Да, кстати,— спросил он уже в последний момент.— На какой же банк выдать вам аккредитив?

— Я предпочитаю шведский,— сказал я.

— Вы разумный человек,— похвалил меня Тэйлор.— Я сам храню некоторую часть своих денег в шведских банках.

Он пожал мне руку, и меня быстро выпроводили, хотя никакого аккредитива так и не дали.

Я вышел на улицу, опустил руку в карман, достал пуговицу, посмотрел на нее, старинную литую медную пуговицу, каких в наше время уже не делают ни в одной стране, подержал на ладони и подумал, что мистер Тэйлор чересчур экономен,— он так хвастался и своим и чужим богатством, что ему следовало бы делать свои пуговицы из чистого золота.

Продолжение следует.

В МОНТЕВИДЕО И В МОСКВЕ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

В Монтевидео, на стадионе, во время перерыва футбольного матча между местными командами «Насьональ» и «Вандерере» нас представили главе правящей ныне в Уругвае партии Колорадо, бывшему президенту, ныне одному из членов Национального совета, Луису Баттле Берресу. В окружении нескольких сенаторов он сидел на скамье, зябко поеживаясь. Был конец мая — начало южноамериканской зимы. Температура воздуха бродила где-то между 10 и 12 градусами тепла. Дул сильный ветер, по небу плыли рваные облака. Баттле был не в духе. Команда, за которую он «болел», проигрывала технически более сильному «Насьоналю».

— Как вам нравится игра? — спросил он.

— «Насьональ» — хорошая команда, красиво играет.

— «Вандерере» тоже хорошая, только у них что-то не получается. — Баттле улыбнулся. — Как говорят в таких случаях, не везет.

— Нет, конечно, у «Вандерере» тоже было несколько хороших прорывов, — поддержали мы Баттле.

— Вам, я вижу, все-таки больше нравится «Насьональ».

— Они лучше играют.

— Они едут в Москву. Как их там примут?

— У нас гостеприимный народ. Мы уверены, что примут очень сердечно.

Баттле хитро посмотрел на нас.

— Если хорошо примут, может быть, дадут возможность нам выиграть?

— Вряд ли.

— Но ведь вы говорите, что у вас гостеприимные зрители?

— Зрители не играют.

— Это верно... А что касается ваших футболистов, то они как будто менее гостеприимны. Мы видели ваше «Динамо» здесь...

— Какое впечатление осталось у вас от динамовцев?

— Плохое... Мы проиграли. — Баттле снова улыбнулся. — Мы любим выигрывать.

— Мы тоже.

— Как же решить вопрос?

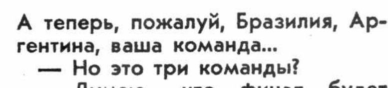
— Может, предоставить решение этого вопроса футболистам?

— Пожалуй, так будет лучше, — сказал Баттле и уже серьезно добавил: — Хорошо, что наша команда едет к вам, и мы рады, что вы приехали в Уругвай. Такие визиты помогают народам жить в мире.

...Команды снова выходили на поле. Мы отправились на свои места. Рядом с нами сидел вице-президент футбольного клуба «Насьональ» Аче Эчир, полный, добродушный человек. Лицо его выражало спокойствие и удовлетворение. Футболисты «Насьоналя» вели красивые атаки на ворота «Вандерере».

Накануне мы были приглашены в клуб «Насьональ» и провели там около двух часов, беседуя о принципах современного футбола. Вокруг нас в больших шкафах стояли бесчисленные кубки, фигуры, ларцы и вымпелы — призы футбольного клуба, насчитывающего более полувека своего существования.

— У вас здесь столько серебра, что нужно сторожа ставить, — пошутил кто-то из нас, рассматривая драгоценные реликвии, свидетельствующие о славной истории уругвайского футбола.

И в этой комнате мне невольно вспомнился не то 26-й, не то 27-й год, когда впервые в Ростове-на-Дону, проникнув без билета сквозь колючую проволоку (никаких тогда других оград не было), я впервые видел игру иностранной команды с нашими футболистами. Это были уругвайцы. Мы, игроки уличных команд, носивших громкие названия «Метеор», «Истребитель», «Вихрь», сидя на траве, с удивлением смотрели на уругвайских футболистов, которые, как нам казалось, совершенно непринужденно обращались с мячом и почти все время владели им.

О хореографическом искусстве мы не имели представления, так как в Ростове не было театра оперы и балета. Может быть, поэтому игра уругвайцев и показалась нам тогда балетом. Балет не балет, но, помнится, счет тогда оказался 3 : 0 в пользу гостей, завоевавших симпатии ростовских болельщиков. Так и осталось у меня с тех пор воспоминание об уругвайском футболе как о чем-то очень воздушном и артистичном.

Все это вспомнилось в Монтевидео в зимний майский вечер.

Аче Эчир, высоко оценивая физические данные наших футболистов, говорил:

— Они у вас достаточно быстры и резвы. Игра для противников очень опасная, но... до момента удара по воротам. Тут с вашими игроками что-то происходит, они становятся медлительными, и у них отбирают мячи. Создается впечатление, что ваш футбол излишне заорганизован, продуман сверх возможного. Но ведь никогда нельзя заранее спланировать, кто, в какое мгновение и с какого положения забьет гол. Не теряется ли в таких случаях индивидуальность игроков?

— Футбол — игра коллективная.

— Конечно, но в лучших командах всегда есть два — три ведущих игрока в общем слаженном ансамбле.

— А какой ансамбль, вернее, команду, можно назвать в качестве претендентов на звание чемпиона мира?

— Конечно, можно было бы назвать нас... Но мы, проиграв Парагваю, выбыли из игры... — сказал совершенно серьезно Эчир.— А теперь, пожалуй, Бразилия, Аргентина, ваша команда...

— Но это три команды?

— Думаю, что финал будет между Россией и Аргентиной.

Таковы были прогнозы, высказанные в Монтевидео в конце мая этого года. Теперь уже известно, что когда команда Аргентины вернулась на родину, для ее охраны были вызваны пятьсот полицейских и пожарных, чтобы спасти от гнева своих почитателей.

Для охраны наших футболистов пожарных вызывать не пришлось. Но особого удовольствия, видимо, они не испытывали, услышав свист зрителей на стадионе в Лужниках. Свист у нас — это не свист на Западе, где он является формой поощрения.

Уругвайские футболисты провели в Советском Союзе четыре встречи и поставили своеобразный рекорд. Они возвращаются домой с минимальным счетом 0 : 1. Только динамовцы, находящиеся сейчас далеко не в лучшей форме, навязали им эту единицу. Признаюсь, мы испытывали серьезную тревогу, сидя на трибунах в Лужниках, когда спартаковцы, не использовав свое преимущество в первой половине матча, дважды чуть было не вынули мяч из сетки своих ворот во второй половине игры. Но все обошлось благополучно: в одном случае спартаковец А. Парамонов выбил мяч из пустых ворот, в другом — сильный удар отразила штанга.

Спартаковцы, будучи, как и всегда, тактичными, раньше покинули поле, дав возможность москвичам горячо приветствовать уругвайцев. Футболисты из Монтевидео задержались на поле и, обратившись лицом к зрителям, махали руками: они прощались с Москвой и Советским Союзом, узнав действительное радушие и объективность советских зрителей.

Вспоминая беседу с Луисом Баттле на стадионе в Монтевидео, невольно хочется сказать, что не только зрители, но и наши футболисты оказались очень гостеприимными и не портили настроения уругвайцам: они и сами не попадали в ворота гостей, и им не предоставили этой возможности.

Сейчас все чаще раздаются голоса о том, чтобы наши футболисты больше встречались с южноамериканскими командами. Это правильно. У южноамериканцев есть чему поучиться! Они изумительно владеют мячом. Иногда кажется, что он на коротком шнурке прикреплен к ноге игрока. Вместе с тем нельзя забывать и главного, что отличает советский футбол от некоторых иных команд,— наступательного духа, неустанного стремления к победе. Это, кстати, есть и у лучших южноамериканских команд. Мировое первенство, завоеванное командой Бразилии,— живой пример этому. Пусть балет останется балетом, а футбол — футболом!

На стадионе в Монтевидео. Момент игры команд «Насьональ» и «Вандерере».
Фото автора.

Уругвайские футболисты отвечают на приветствия московских зрителей.
Фото А. Бочинина.

Два рассказа

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки А. ВАСИНА.

История, которую рассказал Билли Боркер в кабачке «Корабль» в Сиднее

— Разве я не рассказывал тебе про единственную в нашей стране честную лотерею?

— Нет, как будто. Выпей еще кружку и начинай.

— Что ж, пожалуй. Случилось это во время кризиса. Дела мои тогда были из рук вон плохи, а я ведь манной небесной жить не могу, можешь мне поверить! Странная штука, этот кризис. Вот толстосумы всегда говорят, что безработные ничего не хотят делать; ведь когда наступает война, безработные исчезают. Куда же они деваются? Наверно, попадают на войне под пули!

— Может, ты и в точку попал, но давай-ка лучше рассказывай дальше. Ведь ты обещал историю про старика-пенсионера... Припомни-ка, что он натворил?

— Разделался с тремя полицейскими во время забастовки рабочих на фермах. Но я сначала должен рассказать о единственной в истории Австралии лотерее, разыгранной совсем по-честному, а не то ты так никогда и не купишь лотерейный билет. Это, правда, скверная привычка, покупать лотерейные билеты — все равно, что платить подоходный налог и играть на скачках: раз начнешь — не остановишься. В свое время я устраивал немало лотерей, так что знаю, о чем говорю.

— Как сказать! По-моему, бывает много лотерей, в которых все делается по-честному.

— Что ж, каждый может иметь свое мнение, но собственное мнение — штука забавная: человек с неправильными мнениями кончает либо тюрьмой, либо парламентом.

— Лучше расскажи про лотерею... Повтори, как ты ее назвал.

— Единственная в истории Австралии честная лотерея. Я сам устраивал, так что знаю...

— Ну рассказывай.

— Ладно. Значит, как я уже сказал, дело было во время депрессии. Жили мы в пригороде Ди Уай. Мой сосед разводил птицу. Я поглядывал через забор на кур — а они только и делали, что кудахтали да клевали корм,— и думал: «Жрут без конца, как только не лопнут, а люди голодают. Несправедливо! Надо устроить лотерею: разыграть кур». И Кларе сказал: «Надо разыграть кур в лотерею».

— Кто это Клара?

— Моя жена, Клара. Баба — лучше не надо на своем месте, только своего места-то она еще не нашла. Но дурного не скажу: Клара тоже согласилась, что кур надо разыграть. Раз ночью перемахнул я через забор и захватил пару больших черных кур из породы орпингтонов. Ты не представляешь себе, какой шум может поднять курица, если знает, что ее собираются разыграть в лотерею! Даже хозяина может разбудить. Наконец я благополучно унес их и спрятал в мешке под кроватью.

— Ты же хотел рассказать про честную лотерею, при чем здесь кража кур?

— Все в свое время. Знаешь, неплохое пиво! Да, следующий день был субботний, и я пошел в наш кабачок в Ди Уай. Он тогда еще был старый, обшарпанный, не то, что теперь — лучший кабачок в Сиднее. И кур с собой захватил в мешке из-под картофеля, головы их торчали из дырок в мешке. Я продал целую пачку билетов по три пенса за штуку — немалые деньги по тем временам. Чтобы лотерея была уж совсем честной, попросил хозяина кабачка вытаскивать номера.

— Подожди, что ж это за честная лотерея, если...

— Мой отец не стал бы с тобой водить компанию, даже пари не стал бы держать. Ты меня то

и дело перебиваешь и весь рассказ портишь.

— Виноват. Давай еще выпьем.

— Ладно. Так вот, выиграл двух кур парень, которого звали Смит, низенький такой, белесый, еще у него был перочинный ножик с костяной ручкой. Я отдал ему обеих кур с мешком, как полагается... Ему прямо казалось, что он выиграл в настоящей большой лотерее. Единственная лотерея, разыгранная совсем по-честному за всю историю...

— Постой, а как же с твоим соседом по дому? Ведь ты же украл у него кур! Не такая уж это честная лотерея.

— Все в свое время. Меня мучила совесть оттого, что я украл кур, и когда Смит отправился восвояси, я пошел за ним следом. Уже стемнело. Он вошел в дом, рассказал жене про кур и отнес их в сарай. Я стоял в темноте у ворот, прислушиваясь и присматриваясь. Потом вернулся домой, поел на ужин поджаренного хлеба с помидорами. Единственная в истории Австралии лотерея, разыгранная совсем по-честному...

— Постой, а как же насчет парня, у которого ты украл кур?

— Видишь ли, я так беспокоился о нем, что в ту же ночь пошел к Смиту и стащил из сарая этих двух кур.

— И вернул их хозяину?

— Ну конечно. Единственная правильная, честная лотерея.

— Одну минуту. А Смит, который выиграл в лотерею? Он же заплатил за билет три пенса.

— Верно. Я об этом тоже подумал. Сначала отнес кур их хозяину, потом вернулся к Смиту и подсунул ему под дверь трехпенсовую монету... Я же тебе говорил: единственная в Австралии честная лотерея.

— Твоя правда. Признаю: рассказывать ты умеешь.

— Что я! Вот мой отец — тот умел! Да, кстати. Я тебе еще не рассказывал про самую жульническую лотерею в Австралии.

— Мне пора идти. Завтра расскажешь.

— Завтра меня здесь не будет. Завтра я буду разыгрывать в лотерею двух цыплят в кабачке «Красный папоротник».

История, которую рассказал Билли Боркер в кабачке «Красный папоротник»

— Я тебе никогда не рассказывал про самую жульническую лотерею в Австралии?

— Нет, ты рассказывал про единственную честную лотерею.

— То совсем другая. Я ее сам устраивал в Ди Уай во время кризиса.

— Выпей-ка кружку!

— Что ж, я не прочь. Так вот, самая жульническая лотерея была в штате Виктория, в местечке Долина Бенсона. Устроил ее парень по имени Триггер Макинтош. Понятия не имею, почему его так прозвали, знаю только, что у него было тринадцать ребятишек. Низенький такой, голова лысая, как бильярдный шар. Так вот это он устроил целых шесть лотерей.

— Шесть? Ты же сказал, только одну!

— Видишь ли, можно считать и так. Дело в том, что одну и ту же тыкву он разыграл шесть раз в одной и той же пивной.

— Но кто же станет покупать лотерейный билет, чтобы выиграть тыкву?

— Австралийцы всегда готовы купить лотерейный билет. Это вошло у них в привычку еще со времени кризиса. Ведь привыкаешь ходить в церковь или пить пиво, так и с лотерейными билетами. Во всяком случае, эта тыква была особенная. Самая большая в мире. Такая огромная, что шестерым ребятам понадобилось шесть часов, чтобы выкопать ее.

— Но ведь тыквы не растут под землей.

— Я знаю, но эта была такая тяжелая, что вросла в землю, и сверху ее совсем не было видно.

— Не может быть!

— Если не веришь, можешь спросить Макинтоша. Он, брат, вырастил эту тыкву. Говорю тебе: шестерым ребятам понадобилось шесть часов, чтобы ее выкопать...

Это рассказы из серии, написанной австралийским писателем Фрэнком Харди в 1956—1957 годах. Рассказы, пожалуй, можно назвать современным фольклором. Ф. Харди собирал их в кабачках, куда сходится рабочий люд выпить кружку пива, поболтать и обменяться интересными историями. В оригинале такие истории изложены разговорным идиоматическим языком.

— Ты уже это говорил.
— Да, но тем же шестерым ребятам потребовалось еще шесть часов, чтобы по шести доскам вкатить ее в шеститонку: надо же было отвезти тыкву в пивную, чтобы разыграть.
— И ее разыгрывали шесть раз?
— Да, но только не забегай вперед. Никогда не надо забегать вперед — вот что всегда говорил мой отец. Сначала я должен рассказать, как они вырастили эту тыкву.
— Они! Ты ведь сказал, что тот парень сам ее вырастил. Напомни, как его звали.
— Триггер Макинтош. Дело в том, что совсем не он вырастил тыкву. Он владел ею вместе с другим человеком по имени Страттон Зеленые пальцы. Старый Страттон смог бы даже на голых камнях вырастить самые лучшие орхидеи, по крайней мере так думал мой отец. Однажды Триггер сказал Страттону: «В одном месте мне можно взять участок земли и засадить огород». Представляешь? Сказать такое старику Страттону, который всегда твердил: «Если бы мне землицы, чего бы только я на ней не вырастил!..» Странно, почему-то людям никогда не удается осуществить свою мечту. Я был знаком с одним скрипачом, так тот всю жизнь мечтал стать футболистом-профессионалом.

— Я про него уже знаю. Выпей-ка еще кружку и рассказывай дальше...
— Ладно, оказалось, что Триггер уговорил одного старого фермера, у которого больше денег, чем ума, одолжить ему участок земли на берегу реки. Там через каждые несколько лет происходили наводнения, и поэтому земля была жирная, хорошая. Ох, и ловкач же этот Триггер, в парламенте он нажил бы целое состояние, честное слово! Почему-то они решили выращивать тыквы, и Страттон Зеленые пальцы взялся за работу. Вскоре побеги тыквы разрослись по всей береговой полосе, они переползли через ручей, появились на лугах, засеянных люцерной, залезли на стены дома старого фермера, даже перевалили через дорогу к пивной. Триггер и Страттон Зеленые пальцы стали ждать урожая, но тыквы не появлялись, наконец, одна-единственная тыква вылезла как раз посередине выгона и начала расти со страшной быстротой, просто на глаз было видно, как она разбухала, покуда не сделалась такой тяжелой, что стала врастать в землю. И потом шестерым ребятам...
— Да, я знаю, шестерым ребятам понадобилось шесть часов, чтобы ее выкопать...
— Верно. И тем же шестерым ребятам потребовалось еще шесть часов, чтобы вкатить ее по шести доскам на шеститонку: надо же было отвезти ее в пивную.
— Ладно, а почему же они не продали тыкву или не предложили ее на выставку?
— Что? Они на ней гораздо больше заработали, разыграв ее шесть раз в лотерею! Во всяком случае, они отправились вместе с ней в пивную. Нечего и говорить, что в двери она не влезла, и ее оставили на грузовике перед входом. Триггер повесил на ней плакат: «Самая большая тыква в мире. Шесть пенсов билет». Купили в газетном киоске шесть пачек бланков лотерейных билетов по сто штук в каждой...
— И распродали все билеты?
— Еще бы! Тут же, в пивной! Тыква была огромная, а у фермеров вошло в привычку покупать лотерейные билеты, я ведь тебе уже говорил. Целый день вокруг тыквы толпились люди, а после обеда шестеро парней влезли на самую ее верхушку и расположились на солнышке пить пиво. Розыгрыш был устроен перед закрытием пивной.
— Кто же выиграл?
— Конечно, старый Страттон Зеленые пальцы, ведь Триггер сам вытянул билет из керосиновой жестянки, которую специально припас для этого, недаром же я сказал, что это была самая жульническая лотерея в Австралии.
— Ты сказал, что тыкву разыгрывали шесть раз.
— Факт. Если не веришь, можешь спросить Триггера Макинтоша...
— И верно, что этот парень, Страттон Зеленые пальцы, выигрывал ее каждый раз?
— Нет, он выиграл только пять раз.
— Ну, а кто же выиграл на шестой раз? Знаешь, когда-нибудь тебя убьют посредине рассказа.
— Зачем ты заставляешь меня забегать вперед, только весь рассказ портишь! Мой отец всегда говорил...
— Да, я знаю, что он всегда говорил... Вот твое пиво...
— Спасибо. Буду рассказывать все по порядку. Страттон Зеленые пальцы выиграл в первый раз потому, что Триггер Макинтош сделал пометку на билете. На следующее воскресенье они снова привезли тыкву к пивной.
— Довольно странно, что самую большую тыкву в мире разыгрывали столько раз.
— Дело в том, что они переделали плакат. Написали: «Вторая по величине тыква в мире». Снова продали шестьсот билетов, и старый Страттон Зеленые пальцы опять выиграл тыкву. На третье воскресенье они разыгрывали тыкву третью по величине и так далее, пока наконец в одно из воскресений они не приехали в пивную с шестой по величине тыквой в мире.
— Неужели ты хочешь сказать...
— Если не веришь, можешь спросить...
— Я-то тебе верю, но другие не поверят. Давай дальше: кто выиграл ее в шестой раз?
— Все в свое время. Нечего и говорить, что тыква стала выглядеть немножко потрепанной, да это и не удивительно: ее то и дело перекатывали с земли на грузовик и обратно, и столько народу забиралось на нее, чтобы пить пиво. На ней появились царапины и вмятины, как говорил мой отец. Триггер Макинтош потом рассказывал, что тыква как будто делала ему гримасу и ворчала, когда он проходил мимо. Почему-то разные типы, ну, знаешь, завистливые ханжи и всякие другие начали болтать, что лотерея разыгрывается не по-честному.
— Да ну!
— Факт. Есть люди, которым никак не угодишь. Во всяком случае, мой отец рассказывал, что Данни О'Коннел, владелец пивной, сказал Триггеру: «Я как будто уже где-то видел эту шестую по величине тыкву». «Чистое недоразумение! — заявил Триггер. — Вы просто ошибаетесь». Он всегда найдет, что ответить, этот Триггер. Я тебе не рассказывал, как Триггер опоздал на концерт в Мельбурне?
— Как будто нет. Ты лучше кончай про шестую лотерею. Мне хочется узнать, чем все кончилось.
— Но должен же я показать, как остер на язык этот Триггер, иначе ты просто не будешь знать, что он за человек! Так вот, он опоздал на концерт, а певец на сцене прекратил свои трели и отпустил саркастическое замечание: «Лысый джентльмен, я вижу, опоздал». Триггер тут же, не задумываясь, ответил: «У некоторых джентльменов волосы на голове растут за счет ума». Да, старый Триггер — человек остроумный, что и говорить!
— Вижу, вижу...
— Так на чем я остановился? Да, на том, что Данни О'Коннел, владелец пивной, в разговоре с Триггером проехался насчет лотереи. Постой, ты меня все время перебиваешь, так я потеряю нить. Так вот, О'Коннел не любил, чтобы в его пивной устраивались лотереи, потому что в карманах у завсегдатаев денег не так уж много и он хотел, чтобы они тратились на пиво. Вот он и сказал Триггеру: «Мои посетители жалуются: они говорят, что Страттон Зеленые пальцы выиграл в вашей лотерее пять раз подряд». А у Триггера, как всегда, ответ наготове. «Старому Страттону всегда везет», — заметил он. «Да, — ответил О'Коннел, — и работает он с очень удачливым партнером, если уж вы хотите знать мое мнение». «Никто вашего мнения не спрашивает, — сказал Триггер, — но мы, по крайней мере, не заливаем в нашу тыкву воды и не выпускаем ее гулять в воротничке из пены, как некоторые поступают с пивом». Старого Триггера переспорить не мог никто, уж это точно.
Во всяком случае, несмотря на неприятные разговоры, Триггер и Страттон распродали шесть пачек билетов. Но как раз в ту минуту, когда Триггер собирался вытащить билет Страттона из жестянки, Данни О'Коннел вдруг заявил: «Одну минуту. На этот раз билеты буду тянуть я». Можешь себе представить, что почувствовал Триггер. Ведь если посторонний выиграет, он теряет капитал. Тут он и говорит: «Мне не нравится, что здесь бросают тень на мое честное имя, но если вы настаиваете, можете вытягивать билеты». И, быстро сообразив, добавил: «Можете это сделать от шести до семи вечера».
— А не все ли равно, в котором часу это должно было произойти?
— Ну, как! Совсем не все равно. Он отзывает в сторону Страттона и говорит: «Здесь шесть пачек билетов. Пойди запрись в уборной и напиши на каждом билете мою фамилию».
— Значит, старый Триггер сам выиграл по шестой лотерее?
— В том-то и дело, что выиграл парень по прозвищу Коннор Длинный нос, и это был единственный лотерейный билет, который он купил за всю свою жизнь. Страттону свело пальцы оттого, что ему пришлось столько раз писать фамилию Макинтоша, и он смог заполнить только половину билетов. Но так уж случилось, судьба, видно, что О'Коннел вытянул номер, купленный Длинным носом.
— А что же он сделал с тыквой? Съел ее?
— Какой там! Длинный нос в то время жил в палатке. Он с помощью динамита проделал в тыкве дыру и превратил ее в дом. Жил там шесть лет с женой и шестью детьми.
— Не может быть!
— Факт. Я бы тебя отвез в то место и показал бы дом, только он сгорел во время лесного пожара в тридцать шестом году.
— Ты молодец. Выпей еще пива.
— Нет. Я занят. Разыгрываю лотерею. Самый большой индюк в Австралии. Два пенса за билет. Тебе сколько штук?

Перевела с английского **С. КРУГЕРСКАЯ.**

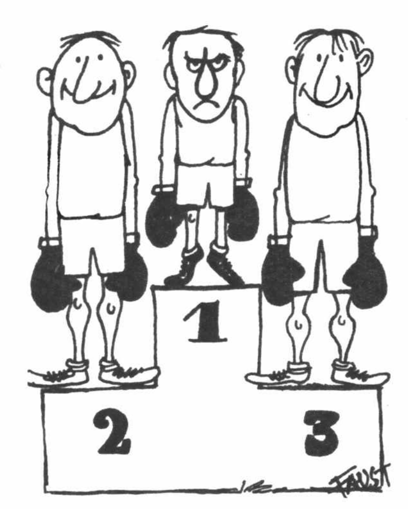

ФРГ.

— Капитан, прикажите полный вперед! Ракета падает назад!

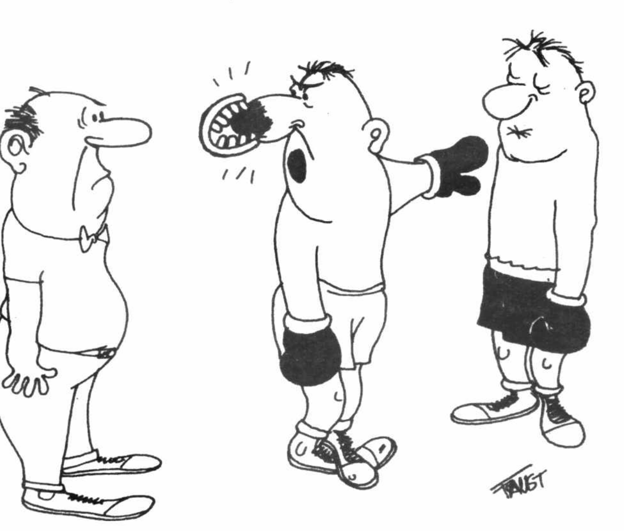
Победители.

— Простите, разве за этим столом не сидел мальчик с отцом?
— Отец умер от голода. А маленький мальчик — это я.

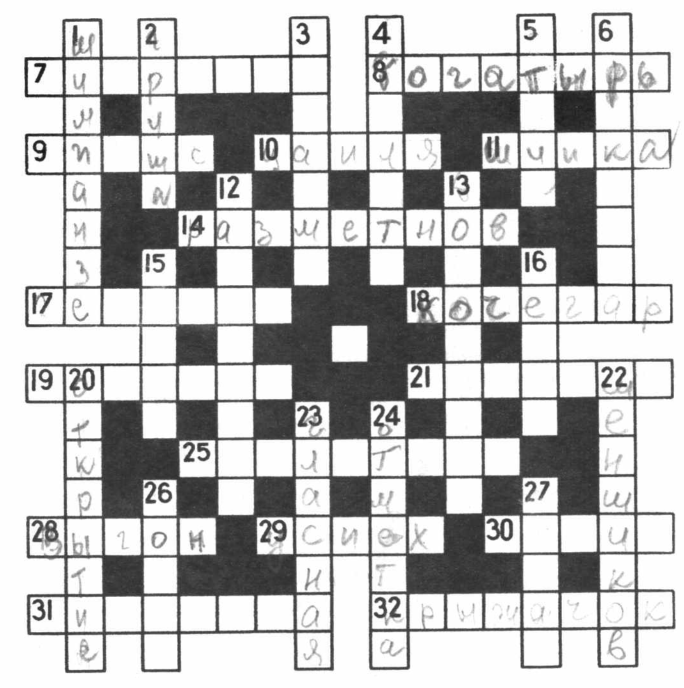
— Доброе утро!

— Судья, это не по правилам!

На восьми страницах вкладок этого номера живопись и графика эстонских художников.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Учительница в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 8. Герой русских былин. 9. Изделия тонкой керамики. 10. Болотная птица. 11. Перевал через Балканы. 14. Действующее лицо из «Поднятой целины» М. Шолохова. 17. Дикий голубь. 18. Картина Н. Ярошенко. 19. Партизан в романе А. Фадеева «Разгром». 21. Деталь автомобиля, вал. 25. Безударное слово. 28. Пастбище. 29. Произведение Лиона Фейхтвангера. 30. Остров в Карском море. 31. Удивительная вещь, явление. 32. Белорусский танец.

По вертикали:

1. Крупная обезьяна. 2. Плодовое дерево. 3. Вулканический массив в Африке. 4. Строительный материал. 5. Часть подшипника. 6. Бумага для чертежей. 12. Зимний сорт яблони. 13. Сухой многосеменной плод растений. 15. Город и порт в Северо-Восточном Китае. 16. Персонаж из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя. 20. Новая истина. 22. Сподвижник Петра I. 23. Буква, передающая открытый звук. 24. Оценка знаний учащегося. 26. Участок леса в степи. 27. Венгерский композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Краснокамск. 8. Тачанка. 9. Сильвин. 11. Ударник. 13. «Рябина». 14. Яровая. 16. Грёза. 18. Сальник. 19. «Смена». 23. Морена. 25. Капрон. 26. Лингвистика. 29. Бокс. 31. Зябь. 33. Накат. 35. Туризм. 37. Аммиак. 41. Бажов. 42. «Бойцы». 43. Организатор.

По вертикали:

1. Проба. 2. Эстакада. 3. Бастилия. 4. Исеть. 6. Сабля. 7. Хиума. 10. Уреньга. 11. Унисон. 12. Кряква. 13. Резюме. 15. Ячмень. 17. Разработка. 20. Невельской. 21. Трал. 22. Арфа. 24. Аргон. 25. Катет. 27. Ильм. 28. Кама. 30. Курс. 32. Ялик. 34. Коровин. 36. Значок. 38. Моцарт. 39. «Волга». 40. Кофта.

Растения-змеи

Не правда ли, растение похоже на громадное скопище змей гигантских размеров, которые сплелись в ожесточенной схватке?

Это — декоративное растение глициния. Ее побеги с непарноперистыми листьями достигают двадцати метров, обладая удивительной способностью переплетаться между собой.

Глициния с успехом используется как декоративное растение для беседок и шпалер. Цветет она тогда же, когда распускаются листья. Синевато-сиреневые цветы, собранные в поникшие кисти, создают впечатление сказочного цветочного каскада.

Ф. ЗОРИН

Сочи.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление В. Высоцкого.

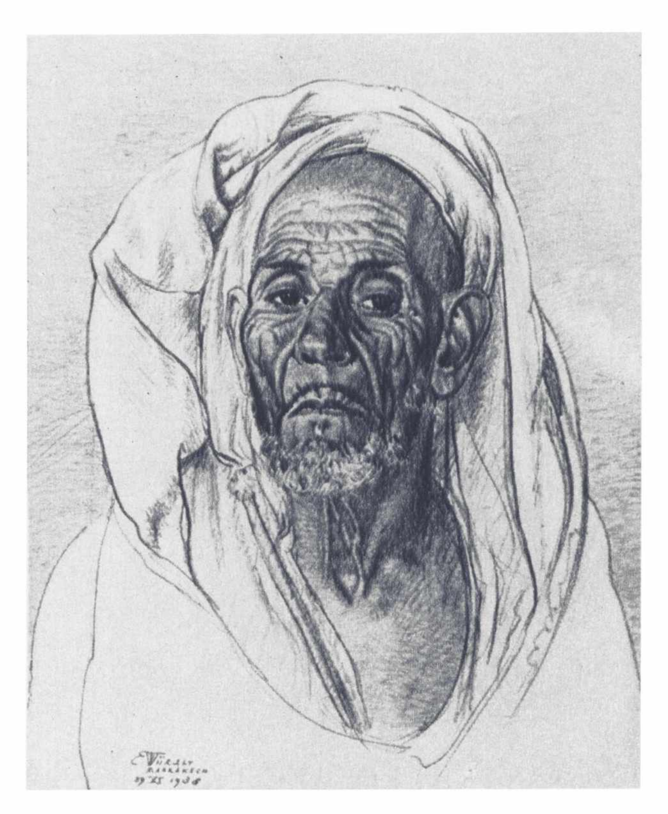
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05483. Подписано к печати 16/VII 1958 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 639. Заказ № 1647.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Айно Бах-Лийманд. ЭЛЬВИ МЯЭНУРМ — ПЕРЕДОВАЯ ТКАЧИХА ТЕКСТИЛЬНОЙ ФАБРИКИ «КЕЙЛА».
Акватинта.

Эдуард Виральт. СТАРЫЙ АРАБ. **Рисунок.**

Отт Кангиласки. РЕКА КЕЙЛА.
Сухая игла.

Рихард Сагритс. ТАЛЛИН.
ВИД С УЛИЦЫ ХАРЬЮ.

Цена номера 3 руб.